С.А.ЯЦЕНКО

ЗНАКИ-ТАМГИ

ИРАНОЯЗЫЧНЫХ НАРОДОВ ДРЕВНОСТИ И РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

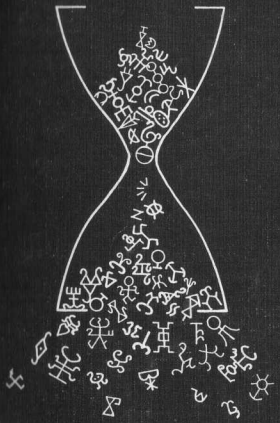
Монография посвящена анализу загадочных до сих пор знаков-тамг древних ираноязычных народов Евразии, активно использовавшихся с VI в. до н.э. На этнографическом материале этих народов выясняется, что тамги были прежде всего знаком собственности клана, реже — отдельной семьи. Базой для исторических выводов автора стала огромная и хорошо датированная коллекция знаков древней Сарматии (Южнорусских степей) II в. до н.э. — IV в. н.э. и отчасти — доисламской Средней Азии. Анализ тамг позволяет в ряде случаев уточнить генеалогию знатных кланов, направления миграций племен, восстановить важные факты политической истории отдельных стран и народов

С.А.ЯЦЕНКО • ЗНАКИ-ТАМГИ ИРАНОЯЗЫЧНЫХ НАРОДОВ

С.А.ЯЦЕНКО

ЗНАКИ-ТАМГИ

ИРАНОЯЗЫЧНЫХ НАРОДОВ ДРЕВНОСТИ И РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Российский государственный гуманитарный университет

С.А.ЯЦЕНКО

ЗНАКИ-ТАМГИ

ИРАНОЯЗЫЧНЫХ НАРОДОВ ДРЕВНОСТИ И РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Москва

Издательская фирма «Восточная литература» РАН

2001

УДК 94(3)
ББК 63.3(0)3
Я92

Работа выполнена
в рамках исследовательского проекта
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ),
№ 98-01-00239

Издание осуществлено
при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
согласно проекту № 00-01-16134

Редактор издательства
В.В.Волгина

Яценко С.А.

Я92 Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья. — М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2001. — 190 с.: ил.
ISBN 5-02-018212-5

В монографии проведен комплексный сравнительный анализ родовых и семейных знаков собственности–тамг ряда иранских этносов древности и раннего средневековья. Основой для методологических построений и выводов стала крупнейшая в иранском мире коллекция тамг сармато-аланов и их соседей I в. до н.э. — IV в. н.э. Детально проанализированы особенности использования «царских» знаков Боспорского царства и уточнена их атрибуция конкретным правителям, что позволило лучше изучить генеалогию и политическую судьбу отдельных аристократических кланов. Впервые предложено решение проблемы соотношения тамг иранских и тюркских этносов.

ББК 63.3(0)3

ТП-2001-I-149
ISBN 5-02-018212-5

© С.А.Яценко, 2001

Памяти моего отца, ученого-физика
Александра Фомича Яценко
(1923–1994)

ВВЕДЕНИЕ

(История и основные проблемы изучения тамг иранских народов)

Мир иранских народов древности, как оседлых, так и кочевых, дал человечеству немало важных культурных достижений и до сих пор обладает для многих определенной привлекательностью. Иранским народам (расселившимся к началу железного века от Монголии и верховьев Хуанхэ до Ирана и устья Дуная) была свойственна как изначальная, так и приобретенная при более поздних контактах известная общность в языке, языческой религии, деталях костюма. Вполне естественно предполагать и возможное наличие некоего общего «ядра» их знаков (тамг). Единичные *знаки* оригинальных форм и их *скопления* на древней территории иранского мира уже полтора столетия привлекают внимание не только профессиональных исследователей, но так или иначе — каждого человека, хотя бы бегло впервые их увидевшего. Помимо прочего знаки производят определенное эмоциональное воздействие и как бы притягивают своей загадочностью, неким скрытым в них смыслом. Неудивительно, что подчас даже серьезные исследователи были и будут становиться сторонниками *романтических версий* их интерпретации (магические символы, нерасшифрованные пиктограммы и т.п.). Как показывает целое столетие научной полемики по тамгам, никакие *логические доводы* (причем многократно повторяемые и детально разъясняемые) не могут помешать проявлению некоторых базовых характеристик человеческого сознания — жажды Чудесного, предвкушения Тайны... Долгие десятилетия слишком однобокой и примитивной атеистической пропаганды и насаждения принудительного единомыслия в СССР вызвали в последние годы естественную реакцию в виде интереса к религиозной проблематике (и особенно к мистике), к разного рода необъяснимым пока явлениям в жизни общества, и часто в сочетании с желанием подчеркнуть *оригинальность* собственных позиций. К сожалению, все это пока весьма негативно сказалось на изучении древних знаков. На деле никакой оригинальной позиции молодыми исследователями стран бывшего СССР пока не сформулировано и все новые версии так или иначе обрамляют до сих пор крайне слабо *аргументируемую* **«магическую»** теорию столетней давности

(см. прежде всего в качестве характерного примера материалы весьма интересных докладов: Ельников, 1996, 151; Барудкина, 2001, 189).

Изучение такой категории массового материала, как знаки (тамги) древних иранцев, связано со множеством трудноразрешимых проблем. До сих пор не до конца выяснены их функции, критерии отличия от орнамента и редко используемых сакральных символов, специфика тамгопользования иранских народов по сравнению с соседями. Отсутствует даже *определение понятия тамги и обычаев их использования*, не привлекаются корректные этнографические аналогии по *иранским* этносам. Типы тамг пока *не картографировались* по регионам, не уточнена *хронология* многих памятников с ними и тем более — бытования *отдельных их типов*. Сегодня причудливо сосуществуют несколько взаимоисключающих версий их семантики, а мнения ведущих специалистов, изучающих тамги, по многим вопросам *методологии* подчас полярно расходятся. Иными словами, изучение тамг, несмотря на длительные и самоотверженные усилия многих ученых, находится пока в зачаточном состоянии.

Кланово-семейные знаки иранских народов (которые сегодня обычно именуют тюркским термином **«tamga»**) называются в персидском эпосе «Шах-наме» Фирдоуси **«nišan»**, у современных таджиков **«nišon»** («метка, знак, след») (Пещерева, 1959, 110,113), а у потомков европейских сарматов — осетин — древним термином **«gakk»** («крючок») (Абаев, 1958, 506)[1]. По регионам они изучены крайне неравномерно. К тому же известны древние ираноязычные этносы, у которых тамгопользование *не было распространено* (хотано-саки Синьцзяна; сарматы Венгрии). Сравнительно хорошо исследованы знаки Кушании, Хорезма и «монограммы» персидских Сасанидов. Однако особенно многочисленны выявленные комплексы с тамгами в европейских и предкавказских степях — *на землях древней Сарматии* (вследствие того, что эта территория с начала XX в. наиболее изучена в иранском мире). Благодаря обильному римскому импорту и находкам античной эпиграфики мы можем уточнить датировку многих знаков.

Изучение знаков Сарматии. Интерес к «сарматским знакам» возник в России около 150 лет назад в связи с публикацией таких ярких памятников, как два покрытых 120–150 тамгами мраморных льва из кургана у древней Ольвии (Муразкевич, 1853, 247, табл. VI). Именно знакам европейской степной зоны посвящено подавляющее большинство публикаций, в том числе — четыре монографии (Мещанинов, 1933; Jänichen, 1956; Соломоник, 1959; Драчук, 1975)[2]. Литература по этой теме огромна и труднообозрима (в основном это публикации отдельных предметов с тамгами и краткие упоминания о них в разного рода обобщающих трудах).

Интерес к этим знакам проявился уже тогда, когда Ф.К.Брун высказал ряд замечаний по поводу точности их прорисовок в первоначальной публикации и ввел популярный длительное время термин «загадочные знаки» (Брун, 1863, 993). Вскоре П.О.Бурчаков, не будучи знаком с соответствующими *этнографическими* материалами, пришел к выводу, что *знаки собственности* (тамги) якобы не имело смысла помещать *группами* на одном объекте. Основываясь на размещении некоторых причерноморских (только ольвийских) знаков *рядами* и иногда — *их повторяемости*, он посчитал их готской письменностью, будто бы очень похожей на *глаголицу* (Бурчаков, 1875, 191–199)[3]. Тем самым он положил начало одной из наиболее распространенных версий интерпретации знаков (*«протописьменная версия»*, *«теория письма»*). Идеи П.О.Бурчакова по-своему развил В.В.Латышев, считая скопления знаков, найденных *в греческих городах, тайнописью религиозного назначения*, использовавшуюся *самими греками* (Латышев, 1889, 135–138), а еще позже — М.И.Ростовцев, объявивший их формировавшейся (но не оформившейся из-за вторжения гуннов) *сарматской письменностью* (Ростовцев, 1914, 298–299; Ростовцев, 1925, 154)[4]. Вскоре, однако, исследователи смогли привести серию убедительных доводов против «теории письма» (Мещанинов, 1933, 15–16; Соломоник, 1959, 20)[5]. Формируется и тенденция объявлять скопления сложных знаков *средневековыми тюркскими* (Савельев, 1875, 374–375).

Уже в 80-х годах XIX в. раздаются призывы изучать древние тамги Юга России («юридические знаки») *системно, по особой программе*, с попытками выделить более поздние формы (Соловьев, 1887, 111–113). Тогда же В.Н.Юргевич впервые отметил (на примере степи из Кривого Рога) вклад ираноязычного населения (**аланов**) в формирование скоплений знаков и впервые же *сравнил их с тамгами народов Западного и Центрального Предкавказья* (Юргевич, 1889, 504–505). В дальнейшем эта версия была подкреплена на этнографических материалах

[1] Этот необычный термин для тамги связан своим происхождением с силуэтом железного инструмента для клеймения овец и лошадей. К концу его («крючку») под прямым углом крепилось ажурное изображение тамги определенного клана.

[2] Книга Г.Енихена, содержащая много неточных рисунков и слабоаргументированных выводов, подверглась особенно суровой критике (см.: Драчук, 1975, 39–43, 106).

[3] Эта трактовка была позже активно поддержана П.Я.Черных (Черных, 1947, 1–14).

[4] Последний раз в пользу этой версии (как и предшественники — почти без аргументации) высказывались В.П.Яйленко (Яйленко, 1987, 153) и Ю.Г.Виноградов (Беттгер/Виноградов, 1994, 66–67). Показательно, что она поддерживалась только учеными-античниками, в основном эпиграфистами.

[5] В анонимной византийской Пасхалии VII в. отмечается, что из древних «варварских» народов Юго-Восточной Европы «знают *собственные письмена*... сарматы... скифы... бастарны» (Турчанинов, 1990, 102). В III–IV вв. наличие надписей на аланском языке (с использованием греческого и арамейского алфавитов, квадратного еврейского письма) предполагает Г.Ф.Турчанинов (там же, 58–70, 157–161). К такого рода надписям, на наш взгляд, несомненно относится ряд знаков на мраморном сосуде из Соколовой Могилы (Ковпаненко, 1986, рис. 61). Иными словами, сармато-аланская письменность, видимо, действительно *существовала*, но имела совершенно не тот облик, который предполагался М.И.Ростовцевым.

Предкавказья В.П.Пожидаевым (Пожидаев, 1948, 240–250) и в специальной главе монографии В.М.Батчаева (Батчаев, 1986). Затем она была принята ведущими исследователями тамг Восточной Европы и Кавказа — Э.И.Соломоник и (с оговорками) Х.Х.Яхтаниговым.

В начале XX в. В.В.Шкорпил подчеркнул *клановый, а не индивидуальный* характер тамг и *впервые выделил один из царских знаков* сарматизованного Боспорского царства — тамгу Саврómата II (Шкорпил, 1911, 112–114). Вскоре, вслед за Э.Миннэном, были определены как *тамги* знаки на монетах сарматских «позднескифских»» царей 2-й пол. I в. н.э. Фарзоя и Инисмея (Орешников, 1921, 227–228), что получило поддержку со стороны многих других исследователей, начиная с В.Ф.Гайдукевича (Гайдукевич, 1949, 427–430).

В начале XX в. мало кто из ученых сомневался в том, что «загадочные знаки» датируются в основном *римским временем*; многое для уточнения времени бытования конкретных царских знаков было сделано В.В.Шкорпилом (Шкорпил, 1910, 32). В 20-х годах были предприняты первые попытки *выявления наиболее ранних* тамг Степи. Одна из них принадлежала И.Костржевскому, который считал возможным датировать знак на котле из Хатожукаевского аула в Закубанье еще I в. до н.э., а не рубежом н.э., как Б.Антоневич (Kostrzewski, 1921, 127–134)[6]. Вскоре Н.А.Захаров справедливо, на мой взгляд, называл знак на монетах царицы Динамии *скорее тамгой, а не монограммой*, основываясь на наличии в скоплениях сарматских знаков целой серии близких ей знаков[7] (Захаров, 1929, 135) (см. также раздел 4).

Вместе с тем в начале XX в. сформировались два популярных до сих пор направления в трактовке «сарматских знаков». Во-первых, это **«магическая» теория М.Эберта** (Ebert, 1909, 71), которая была и *будет*, как я уже отмечал, психологически необычайно *привлекательной*, несмотря на то, что ее сторонники пока не перегружают читателя обилием *аргументации* и до сих пор не могут привести никаких историко-этнографических аналогий по ираноязычным этносам (см.: Грицина, 1981, 135–136). Во-вторых, это увлечение выяснением некоего «первоначального смысла» основных элементов сложных боспорских царских знаков сер. II — сер. III в. (знаки 2-го периода по моей классификации: см. раздел 4), начало чему было положено И.Костржевским (Kostrzewski, 1921, 131–132). Вероятно, эти попытки *изначально лишены смысла*, так как особенностью иранских народов (в отличие, например, от тюркских, монгольских или финно-угорских) как раз является, по-видимому уже к античному времени, отсутствие ярко выраженных образных ассоциаций в связи с определенным типом кланового знака (см. подробнее раздел 10). И.Костржевский считал, что «тридентсы» боспорских царей 2-го периода исходно представляли якобы **руку Юпитера с молнией** (Kostrzewski, 1921, 131–132)[8], а Г.Хумбах — **монограмму Гелиоса** (Treister, 2000, п. 61). Эти знаки Б.А.Рыбаковым в нижней части трактовались как **два коня, идущих в разные стороны**, а в верхней — как **человек с поднятыми руками** (Рыбаков, 1940, 234). Вскоре С.П.Толстов, согласившись с трактовкой нижней части, видел в верхней **птицу или головы рогатых животных** (Толстов, 1948, 186), Г.Енихен — **петуха на шесте** (Jánichen, 1956, 15–16), а А.А.Туаллагов — **«барана, связанного с солнечным фарном»** (Туаллагов, 1994, 61–62). Недавно В.П.Алексеев разглядел в этих знаках **фигуру дракона** (Алексеев, 1991), а О.А.Панарина — прежде всего **крест** (Панарина, 1998, 327). Несомненно, в будущем читатель столкнется и с *другими* подобными версиями. Однако их подробный культурно-психологический анализ или развернутая полемика с ними не входят в задачу моей работы. Применительно к ним справедливо замечание известного исследователя кавказских тамг Л.И.Лаврова о том, что *изначальный смысл* такого рода рисунков «невозможно определить без риска перейти границы разумного» (Лавров, 1978, 103).

И.И.Мещанинов стал первым исследователем, отметившим перспективу *сравнения «сарматских знаков» с тамгами средневековых аланов Верхнего Дона* VIII–IX вв. для «построения исторической схемы» (граффити на стенах Маяцкого городища) (Мещанинов, 1933, 22–23).

Важное место в историографии проблемы занимает книжка (точнее, брошюра объемом «чистого» текста всего 30 страниц) **Ганса Енихена**. Несмотря на резкую критику со стороны В.С.Драчука, часто вполне справедливую (Драчук, 1975, 39–43), за широкое использование неточных прорисовок изображений, недостоверность многих дат, обилие слабоаргументированных и просто совершенно фантастических выводов, автор внес в науку ряд очень ценных идей. Пожалуй, не вина, а беда Г.Енихена в том, что, впервые пытаясь разобраться в огромном объеме обычно труднодоступного и плохо, часто небрежно и с неточностями изданного материала по иранскому, тюркскому и германскому культурным мирам, он в результате допустил множество серьезных погрешностей. Исследователь впервые решился комплексно рассмотреть тамги иранских народов, определить соотношение тамг иранского и тюркского миров, связь «сарматских знаков» и «монограмм» сасанидского Ирана (предвосхитив тем самым отчасти задачи данной мо-

[6] Справедливость датировки Б.Антоневича затем убедительно подтвердил в своей диссертации А.М.Ждановаский (Ждановский, 1985).

[7] Замечу, что противники атрибуции этого знака как тамги до сих пор не смогли сколько-нибудь убедительно объяснить наличие синхронной *серии сходных* знаков, в том числе вне греческих территорий. Идея Т.Моммзена о том, что это *монограмма ее имени*, была оспорена А.Н.Зографом, отмечавшим, что знак в этом случае почему-то представлен не на лицевой стороне, а на оборотной, там, где обычно размещался портрет императора (Зограф, 1951, 211). Возникло предположение, разделявшееся ранее Н.А.Фроловой, о том, что это *монограмма римского чиновника*.

[8] Для любителей ближневосточных аналогий я мог бы предложить (разумеется, в шутку) искать истоки боспорских тридентов в сходных знаках-символах богов нововавилонского времени — Эа, Мардука (см., например: Делич, 1907, рис. 41–42 — известный межевой камень царя Мардукапалидинна, 721–703 гг. до н.э.).

нографии). Г.Енихен среди прочего пришел к выводам о развитии форм тюркских «тамг» и германских «марок» под влиянием форм и традиций иранского мира (Jänichen, 1956, 29–31, 40), о генетической связи знаков-гакк сарматской знати и «монограмм»-нишан Сасанидов (Jänichen, 1956, 21–23).

До 50-х годов XX в. исследователей привлекали фактически лишь *наиболее экзотичные* и яркие сложные знаки боспорских царей и *крупнейшие* скопления («энциклопедии») тамг. «Серая и тоскливая» кропотливая работа по *качественной публикации* отдельных памятников со знаками, уточнению их *датировок, систематизации* тамг и прочим видам обработки этой очень сложной для изучения категории *массового материала* не вызывала особого энтузиазма. Первые серьезные обобщения были сделаны на уровне тогдашних знаний прежде всего двумя талантливыми украинскими исследователями — **Э.И.Соломоник и В.С.Драчуком**. Они попытались превратить работу с тамгами из *любовная* загадочными рисунками и произвольного *выхватывания отдельных примеров* в формирование *отдельной отрасли науки*. Огромная заслуга обоих авторов состоит в том, что они, опираясь на данные исторической этнографии и часто — весьма тонкий анализ археологических материалов, исследовали и продемонстрировали *экономические и политические* аспекты использования тамг как *знаков собственности*, подорвав тем самым основу разнообразных мистически окрашенных и подчас совершенно нелепых фантастических теорий. Нелегкий и часто, к сожалению, неблагодарный труд по их критике также пришелся прежде всего на их долю. Оба автора посвятили этой теме монографии, которые еще долго не утратят своей ценности (Соломоник, 1959; Драчук, 1975), а В.С.Драчук защитил на эту тему диссертацию (Драчук, 1972). Э.И.Соломоник акцентировала внимание на использовании тамг *для клеймения скота* (Соломоник, 1957, 210–218), В.С.Драчук — *для мечения наиболее ценных вещей* (Драчук, 1975, 56).

Индивидуальные «творческие почерки» обоих ученых заметно различались. Так, Э.И.Соломоник сделала акцент на публикации обширных сводок по накопившимся за определенный период новым памятникам (особенно важны ее сводки: Соломоник, 1959; 1962; 1983), используя при этом главным образом *фотографирование* подрисованных, с подчеркнутыми контурами знаков как *более объективный* метод иллюстрирования. Выводы Э.И.Соломоник в среднем характеризуются осторожностью, отражают ее большую эрудицию; при этом за интерпретацией *этнографических* материалов она предпочитала обращаться к трудам соответствующих *специалистов*. Исследовательница приняла предположение В.П.Пожидаева (Пожидаев, 1948) о том, что сарматские знаки в своем развитии якобы *постоянно упрощались*, и постаралась подтвердить его на сарматском материале (см. разделы 1 и 4). Она ввела в научный обиход не совсем точный термин «сарматские знаки» (подразумевая, что именно сарматы были в Северном

Причерноморье *распространителями* тамг: Соломоник, 1959, 16–18). В целом Э.И.Соломоник, несомненно, является самым талантливым и грамотным исследователем подобной проблематики.

Работы В.С.Драчука сопровождаются, как правило, *прорисовками* изображений. Большой заслугой автора является грамотная публикация крупнейших «энциклопедий» Сарматии — керченской «писаной» плиты 1871 г. и двух мраморных львов из окрестностей Ольвии (Драчук, 1975, табл. XXXII–LI), серия статей по зеркалам, поясным пряжкам и т.п. с тамгами (см. библиографию: там же, 161–162). Этот исследователь проявлял большой интерес к этнографическим тамгам и знакам разных народов, что нашло отражение и в его научно-популярных работах. К сожалению, подход В.С.Драчука в этом вопросе страдал серьезными методологическими изъянами. Так, в ходе социокультурных реконструкций, связанных с тамгами, он почему-то совершенно не обращался к информации по иранским народам, основывая свои выводы на данных по далеким от них по культурной ориентации *аравийским бедуинам, арабам Сирии и Ирака и финно-уграм низовьев р. Обь* (см., например: Драчук, 1975, 54–57). Свой отказ от рассмотрения для сарматов древних среднеазиатских и южносибирских параллелей он обосновывал тем, что у разных *тюркских* народов (?) один и тот же знак может означать *различные* вещи и понятия и, следовательно, сходные знаки отдаленных территорий иранского мира могли иметь *разную природу* (там же, 55). В.С.Драчуку не был известен тот факт, что у *иранских* народов подобный обычай отсутствовал, а *центральноазиатских* элементами в материальной и духовной культуре сармато-аланов он, в отличие от М.И.Ростовцева, С.П.Толстова, Ю.М.Десятчикова и др., не интересовался. Для В.С.Драчука характерен также жесткий стиль полемики с коллегами и, как правило, решительные (но подчас слабоаргументированные) формулировки.

Недавно появилось специальное исследование по использованию тамг у народов Северного Кавказа, в том числе осетин и их древних соседей на Кавказе (Яхтанигов, 1993). Несмотря на вполне явственный адыго-черкесский патриотизм и желание «откреститься» от сармато-аланского культурного наследия в регионе, в этой полезной сводной работе содержится много ценных этнографических материалов и ряд важных выводов сформулирован весьма осторожно.

К началу XX в. тамгами активно пользовались только два ираноязычных народа — **осетины и таджики** (причем знакам таджиков посвящена целая пятая глава монографии известного этнографа Е.М.Пещеревой: Пещерева, 1959). Все это может сделать материалы по тамгам сарматов и их потомков — средневековых аланов и осетин, а также древних бактрийских юэчжей и тохаристанцев и их потомков — таджиков эталоном при изучении знаков иранских народов в целом. *Однако, несмотря на сказанное, тамги Сарматии и Бактрии так и не стали до сих пор полноценным и надежным историческим источником, и их можно, как и десятилетия назад, с полным основанием считать*

«загадочными сарматскими знаками». Дело в том, что за последние 40 лет (с момента выхода в свет книги Э.И.Соломоник) не появилось ни одной серьезной работы, которая вносила бы сколько-нибудь заметный вклад в *методологию и методику* исследования знаков обоих регионов (исключение — только что вышедшая статья: Ольховский, 2001). Очевидно, что старые (в основном описательные) методы исследования тамг *уже практически исчерпали свои возможности*.

Изучение знаков оседлых иранских народов (Иран, бассейны Амударьи и Сырдарьи). Их характеристика также до сих пор остается в основном (за исключением работ А.Н.Гертмана) *описательной*. При этом изначально сформировалась традиция раздельного рассмотрения знаков *аристократии* на монетах, геммах, парадных рельефах и т.п. и предполагаемых *«рядовых»* знаков на кирпичах, терракотовых фигурках и посуде повседневного пользования. Более того, принято утверждать (к сожалению, без необходимой системы аргументов), что знаки на этих разных категориях вещей — *явления разного порядка*. Знаки **на сырцовых кирпичах** привлекли внимание исследователей с конца 40-х годов и вызвали многочисленные попытки выяснить их назначение (см. сводки мнений: Гудкова, 1964, 35; Гертман, 1998, 137). Однако лишь в 80–90-е годы на примере Хорезма они были всесторонне исследованы А.Н.Гертманом (Гертман, 1991; 1998) (см. ниже раздел 1).

Среди знаков Ирана традиционно вызывали наибольший интерес так называемые **«монограммы» знати династии Сасанидов** (см., например: Unvala, 1953; Gyselen, 1995). В них видели изображения наверший зороастрийских храмов (Г.А.Пугаченкова), титулы (В.Г.Луконин), но возобладало предположение Э.Херцфельда о том, что это *монограммы из букв имени* того или иного администратора (см. сводку мнений: Луконин, 1961, 53–54).

РАЗДЕЛ 1

ВОПРОСЫ МЕТОДОЛОГИИ И МЕТОДИКИ ИЗУЧЕНИЯ ТАМГ

На сегодня, как отмечалось выше, **все** *основные вопросы методологии и методики изучения тамг являются спорными или нерешенными*. В литературе (за исключением работ Э.И.Соломоник и В.С.Драчука) сосуществуют самые противоречивые и часто фантастические версии семантики тамг, их происхождения и эволюции.

С 1989 г. в серии докладов нами был постепенно предложен новый подход к исследованию «сарматских знаков», т.е. фактически новая программа их изучения[1]. 1. Составлена полная сводка тамг Сарматии, включающая сотни неопубликованных[2]. 2. Уточнена их хронология

[1] Методика анализа тамг в целом и их скоплений-«энциклопедий» наиболее детально обоснована мною в последние годы в докладах «Тамги Сарматии I–IV вв. н.э. (к методике изучения)» (кафедра археологии МГУ, 02.11.1995), «О методике изучения „энциклопедий" тамг в Сарматии» (скифо-сарматский сектор Института археологии РАН, 26.03.1997) и «К методике изучения античных тамг Северного Причерноморья» (конференция, посвященная 60-летию ВДИ. М., 30.06.1997) на базе составляемого корпуса тамг иранских народов древности и раннего средневековья. К 1996 г. была в целом подготовлена сводка комплексов тамг Сарматии I в. до н.э. — IV в. н.э. по хронологическим группам и выявлена для каждой такой группы региональная специфика (т.е. типы знаков, встреченные только *в одном* из регионов, и подчас неоднократно, *не включая* по указанным ниже причинам скопления-«энциклопедии»).

[2] Данная работа основана во многом на неопубликованных находках и рукописях, любезно предоставленных более чем 30 исследователями из России и с Украины. Особенно важной была для меня помощь А.Г.Акулова, С.Б.Болелова, И.И.Гущиной, Д.В.Журавлева, О.Н.Иневаткиной, акад. Б.А.Литвинского, В.Ю.Малашева, В.С.Ольховского, М.Ю.Трейстера (Москва), А.Б.Никитина, В.А.Хршановского, О.В.Шарова (С.-Петербург), С.В.Демиденко, В.И.Мордвинцевой, А.С.Скрипкина (Волгоград), С.И.Безуглова, И.В.Белинского, В.П.Глебова, Л.С.Ильюкова, И.Н.Парусимова, И.В.Толочко (Ростов-на-Дону), Е.И.Беспалого (музей «Танаис»), А.В.Симоненко (Киев), А.П.Медведева (Воронеж), Б.А.Раева, Е.А.Хачатуровой (Краснодар), Е.А.Смагулова (Алматы), а также указания на неизвестную мне литературу по отдельным регионам и источники Г.А.Кошеленко, Э.А.Новгородовой, А.М.Обломского, Ю.А.Рапопорта (Москва), М.М.Казанского (Париж), О.Б.Бубенка (Киев), И.Н.Храпунова (Симферополь), Д.А.Сташенкова (Самара), Д.В.Васильева (Астрахань), М.Дж.Халилова (Баку). В разработке темы были чрезвычайно полезны мнения по отдельным памят-

(предметы со знаками в курганах с римским импортом; датировки определены исследователями конкретных комплексов и рядом экспертов по хронологическим индикаторам). 3. Тамги рассматривались на фоне достаточно полной сводки знаков различных иранских народов древности и раннего средневековья. 4. Знаки сарматов изучались в контексте их связи с идентичными знаками их прямых потомков (средневековых аланов, осетин XIX–XX вв.) и сохранившихся у них древних обычаев. 5. Предприняты попытки выявить хронологическую, региональную и социальную специфику тамг. 6. Уточнялись время появления знаков в Сарматии и территории, с которых они были сюда принесены. 7. Выявлялись хронологические пласты в скоплениях тамг на одном предмете («энциклопедии»). В целом данная тема находится на стыке нескольких дисциплин: археологии, этнологии, истории и эпиграфики. Ниже рассмотрены *почти не изученные* в литературе аспекты проблемы.

1.1. Проблема генетической преемственности типов тамг и обычаев их использования от сарматов к народам Центрального Кавказа XVIII–XX вв. Практически все типы знаков этих народов (Яхтанигов, 1993, 136–178) имеют прямые аналогии у древних сарматов (Драчук, 1975, табл. III–XVIII, XXXI–LI). Очень близки по конструкции железные орудия для клеймения в Центральном Предкавказье[2] и у ранних аланов бассейна Нижнего Дона[3] I–II вв. н.э. (могильник Кирсановский III, курган 2, где такой предмет в могиле знатного мужчины лежал в бронзовом тазу вместе с предметами конской узды) (Раев, 1979а, 207–208, рис. 1/9, 3/9) (рис. 1/1–2). Основные места нанесения знаков на тело лошади у народов Центрального Предкавказья — бедро, лопатка, для «дополнительного» знака — щеки (Яхтанигов, 1993, 65), что характерно и для сарматов I — начала II в. н.э.: лошади на серебряном кубке и золотой гривне из могилы 1 в Порогах на р. Днестр (Симоненко/Лобай, 1991, рис. 16/3–4, фото 20), на боспорском надгробии Атты, сына Трифона, II в. н.э. (Соломоник, 1957, рис. 1 и 4 (а–б)[4], где «сарматского» облика боспорский грек, несомненно, использовал негреческие традиции клеймения[5], и на золотом браслете из Ольвии (Соломоник, 1959, № 70). В этом случае у сарматов (Пороги) тамга изображена высоко на бедре животного, что в Центральном Предкавказье делалось обычно только для князей (Яхтанигов, 1993, 78)[1].

Ареал распространения тамг, идентичных сарматским, в Центральном и Западном Предкавказье в целом совпадает с границами средневековой Алании X–XIII вв. и ее вассалов (см., например: Кузнецов, 1992, 213–219). Западные соседи алано-осетин — адыго-черкесы, суда по доступным сегодня археологическим и письменным источникам, практически не пользовались тамгами до конца XIV в. В XIII в. аланы особенно упорно сопротивлялись татарам и безжалостно истреблялись. А в 1395 г. смертельный удар по восточной части Алании — Асии (управлявшейся царем Бурюканом и бывшей верным вассалом золотоордынского хана Тохтамыша) был нанесен непобедимым Тамерланом, организовавшим истребление жителей (Кузнецов, 1992, 344–347). Все это резко изменило этническую карту Предкавказья. Массы кавказских аланов в очередной раз мигрировали на запад (в данном случае главным образом в Крым и в Венгрию; см. прежде всего: Бубенок, 1995, гл. III, 169–232). После этого адыго-черкесы заняли часть древней территории аланов, смешались с ними, и, по данным грузинского царевича Вахушти, Аланию («Овсети») стали называть с тех пор Черкесией или Кабардой. Здесь сохранились лишь небольшие группы алано-осетинского населения, ассимилированные позже черкесами (и отчасти группами соседних тюрков с предгорий — предков балкарцев и карачаевцев: Батчаев, 1986). С XV до XIX в. феодалы Черкесии, постоянно поддерживаемые Османской империей и правителями Крымского ханства (с которыми черкесская знать стабильно заключала браки), были наиболее могущественными на Северном Кавказе. Соседние зависимые народы подражали им в этикете и стремились породниться с их знатью; генеалогия и клановые традиции черкесов теперь играли большую роль в регионе. В ходе развития феодального этикета и создания новых, более «блестящих» генеалогий черкесская знать, естественно, заимствовала клановые тамги[6] и обычаи их использования у единст-

никам таких специалистов, как Т.М.Арсеньева, Ю.Г.Виноградов и Н.А.Фролова. Особо выражаю признательность за предоставление неопубликованных этнографических материалов по горным таджикам этнографам В.И.Бушкову и Л.Ф.Моногаровой (Москва). Проект рисунка на обложке выполнен Е.А.Куркиной.

[2] См. некоторые типы таких орудий у адыгов (Яхтанигов, 1993, 20, № 4) и осетин (Калоев, 1973, таб. 18).

[3] В данной работе я предпочитаю деление европейской Степи по географическим зонам, ограниченным *бассейнами рек* (что больше соответствует хозяйственному циклу кочевников). Хочу отметить, что сегодня в литературе неоправданно преобладает использование современного *экономико-административного* деления (в результате чего, например, важные памятники бассейна Нижнего Дона — Жутово, Бердия и др. — относят к Нижнему Поволжью).

[4] Здесь «большой знак» на лопатке представляет тамгу, являвшуюся, видимо, знаком боспорского царя Риметалка (131–153 гг.) (рис. 6/4в), а «подтавроч» на бедре — небольшую уникальную тамгу.

[5] У греков, судя по письменным источникам, было принято клеймить разные породы лошадей отдельными буквами греческого алфавита на бедре или простейшим геометрическим знаком на челюсти (Соломоник, 1957, 216–217).

[6] Быки в сарматском время клеймились одним знаком на лопатке, судя по погребальной керамической повозочке с быком в могиле 210 (1903 г.) в Пантикапее (Соломоник, 1957, рис. 2 и 4, 1; Яценко, 1994в, 20).

[1] Н.Г.Ловпаче высказал предположение, что типы адыго-черкесских тамг происходят от граффити на древних культовых (?) керамических плитках меотов (Ловпаче, 1988, 128–163). С этим выводом, к сожалению, трудно согласиться. С полной коллекцией меотских плиток, включая неопубликованные, меня любезно ознакомила Е.А.Хачатурова весной 1991 г. на конференции «Древности Кубани» в Краснодаре. Огромное большинство таких плиток украшено пальцевыми вдавлениями по углам.

венного и прославленного древнего государства региона — средневековой Алании, господствовавшей ранее над самими черкесами (отчасти этот процесс мог начаться еще перед гибелью этого государства). Именно так в Западном Предкавказье сохранились древние иранские (сарматские) обычаи использования тамг, что представляет большой интерес и позволяет уточнить семантику знаков сарматов. У самих же осетин, долго зависевших от черкесов, значение тамг в быту (в том числе у знати) уменьшилось. В XIX–XX вв. они почти не интересовали (в отличие от черкесских) приезжих и даже местных этнографов[9], однако и отрывочные сведения по тамгопользованию, сохранившиеся в быту и древнем нартском эпосе, представляют большой интерес (ниже они впервые приводятся в «концентрированном» виде). К сожалению, многие важные элементы этой традиции *остались неизвестными* ведущим специалистам по изучению тамг (Э.И.Соломоник, В.С.Драчуку и др.), что серьезно *дезориентировало* их при интерпретации предкавказских (черкесских, балкарских и др.) знаков[10]. Таким образом, в Западном и Центральном Предкавказье в целом сохранилась, несмотря на все катаклизмы, до конца XIX в. *древняя иранская традиция тамгопользования и соответствующие обычаи.* Значение этого факта трудно переоценить.

На Центральном Кавказе (как и у тюркских и монгольских народов) *тамга — это знак собственности клана на участки земли и ценные вещи и причастности к различным акциям* (Яхтанигов. 1993, 66–68; Инал-Ипа, 1969, 45). Собственную тамгу здесь могли иметь *только знатные люди*[11], а зависимые от них лица ставили на свои вещи тамгу покровителя для защиты (Яхтанигов, 1993, 71, 75, 84, 86–87). В степных курганах Сарматии предметы с тамгами также обычно отмечены в могилах знати. Известен обычай украшать золотыми изображениями тамг своего клана края праздничной одежды (Нарты, 1994, 591), что отмечено и у сармато-аланов рубежа I–II вв. н.э.[12]. Кроме основных

Х-образными линиями и точками, соединенными линиями, и прямого отношения к *тамгам* не имеют.

[9] Лишь Б.А.Калоев заинтересовался тамгами в родном Дигорском ущелье и зарисовал около 50 их типов — увы, обычно без уточнения клановой принадлежности (Калоев, 1973, табл. 18). Характерно, что такой крупный знаток позднесредневековой Осетии, как В.Х.Тменов, опубликовавший подборку тамг на каменных оборонительных и поминальных сооружениях XVI–XIX вв., считает эти знаки загадочными и, возможно, даже «зачатками письменности» (Тменов, 1996, 255).

[10] Ср. резкое несогласие с В.С.Драчуком, голословно отвергавшим преемственность этнографических тамг Предкавказья от сарматской эпохи, такого крупного кавказоведа и авторитетного специалиста по кавказским тамгам, как Л.И.Лавров (Лавров, 1978, 108).

[11] У кабардинцев, когда интересовались надежностью и благородством будущего партнера, прежде всего спрашивали: «У того, о ком ты говоришь, есть тамга?»

[12] У аланов бассейна Нижнего Дона на женской одежде нашивались ряды золотых пластинок в форме тамги (Новый, курган 12/3; Терновка, курган 8/1; см. ниже), а синхронная тамга из Северного Приазовья (рис. 5/64) представлена на бляшке из

функций изображения тамги, несомненно, выполняли и другие, второстепенные: знака принадлежности, авторства, удостоверения, покровительства, оберега (см.: Ольховский, 2001, 107–108).

1.2. ***Изменчивость тамг в рамках одного клана.*** Иногда внутри большого рода для различения собственности отдельных семей приходилось на многие предметы и животных кроме основного знака ставить также **дополнительный** (подчас копировавший *часть* тамги клана) (Яхтанигов, 1993, 65–66). Особый знак малой семьи ставился, видимо, при коллективном обжиге произведенной женщинами селения посуды в таджикском кишлаке Сафидорон на р. Кингоу (в то время как на Каратегине, в селении Сари Шухон на весь большой поселок использовалось всего 8 типов знаков, т.е. клановые) (Пещерева, 1959, 109–110, рис. 35/1). Подобная система из двух знаков (*большого* сложного и *малого*, копировавшего деталь первого) представлена спереди и сбоку на головном уборе одного из жрецов сасанидского Ирана (рис. 14, а) (Gyselen, 1995, fig. 7) и, вероятно, на монетах боспорского правителя Савромата II (174–210) (рис. 14, b). Не исключено, что именно два таких знака изображены на клеймах на плече и бедре лошади на известном надгробии II в.н.э. Атты, сына Трифона (Соломоник, 1957, рис. 1 и 4/а-б) (рис. 6/48, 56). Первый из них принадлежит предположительно царю Риметалку (см. раздел 4), второй, возможно, либо маркирует лошадь из табуна *его сына* (?), либо обозначает принадлежность *к одному из табунов* царя. То же можно предполагать для весьма интересной конской упряжи 2-й пол. II в. (по В.Ю.Малашеву) из кургана 1/2 в Кировском I на Нижнем Дону (Ильюков, 1982, альбом а, рис. 51–61), где на ажурных нагрудных серебряных бляхах узды изображена тамга клана будущего царя Инесимея (рис. 6/34), а на золотых накладках из фольги — другой, «малый» уникальный знак (рис. 6/36). В более раннем донском комплексе сер. I — сер II в., исследованном тем же Л.С.Ильюковым (Красноармейский, курган 2), золотые накладки образовывали сходную систему большого и малого знаков (рис. 5/27, 38). Такие тамги на металле могли имитировать (или дублировать) реальное тавренье коня.

Возможно, что для распознания собственности *отдельной семьи* использовались разные варианты написания одного знака (разные варианты тамги Инесимея Боспорского (234–239) — рис. 14, с; тамга на четырех серебряных бокалах и зеркально отраженный ее вариант на котле — рис. 5/64 — из кургана 2/1 в Чугуно-Крепинке). Очень интересно сравнить в этом плане материалы по Сарматии и некоторых прилегающих территорий[13]. У сарматов известен еще один вариант

«скифской» могилы с территории Украины в коллекции ИИМК (Соломоник, 1959, № 134).

[13] Например, на Урцекском городище (Дагестан) почти все граффити со знаками были представлены на ручках гончарных кувшинов (Маммаев, 1973, рис. 1–2). Здесь

возможной «семейной изменчивости» — *зеркально симметричное отражение одного знака на предметах конской узды* одного владельца (курганы I в. до н.э. — III в. н.э., сарматизованные города Боспора III–IV вв. н.э.: рис. 3, d). Такие зеркально отраженные тамги известны и на монетах Фофорса Боспорского (286–308)[14], происходящего, судя по его иранскому имени («Взрослый»), из сармато-аланов (рис. 3, d/1). (Правда, нет оснований утверждать, что зеркально отраженные типы *во всех случаях* принадлежали одним и тем же хозяевам, а не являлись в других случаях *разными* тамгами.)

Не менее важной причиной появления «дополнительного» знака отдельной семьи в рамках клана было *занятие отдельных его представителей ремеслом*, когда для хозяина мастерской или самостоятельного ремесленника с большой клиентурой мечение продукции становилось подчас весьма актуальным. Особенно часто метился диск гончарного круга[15]. Так, у тадживов хозяин кожевенной мастерской метил продукцию, видимо, «семейным» знаком, причем он вырезался на краю кожаных изделий (это, несомненно, древняя евразийская традиция, отраженная и в метках в виде сложных надрезов на ушах коней в могильниках пазырыкской культуры Алтая, и в предкавказских тамговых обычаях). Но на поздних этапах, в городских условиях начала XX в. сходным знаком пользовались в случае необходимости уже и его компаньоны (они добавляли к «основному» знаку дополнительную черточку: Пещерева, 1959, 113). А персидский каменотес в XIX–XX вв. метил «собственным» (?) знаком каждый обработанный камень (Wulff, 1966, 128).

1.3. Причины сохранения идентичных форм клановых тамг с I в. до н.э. по XX в. н.э. Этот факт обычно вызывает у исследователей недоумение. Разве могли сохраниться прямые потомки одного клана на Северном Кавказе в течение двух тысяч лет после множества кровопролитных иноземных нашествий, геноцида и вынужденных миграций? Разумеется, нет. На Центральном Кавказе существовал обычай: после того как умирал последний человек из древнего, знаменитого клана, его тамгу присваивал один из соседних кланов для повышения

при небывалом разнообразии форм знаков они сводятся к пяти основным формам (одна и две-три параллельные линии, «птичья лапа» и «трезубец»), к которым с разных сторон делались микродополнения (точки и короткие линии). Думается, эти микродетали и отражают специфику отдельных семей.

[14] Мнение В.С.Драчука и ряда других авторов о том, что на этих монетах представлена не только тамга собственно Фофорса, но и тамги его *родственников* (?!), остается неаргументированным и не опирается на необходимые *аналогии* в практике античного монетного дела. В свете же названных находок в Степи оно вообще представляется не заслуживающим специального внимания.

[15] Правда, собственно тамга здесь изображалась сравнительно редко. У гончаров иранских народов на диске чаще всего ставился амулет — *солярный крест в круге*. Так было и у этнографических тадживов (Пещерева, 1959, 113), и у аланогорских мастеров Предкавказья II–IV вв., а позже — у средневековых аланов того же региона (информация по личному архиву В.Ю.Малашева, см. ниже).

авторитета и получения его фарна (благодати, удачи) (Лавров, 1978, 105). (У тадживов также после смерти хозяина кожевенной мастерской его знак мог взять один из компаньонов, происходящий из другого клана: Пещерева, 1959, 113.) Другая причина заимствования: при разделении клана на две части новому клану требовалась собственная тамга (Гаглойти, 1976, 121). В этих случаях речь идет не о прямой генетической преемственности семей, а **о сохранении самой традиции в рамках этноса.** Показательно, что те типы тамг, которые у сармато-аланов I в. до н.э. — IV в. н.э. принадлежали *аристократии*, у средневековых аланов VIII–X вв. связаны, вероятно, с лицами *с менее высоким статусом* (знаки ремесленников на дне глиняных сосудов, знаки рядовых жителей на стенах крепостей, см. раздел 11).

1.4. Общественные ритуалы, связанные с использованием тамг. Нанесение тамг на тела домашних животных считалось весьма важным ритуалом, и оно проводилось у осетин и соседних народов в период празднования Нового года. Осетины совершали его у святилищ бога-громовержца. Жрец после молитв клеймил одно животное из стада каждого хозяина, после чего пастухи клеймили остальных животных. Это означало, что стада переходят под покровительство божества (Гатиев, 1876, 30). В Кабарде сходная церемония проводилась весной, сопровождаясь молитвами о ниспослании благополучия в наступившем году, пиршеством, танцами и играми (Яхтанигов, 1993, 110–112, 115–116). Особыми церемониями отмечались визиты в дом гостей из далеких мест, побратимов и важные пиры. В первом случае гости ставили тамги своего клана на дверях и опорных столбах дома (Пожидаев, 1925, 55; Медведева, 1961, 79–81). Во втором — память о церемонии оставляли на чаше для алкогольных напитков, из которой пили по очереди все участники. Так образовывались скопления («энциклопедии») тамг. В национальных версиях нартского эпоса отмечается, что в старину знаки наносились на каменные ограды домов (Инал-Ипа, 1969, 45), что подтверждается этнографическими материалами осетин (Тменов, 1996, рис. 81, 9). На каменной плите II–III вв. н.э. из боспорского города Горгиппии (Козыренко, 1957, табл. 1/4) символически изображена сармато-аланская сцена побратимства (две руки с ритонами для вина, а рядом — отрубленные руки и ноги врагов) и две тамги побратавшихся в левой части стелы. На плите из «крепости аспургиан» на Тамани рубежа н.э. над тамгой хозяина — Хрисалиска изображена почитаемая им варварская богиня с длинным посохом и сияющим скипетром в руках, с сиянием вокруг головы, стоящая на краю крепостной стены (в греческой надписи здесь же названная «Тихой Хрисалиска») (Сокольский, 1975, рис. 4). Важным атрибутом было в Предкавказье знамя предводителя отряда во время набега. На него наносилась тамга клана его хозяина (Пожидаев, 1948)[16].

[16] Личные знамена с символическими изображениями играли большую роль и в сармато-алано-осетинской воинской традиции. Так, знамена аланского царя рубе-

Большое значение имели у осетин камни, на которые наносились скопления знаков разных кланов. В литературе подчас высказываются самые фантастические мнения о назначении таких камней-«энциклопедий» (Драчук, 1975, 36–50, 54–58, 105–108). Между тем в осетинских эпических сказаниях говорится, что они устанавливались на перекрестках крупных дорог. Такие места охранялись особым божеством — Хозяином дорог, а также богом — покровителем путников, мужчин[17]. Каждый человек, возвращавшийся из дальней поездки на родину, изображал на таком камне тамгу своего клана и клал на камень свою жертву — наконечник стрелы (Нарты, 1957, 16,67–68,397).

Стоит упомянуть археологически выявляемый *обычай повергать на землю старые антропоморфные надгробия* скифской эпохи (не связанные с предками собственного народа), который документируется и у этнографических ираноязычных народов. Такой обряд совершался в особо сильную засуху (Яценко, 1998б, 72). На поверженных памятниках потом могли наноситься собственные тамги (см. ниже: Байте III на Устюрте в разделе 5).

Очень интересны подчас обстоятельства нанесения тамг на поминальную стелу. Так, сходный обычай выявлен у кочевников противоположных концов иранского мира. На Алтае в кургане 1 могильника Уландрык IV пазырыкской культуры на одной из граней стелы, стоящей на самом восточном краю поминального комплекса, изображена одиночная тамга «хозяина» кургана (?) (Кубарев, 1987, рис. 3, табл. LXVII). Спустя 6–7 столетий в одном из сармато-аланских курганов в Молдавии II–III вв. н.э. (с. Корпач) у северо-восточного края насыпи обнаружена стела с единичной тамгой (Гросу, 1979, 251; рис. 2; 3/3) (рис. 7/6б). Подчеркну, что в обоих случаях такая стела связана с восточным краем погребально-поминального комплекса, и даже редкие типы знаков очень близки.

Наличие нескольких тамг на парадных серебряных сосудах из богатых мужских могил I в. н.э. (Пороги, Жутово и др.) отчасти может объясняться и отношением к этому металлу в алано-осетинской традиции. Серебро считалось священным металлом, способным карать нарушителя клятвы и т.п. (Калоев, 1968, 315).

У таджиков[18] в селах существовал обычай коллективного изготовления и обжига глиняной посуды, когда различные представители общины сообща добывали топливо, загружали печь и проводили обжиг. Для того чтобы после обжига не перепутать готовые изделия, владельцы ставили на них соответствующий знак на ручке или у ее основания на тулове[19] (Пещерева, 1959, 109–116). Такие граффити наносились острым камешком или черепком.

1.5. Критерии сходства различных видов тамг. Механизм образования новых форм. В литературе отсутствуют ясные критерии сходства знаков при их описании. Часто «очень близкими» объявляются тамги, отличающиеся 3–4 микроэлементами, формой верхней или нижней части сложного знака (Симоненко/Лобай, 1991, 62–63, рис. 32; Драчук, 1975, табл. XIV, рис. 8, № 7–23) (рис. 2/1–2). В.С.Драчуком было введено в оборот выражение «знак схемы... (царя Фарзоя или др.)», принадлежность к этой «схеме» трактовалась им и затем другими исследователями *крайне расширительно*, без каких-либо ясных критериев. Еще менее убедительно предположение, что форму тамги могли произвольно деформировать в зависимости от формы вещи (Симоненко/Лобай, 1991, 63) (рис. 2/2, а). Все подобные версии основаны на недоказанной гипотезе о том, что сарматские тамги были не клановыми или семейными, а *индивидуальными*[20]. В ноябре 1995 г. нами были предложены *более строгие критерии сходства знаков*. Таким образом выявляются наиболее близкие тамги, отличавшиеся, видимо, изменениями, произошедшими в одном поколении. Сами типы этих отличий документируют *основные способы образования новых знаков*.

Можно считать «родственными» тамги, отличающиеся: 1) одной маленькой дополнительной линией на одном из концов (прямая, дуга, крючок) или изолированной точкой (рис. 3, а); 2) одной дополнительной геометрической фигурой (круг, добавляемый внизу или в центре, реже — треугольник) (рис. 3, е); 3) двумя симметричными дополнительными линиями (рис. 3, b); 4) зеркальным отражением первоначального знака внизу или вправо-влево (рис. 3, c)[21]. 5) Соединение двух одина-

---

жа I–II вв. из кургана Дачи под Азовом по параметрам и декору имеют прямые аналогии с ритуальными ираноязычными этнографическими осетин (Яценко, в печати).

[17] Этот бог, чьи функции (охранитель святости договоров, покровитель мужчин-воинов и др.) близки древнейшему образу иранского Митра, после официальной христианизации аланов в X в. н.э. стал отождествляться со св. Георгием (Уастырджи).

[18] К сожалению, тамгопользование у таджиков привлекло внимание этнографов слишком поздно, когда оно уже исчезало. По любезному сообщению этнографа В.И.Бушкова в декабре 1998 г., в Горном Таджикистане знаки наносились на керамические сосуды. Кроме того, в XI–XII вв. средневековые таджики подчас наносили тамгу на надгробный памятник (для него использовался тюркский термин «кайрак»).

По информации Л.Ф.Моногаровой (1998 г.), в ходе работ в Южном Таджикистане она однажды видела, как дети метки овец таджики, вместо обычных для многих народов евразийской Степи надрезов на ушах (они археологически выявлены в вечной мерзлоте уже у пазырыкцев Алтая и хунну в Ноин-Уле), *выстригали* какие-то *знаки* у ушей. К сожалению, деталями она тогда не поинтересовалась.

[19] По сообщению В.И.Бушкова, речь идет чаще всего о тулове, реже — о венчике сосудов.

[20] Судя по юго-осетинским материалам, у средневековых аланов в качестве жребия при распределении добычи от набега участники использовали ветки березы с метками каждого воина (Чочиев, 1996, 195, примеч. 377). Однако нет оснований видеть в них именно *личные* знаки; так как каждый воин в этом случае представлял *большую семью* — часть клана, имевшую кроме общепланового свой *дополнительный малый знак* (см. выше).

[21] В аналитических таблицах для облегчения работы с аналогиями мы сводим *индивидуальные особенности* написания одного знака разными людьми при разных обстоятельствах и разными орудиями (рис. 14, d) *к единому «парадному (печатному)» варианту*.

ковых или разных тамг. Версия Г.Енихена о том, что новые знаки царей Боспора от Риметалка (Rhimetalkos) до Рискупорида III (Rhiscuporis III) (со 131 по 227 г.) образовывались варьированием верхней половины, вероятно, отчасти справедлива[22], и, видимо, она отражает *пятый способ* образования тамг. Дело в том, что верхняя часть таких знаков в каждом случае представляет собой *самостоятельные тамги*, типы которых хорошо известны в Сарматии (рис. 14, е) (Драчук, 1975, табл. XXXVIII, № 230–231, IX, № 658, XI, № 825, 837). В этом случае при образовании знака нового клана, вероятно, сливались знаки кланов отца и матери. В Центральном Предкавказье известен обычай изображать рядом две такие тамги (на свадебном знамени) (Яхтанигов, 1993, 58). Высокий статус женщин у сарматов общеизвестен и часто даже преувеличивался[23]. В комплексах I — сер. II в. известны и *другие варианты* пятого способа — *наложение второй тамги горизонтально или наложение двух одинаковых тамг* (рис. 3, f — знак в середине и два с правого края; рис. 5/25, 30, 130–131). Подобные двусоставные тамги весьма редки в Сарматии и при этом почти не встречены в курганах кочевников, они концентрируются в контактных зонах — в греческих городах, на территории Боспора и в Крыму. Еще показательнее ситуация с двусоставными тамгами у средневековых аланов[24]. 6) Видимо, самым редким и оригинальным способом образования нового типа можно считать размещение четырех однотипных исходных тамг в виде креста или трех — в виде симметричного трикветра (рис. 3, i; 6/44; 7/20).

В целом, по нашим наблюдениям, именно такими были 6 основных способов образования новых тамг при разделении клана на две части или при росте значения одной из семей в нем. Теоретически можно предполагать и *7-й способ* (документированный у этнографических народов Западного Предкавказья) — постепенное *упрощение* исходно сложного знака, однако подобные случаи пока надежно не документируются (см. ниже).

Приведенные наблюдения совершенно не совпадают с *априорными* во многом выводами Э.И.Соломоник и В.С.Драчука по этому вопросу, основанными, как уже отмечалось, на предположении этнографа-кавказоведа В.П.Пожидаева (Пожидаев, 1948, 240–250) о том, что

[22] Такое предположение можно считать справедливым лишь для названной и совсем недолго правившей группы близких родственников, а не для более ранних и более поздних правителей с тамгами совершенно других типов.

[23] Критический анализ сведений о «сарматских амазонках» см.: Мирошина, 1990.

[24] У них такие знаки крайне редки. В числе немногих исключений — тамга аланского царевича Давида Сослана из царского клана Царазонта, который был царем в Грузии совместно с его женой Тамар в 1189–1213 гг. (Туаллагов, 1993, 194–197). Она представляет собой соединение двух древних сарматских знаков (рис. 14, f). Два знака такого рода представлены в хазарской крепости IX–X вв. Саркел на Нижнем Дону (см. раздел 11) (Флерова, 1997, табл. VI, № 243; XV, № 71), один — на кресте X–XIII вв. со скалы Барабан на р. Уруп (Ложкин/Малахов, 1998, рис. 1, 1 — правый нижний).

практически единственным способом образования новых родственных знаков у непосредственных потомков было **постепенное упрощение сложных форм.** Между тем у тех же этнографических черкесов такой способ в XIX в. был распространенным, но *далеко не единственным*. Бытовали и иные способы — **усложнение** знака или же существенное изменение его облика *в целом* (см., например: Яхтанигов, 1993, 82–83 — тамги Жановых/Жаноковых, Кандауровых/Кандауроковых, Даутовых/Даутоковых, Шомаховых/Хафице/Шомаховых). Эта концепция генезиса новых форм, примененная Э.И.Соломоник *к сарматам* (и до сегодняшнего дня являющаяся общепринятой), держалась фактически на интерпретации *фрагментированного* (и сомнительно реконструированного ею) края верхней части сложного царского знака Рискупорида III на плите из Танаиса (Соломоник, 1959, 24, 61)! (См. подробный анализ этого знака и его реконструкции ниже, в разделе 4.) В дальнейшем В.С.Драчук, желая дополнить не слишком убедительную версию предшественницы, ссылался почему-то не на материал по *иранскому* миру или народам Предкавказья, а исключительно на культурно и этнически *чуждый* сармато-аланам материал по *финно-уграм низовьев р. Обь* (Драчук, 1975, 54); такая аргументация способна удивить непредвзятого читателя.

В действительности анализ надежно документированных материалов по Сарматии никоим образом не подтверждает версию Соломоник–Драчука. Так, у двух царей сарматов Правобережной Украины, правивших непосредственно друг за другом во 2-й пол. I в.н.э. и чеканивших монету в Ольвии, — Фарзоя и Инисмея (которых сегодня обычно считают отцом и сыном) знак со следующим поколением явно **усложняется** (добавляется кружок в центре: рис. 5/83–84), а у боспорских правителей Савромата II и Рискупорида III (которые, по данным эпиграфики, *определенно* являлись соответственно отцом и сыном) знак со временем вовсе не упростился, а *одна тамга в верхней части была сменена на другую* (рис. 6/52–53; см. выше). В тех случаях, когда мы надежно можем установить развитие со временем типа тамги в одном определенном регионе (см. раздел 2), мы всегда наблюдаем либо **усложнение** исходной формы (Кубань: рис. 4/3 и 5/54; Крым: рис. 5/15 и 6/22), либо определенное **изменение пропорций** знака (Нижний Дон: рис. 4/6 и 5/43; Волго-Донское междуречье: рис. 5/32 и 6/94а).

1.6. Выявление обычая использования тамг археологическими методами. О нем можно уверенно говорить, если в данном регионе неоднократно встречены изображения *большой синхронной серии знаков сложных форм*, которые *устойчиво наносились на определенные места* (например, на определенные части конской узды, сосудов, части тел животных, участки надгробных стел) и имеют *близкие аналогии в Корпусе тамг иранских народов* (т.е. не сводимые к простым геометрическим элементам *орнаментов* или простейшим *меткам*,

которые у первобытных людей могли бытовать с древнейших времен для *внутреннего пользования*). Исходя из таких критериев, в частности, простейшие геометрические знаки небольшого числа типов на бронзовых наконечниках стрел скифов V–IV вв. до н.э. считать тамгами нельзя[25].

1.7. Механизм заимствования тамг соседними народами. Сарматские знаки в I–III вв. н.э. широко использовались такими их «варварскими» соседями, как «поздние скифы» в Крыму (в которых, впрочем, почти ничего не осталось от потомков древних скифов-сколотов; см.: Зайцев, 1999, 140–143), меоты низовьев Дона и бассейна Кубани и гето-даки, в меньшей степени — северопонтийскими греками и германцами Центральной Европы. У гето-даков I — нач. II в. около 75% тамг сарматского происхождения отмечено на вещах местного производства (Белдиман, 1991, 208–209). Очень часто в литературе (особенно в работах специалистов по «поздним скифам») утверждается, что якобы типы сарматских клановых знаков запросто и регулярно заимствовались их непосредственными соседями «скифами» и греками. Подобные утверждения вызывают недоумение, так как они игнорируют наличные реальные сведения по евразийским номадам и их отношениям с земледельческими этносами. В реальной действительности *несанкционированное копирование сарматских тамг (которыми метились наиболее ценные вещи и границы угодий), исходя из обычаев кочевников евразийской Степи, неизбежно и немедленно привело бы к войне или иному серьезному конфликту.* Судя по этнографическим обычаям Центрального Кавказа, своей тамгой иногда разрешали пользоваться **иноэтничным соседям,** *заключившим клятву дружбы* или *лично зависимым* от аристократа (Яхтанигов, 1993, 70–71). Распространению сарматских знаков могли реально способствовать *союзные отношения с соседними племенами* (например, с германцами во 2-й пол. I в. н.э.: Šćukin, 1993, fig. 3 (22, 25) — наконечники копий из Valle и Bodzanovo) и *династические браки с греками Боспора* (Lucian. Tox. 51).

Определение понятия «тамга» («нишан»). Сказанное выше позволяет нам дать археологически, исторически и этнологически корректное *определение тамги* для иранского мира. Тамга (нишан) — это

[25] Ср.: Ельников, 1996, 150–151. Эти знаки, представляющие всего несколько типов, распространены на огромной территории. Их можно считать знаками нумерации партий однотипных предметов. Интересна также попытка Г.Ф.Турчанинова увидеть *в одном-трех простейших значках* на некоторых из таких стрел надписи на основе арамейского алфавита: «Жгучая» и т.п. (Турчанинов, 1971, 48–49). М.В.Ельников отметил, что знаки встречены на весьма немногих экземплярах стрел (поэтому их трудно считать знаками мастеров), а также, что в одной могиле на них подчас представлено *несколько* типов знаков, а однотипные распространены на обширных территориях (следовательно, их нельзя считать знаками клановой собственности) и что в бедные могилы стрелы со знаками попали при вторичном использовании (Ельников, 1996, 150–151).

прежде всего *знак собственности определенного клана на отдельные ценные вещи, скот и угодья и знак причастности человека или группы родственников к определенной акции (обряды при заключении разного рода договоров, связанные с произнесением клятв, религиозные церемонии, дружеские визиты, свадьбы, общественное строительство и т.д.).* Тамги клана обычно предназначались не для своих, *а для внешнего предъявления.*

1.8. Знаки на сырцовых кирпичах и их назначение. Знаки на сырцовых кирпичах издавна привлекали внимание исследователей, и о их назначении высказывались весьма различные мнения. В литературе приводились обзоры мнений по этому вопросу (Гудкова, 1964, примеч. на с. 35; Пугаченкова, 1978, 191–192; Гертман, 1998, 137). Первоначально такой крупный ученый, как С.П.Толстов, полагал на примере анализа одного из ранних хорезмийских памятников — Джанбас-калы, что это *тамги кланов* (Толстов, 1948, 94; рис. 30). В дальнейшем, однако, мнения на этот счет заметно разошлись (замечу, что все они являлись *не более чем догадками*, так как статистический анализ этой категории массовых находок до недавнего времени не проводился). Так, Г.А.Пугаченкова даже полагала, что это *знаки рабов* (!), которые метили для надсмотрщиков свою дневную норму (Пугаченкова, 1963, 76). Это мнение не было поддержано (что неудивительно, так как никаких реальных исторических или этнографических аналогий автор привести не смогла). А.В.Гудкова на основании большого разнообразия знаков на кирпичах в небольшом жилом комплексе Ток-калы полагала, что речь идет об индивидуальных знаках работников (Гудкова, 1964, 35). Высказывались также мнения, что это знаки отдельных мастерских (Филанович, 1961, 43). Однако основной (и решающий) вклад в уточнение назначения подобных знаков был внесен недавно безвременно скончавшимся А.Н.Гертманом. Проанализировав различные *почерки* при написании одного знака на памятниках, стены которых строились в короткие сроки, он показал, что речь идет о целом коллективе, *возможно — родственном* или соседском, отчитывавшемся о проделанной работе (Гертман, 1991, 285; 1998, 137). В странах Ближнего и Среднего Востока изготовление сырцового кирпича для объектов общегосударственного назначения (пограничных крепостей, дворцов) было важнейшим видом *трудовой повинности населения* (Гертман, 1991, 285, примеч. 24). Вероятно, кирпич заготовлялся малыми партиями и высушивался в различных местах (Гертман, 1998, 142). При этом известны «половинные кирпичи», на которых знак соответственно как бы распадался надвое (Гертман, 1991, 283–284; рис. 4). Математическими методами, на основе привлечения большой выборки знаков с кирпичей Елхараса и Капараса, построенных в IV в. до н.э., были надежно установлены случаи использования при ремонте более ранних кирпичей, связи между размером кирпича и типом знака (там же, 282–283). На памятниках, строившихся как объекты общегосударственного значения, были определены так называемые основные знаки — знаки ос-

новных «поставщиков» кирпича на объект, и они стали предметом детального сравнительного исследования (Гертман, 1998, 142–147, рис. 2–4). В целом выводы А.Н.Гертмана не противоречат мнению С.П.Толстова о клановой принадлежности знаков на кирпичах. Видимо, на каждом крупном объекте по разнарядке трудились *несколько* мужчин — представителей клана, оставивших *разные почерки* при написании знака. Весьма важно то, что на кирпичах господствуют именно знаки *простейших форм* — прямые линии, круги, линии из точек, «трезубцы» и т.п. Перед нами, в отличие от памятников *кочевого* (сарматского и саксского) мира, видимо, знаки *рядовых*, не влиявших на политическую жизнь кланов. К сожалению, в ряде случаев с датировкой и трактовкой знаков могут возникать недоразумения, так как тысячелетиями бытовала практика *использования кирпичей из старых, заброшенных построек*. Эта практика касалась, кстати, отчасти и Боспора, где в Горгиппии кирпичи со знаком рубежа н.э. оказались в постройке II в. н.э. (Цветаева, 1975, 100; Онайко, 1982, 233, 235).

Весьма любопытные типологические соответствия мечению сырцовых кирпичей в иранском мире мы находим в синхронных памятниках цивилизаций доколумбовой Америки. Так, исследователями были детально проанализированы особенности нанесения знаков в одной из плоских пирамид I–III вв. н.э. в Сипане (культура Моче) в Перу (Alwa/ Donnan, 1993; В поисках Эльдорадо, 1996, 97). Здесь на трех этапах достройки, как предполагают, работали группы строителей из разных местностей, и на разных участках кладки группы знаков были разные. Преобладающими формами были крестики, трезубцы и круги, а также отпечатки ладони.

1.9. Знаки на каменных блоках крепостных стен. В этой области основной методический вклад внесен исследователями салтовомаяцкой культуры VII–X вв. и синхронных комплексов Болгарии. Ценной в плане методики (несмотря на тюркскую принадлежность материалов) является статья Т.И.Макаровой и С.А.Плетневой по топографии знаков на стенах староболгарской столицы Плиски (Макарова/ Плетнева, 1984), где 145 типов знаков были разбиты на 13 групп и охарактеризованы как тамги строителей (их кланов), были выяснены закономерности их размещения. Столь же важны статьи В.Е.Нахапетян по знакам на стенах крепости IX в. в Маяках на Верхнем Дону, в которых они определяются как тамги местных жителей (часто наносимые уже после строительства в связи с ритуалами, подтверждавшимися групповой клятвой) (Нахапетян, 1988, 105; 1990, 60).

1.10. Знаки на керамике. Как правило, это знаки трех типов: граффити, сделанные в процессе изготовления; граффити/дипинти, нанесенные в процессе использования сосуда владельцем (-ами); оттиски на днище знаков на гончарных дисках.

В отношении граффити, сделанных *после* изготовления сосуда, ученые часто допускают их «тамговый» характер. При этом, например,

в Сарматии граффити обычно наносились *после* изготовления, а в Средней Азии — *в процессе* его. *Лепная* посуда домашнего обжига (как это хорошо документируется в таджикской этнографии; см. выше 1.2 и 1.4) могла стабильно метиться во время изготовления знаком клана или «малым» дополнительным знаком отдельной семьи в нем. Но знаки, сделанные *в процессе производства на гончарной керамике*, обычно считают просто «**знаками партий** керамики», или своеобразным **символом конкретной мастерской**, или **производственным знаком** (как это, например, характерно для исследователей Хорезма и сопредельных территорий). Интересно при этом, что речь ведется о *государственных* образованиях, где существовали *развитые письменность и числовые записи* (однако и буквы арамейского, хорезмийского, пехлеви и прочих алфавитов, и цифры на таких образцах почти полностью отсутствуют). Наши знаки подчас достаточно *сложны*, и в этом случае получится, что мастера использовали какие-то *загадочные пиктограммы*. В принципе такой вариант не исключается полностью, хотя доказать его наличие трудно. Поэтому знаки на серийной гончарной керамике Средней Азии (рис. 27–29) можно отнести к тамгам пока лишь *условно и предположительно*.

Знаки на гончарных дисках часто в иранском мире сводились к нескольким несложным формам, в основе которых лежит крест (часто — усложненной формы и очень часто — вписанный в круг). Этнография таджиков прямо свидетельствует о подобных знаках как обереге (см. разделы 3 и 11). Однако на таких дисках донских и предкавказских средневековых аланов мы встречаем немало сложных и причудливых знаков явно тамгового облика. В Средней Азии такие примеры, напротив, единичны.

1.11. Источники образования новых форм знаков. Тамги и буквы алфавитов. Важнейшим источником, судя по этнографическим материалам, а также рассматриваемым ниже данным по иранским народам, можно считать (1) прежде всего старый, вполне канонизированный фонд тамг (исходно идущий от имеющих во многом магическое значение знаков первобытности). (2) Изредка одним из источников становилось довольно реалистические изображения элементов бытового окружения: животных (особенно их голов), растений, сосудов и др. Так, чрезвычайно яркая и оригинальная серия подобных знаков появляется в керченских скопленияx, которые по другим типам тамг (царским знакам и др.) датируют эти комплексы сер. II — сер. III в. (см. ниже раздел 5; Соломоник, 1959, № 45, 48, 52). Речь идет об одновременном проникновении в Пантикапей сразу нескольких новых сарматоаланских кланов, которые, отделяясь от родственников, видимо, взяли новые формы знаков, так сказать, «из реальной жизни» (рис. 6/75–79). (3) Еще одним источником (также *весьма редко* используемым) были, несомненно, **буквы алфавитов** *окружающих народов* (для поздней античности — различных письменностей на основе арамейского, а

также греческого, хорезмийского, пехлеви и кхароштхи; для средневековья — букв греческого и тюркских рунических алфавитов). Использование тех или иных алфавитов зависело, видимо, от интенсивности культурных контактов с соответствующими странами. Так, в памятниках Сарматии сер. I — сер. III в. мы находим знаки, идентичные буквам и цифрам **арамейского** и **хорезмийского** алфавитов (см., например: рис. 5/4,18, 60, 80–81, 122, 128; 6/7, 30, 108, 119); первый из них распространился в Закавказье и Средней Азии еще в V в. до н.э. как официальный в канцеляриях Ахеменидской империи; второй, вероятно, использовался уже в IV в. до н.э. (Ртвеладзе/Лившиц, 1985, 8–9) (ср. в Средней Азии: рис. 27/46, 51, 55, 57–60, 62–63, 155, 158, 160; рис. 28/8, 14–15, 82, 84, 153–158, 164–165, 169; рис. 29/1, 10, 16). С нач. I до сер. II в. — в период начавшейся *сарматизации* Боспора у соседних с ним кочевников *Нижнего Дона* (и только у них в Сарматии) известны новые типы тамг, повторяющие формы букв **греческого** алфавита (рис. 4/17,19; 5/34, 37а; 6/73; 7/27). То же мы отмечаем в период присутствия греков в Самарканде (Согдиана) (Shishkina, 1994, fig. 3). С 1-й пол. III в. н.э., после впечатляющих военных и политических успехов первых шаханшахов новой династии Сасанидов появляется несколько новых форм тамг, заимствованных из алфавита **пехлеви** (рис. 6/80; 7/18–19) (см. в Средней Азии: рис. 29/48).

Принципы иллюстрирования тамг. При подготовке иллюстраций я исходил, во-первых, из необходимости свести индивидуальные *особенности почерка* при написании одного и того же знака к его «печатной» (парадной) форме. Во-вторых, знаки, сохранившиеся *фрагментарно*, использовались лишь в редких случаях (предполагаемые сложносоставные тамги знати и т.п.). В-третьих, для особо обширных (и уже ранее публиковавшихся) скоплений («энциклопедий») предлагается *аналитическое* иллюстрирование (см., например, рис. 9–11), когда изображаются лишь *определимые*, специфические для определенного региона и периода знаки.

РАЗДЕЛ 2

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАСПРОСТРАНЕНИЕ ТАМГ В ИРАНСКОМ МИРЕ

2.1. В современной литературе преобладает мнение, что первоначально прототипы будущих клановых тамг были *сакральными (магическими) знаками* первобытных племен (солярными символами, знаками тотемов). Хорошим примером скопления («энциклопедии») такого рода знаков является большой валун, находящийся в местности Аршан-Хад (Монголия). Камень плотно покрыт разнообразными знаками не очень сложных форм, которые представлялись поздними, пока не были произведены раскопки у его основания. Выяснилось, что нижняя его часть (где изображались знаки тех же типов) была перекрыта культурным слоем стоянки времени неолита (Новгородова, 1983, 307, рис. 30–31).

В европейских степях единичные знаки типов, идентичных более поздним сарматским, изредка наносились на сосуды *срубной культуры* эпохи поздней бронзы (носителей которой практически все исследователи сегодня считают иранцами) (см. прежде всего: Формозов, 1953, рис. 2; Захарова, 1998)[1].

Нас, однако, интересует именно *время становления обычая активного тамгопользования в иранском мире*. Мы неизбежно сталкиваемся при этом с тем, что многие интересующие нас комплексы (состоящие в основном из **петроглифов**) на востоке предполагаемого иранского мира (Саяно-Алтай, часть Монголии) датируются суммарно *скифским временем* по стилю сопровождающих их сюжетных изображений, сделанных тем же орудием, теми же приемами, в той же степени патинизированных и т.п. Впервые всерьез удачная, убедившая коллег попытка датирования такого рода была предпринята для скоплений у р. Цаган-гол (Монголия) Б.И.Вайнбергом и Э.А.Новгородовой (Вайнберг/Новгородова, 1976), показавших прямое родство специфических тамг сложных форм именно с соответствующими знаками иранских народов

[1] Следует, однако, заметить, что для основного интерпретатора этих знаков, А.А.Формозова, более актуальной является их трактовка как «зачатков письменности» (Формозов, 1963; Отрощенко/Формозов, 1988).

Средней Азии после миграции сюда усуней и юэчжей в сер. II в. до н.э. Крупные скопления тамг, близких или идентичных сложносоставным и более западным «иранским», найдены и в других пунктах Монголии — на горе Тэбш, в Бикчите, Тайхар-Чулуне и Аршаан-шаде (см. раздел 9).

Более надежные «узкие» даты получены для комплексов со знаками интересующего нас облика в бывшей советской Средней Азии. Так, недавно О.Н.Иневаткиной была убедительно доказана датировка серии кирпичей со знаками из ранних слоев городища Афрасиаб (Самарканд) VI в. до н.э. (Иневаткина, 1995). Исследователь знаков на кирпичах Хорезма А.Н.Гертман пришел к выводу, что серия их появляется изначально, с момента возникновения кирпичного строительства, т.е. в VI в. до н.э. (Гертман, 1998, 136). VI в. до н.э. (при этом временем до ахеменидского завоевания) датирует коллекцию граффити-тамг на керамике из гончарного поселка Хумбуз-тепе в Южном Хорезме С.Б.Болелов[2]. Со 2-й пол. VI в. до н.э., при Ахеменидах, появляется серия знаков и на строительных объектах в центрах Персидской державы (Herzfeld, 1988, fig. 338–339; Boardman, 1998, fig. 4/10–13). Однако пока нет никаких оснований полагать, что в скифо-ахеменидское время традиция активного тамгополагания «выплеснулась» и на северо-западную окраину иранского мира — в европейские степи. В Зауралье и Северо-Западном Казахстане единичные знаки известны на каменных стелах V–IV вв. до н.э. с курганов Жаксы-Каргалький, где в качестве тамги использована буква арамейского алфавита, передающая звук «т» (Смирнов, 1964, 341, рис. 47/1), и Имангазы-Карасу II (Гуцалов/Таиров, 2000, 227, рис. 8/8) (см. рис. 17/1, №6). Крайними западными районами распространения остаются Зауралье, Хорезм и Иран.

2.2. Время и обстоятельства появления тамг в Сарматии. Сегодня принято считать, что традиция использования «сарматских знаков»[3] пришла к сарматам из Центральной Азии, вероятно из Монголии и с Саяно-Алтая (Вайнберг/Новгородова, 1976; Яценко, 1992, 195–198; 1993, 63, табл. 2). Этот детально обоснованный Б.И.Вайнбергом и Э.А.Новгородовой вывод, кстати, был первоначально настолько необычен для сарматологов (исходно воспитанных в духе *автохтонистской* традиции), что не менее 15 лет оставался практически без комментариев![4]

По имеющимся данным, самые ранние предметы с тамгами I в. до н.э. — 1-й пол. I в. н.э. на Северном Кавказе — это семейные бронзовые котлы[5] и бляхи узды из курганов между Доном и притоками Кубани (рис. 4/1–15)[6]. В это время здесь проживали могущественные сарматские племена *сираков и аорсов* (Strabo. 11. 2,1; 5, 7–8).

Особое место среди ранних знаков занимает самая западная находка донской тамги на золотой гривне германского облика рубежа н.э., обнаруженной в могиле 1842 г. в Ольвии (рис. 4/7) (датировка уточнена О.В.Шаровым; первоначально датировалась III в. н.э.: Соломоник, 1959, № 69).

В Северном и Западном Приазовье тамги этого периода размещались на культовых сосудах. Таковы глиняные курильницы из женских могил Северного Приазовья (Михайловка: Смирнов, 1984, 91; рис. 42/5; Федосеевка II, курган 1/3 на Миусе: Глебов, 2000, рис. 1/9) и мраморный сосудик из Неаполя Скифского (Соломоник, 1962, рис. 19) (рис. 4/20–22).

На территории Боспорского царства на рубеже н.э. появились тамги аристократов маленького, но влиятельного сарматского *племени аспургиан*, жившего у устья Кубани (Strabo. 11.2.11)[7]. Один из них носил греческое имя Хрисалисес (Hrisalisces) и владел небольшой крепостью (рис. 4/17) (Сокольский, 1975, рис. 4). Другим был Аспург (Aspurgos), первый сармат, ставший царем Боспора (14–37 гг.) и способствовавший *сарматизации* своей страны (рис. 4/18) (Виноградов, 1994, примеч. 11, 12)[8]. Что касается более ранней царицы Динамии (Dynamie)

[2] Эта неопубликованная коллекция была любезно предоставлена автору в сентябре 1999 г.

[3] Этот термин, часто используемый Э.И.Соломоник и В.С.Драчуком, представляется мне *не вполне корректным*. Во-первых, употреблявшиеся в Сарматии тамги были изобретены не сарматами, а их предшественниками и предками на восточных пародинах (в различных частях Западного Туркестана и подчас даже в более восточных районах). Во-вторых, в дальнейшем они использовались не только сарматоаланами, но и их непосредственными соседями, с которыми они тесно контактировали («поздние скифы», боспорские греки, меоты, гето-даки, аборигены Предкавказья). Вместе с тем несомненна *решающая роль сарматов* в распространении и использовании этих знаков.

[4] Тогда, в 70-х годах, пожалуй, лишь один Ю.М.Десятчиков разрабатывал (видимо, вслед за М.И.Ростовцевым) версию о достаточно активных этнокультурных связях «сарматов» со Средней Азией.

[5] Подобные предметы (сохраняющие, по справедливому наблюдению Б.А.Раева, древние формы римской эпохи) использовались потомками сармато-алан — осетинами еще в начале XX в. Они были достаточно дорогой вещью и часто предназначались для варки ритуального напитка — пива (Raev, 1986).

[6] Хронология комплексов этой ранней группы уточнена и для донского Левобережья (Ильюков/Власкин, 1992, 170–230), и для Средней Кубани в диссертации А.М.Ждановского (группа I: Ждановский, 1985, 8, 11; 14–15).

[7] Распространенной точке зрения на аспургиан как на своего рода «боспорское казначейство» (особое многоплеменное военное сословие) противоречат наиболее подробные сведения о них Страбона (который называет аспургиан, имеющих *ясно очерченную территорию обитания*, наряду с прочими соседними *народами*, ничем не отличая их от этих соседей, и прямо именует их *«одним из варварских племен»*: Strabo. 12. 3. 29).

[8] В последние годы в литературе сложилось мнение об очень большом влиянии Аспурга на политическую жизнь Сарматии. Оно во многом основано на широком территориальном распространении небольшой серии якобы «идентичных» (а в действительности отличающихся деталями) близких тамг родственных (?) кланов. Подлинных изображений тамги *собственно Аспурга* вне Боспора *лишь два* — на серебряной ложке из могилы 1 в Косике на Нижней Волге (Дворниченко/Федоров-

(с 8 г. до н.э.), внучки великого Митридата (Mithridates), то ее знак (рис. 4/16) одни исследователи считают обычной греческой монограммой (см., например: Фролова, 1985, 8)[8], другие, вслед за Н.А.Захаровым (Захаров 1929, 13–15), сарматской тамгой[10]. Этот знак известен в скоплении тамг на парфянском рельефе из Кира (Qir, Юго-Западный Иран) (Huff, 1984, 227, Abb. 5) и на кушано-сасанидских монетах III–IV вв. н.э. с *кушанской* иконографией (Dani/Litvinsky, 1996, fig. 1). На скоплениях («энциклопедиях») тамг в греческих городах Пантикапее, Ольвии и Танаисе изображена большая серия несомненных тамг, очень близких ему (Драчук, 1975, табл. IX, № 615–624, 657–658; XII, № 904–905)[11]. Из собственно сарматских царей самая ранняя тамга принадлежала Фарзою (Pharzoios) на Западной Украине (49–70?), который чеканил монеты в Ольвии (рис. 5/85).

Давыдов, 1993, рис. 9/1) и на плоском деревянном блюде с ручкой и длинным носиком-сливом из погребения 1918 г. в Козырке (Симоненко, 1999б, рис. 1/4). В последнем случае знак представляет *зеркально отраженный вариант* знака на монетах, что, как указывалось выше, вполне допустимо для тамги одного клана.

[8] В другой своей работе исследовательница даже считала этот знак монограммой *римских чиновников* (Фролова, 1978, 49–61).

[10] К этому мнению в конечном счете склонялись и Э.И.Соломоник, и В.С.Драчук. Наиболее подробная аргументация этой версии: Драчук, 1975, 65. Независимо от того, считали ли *греки* этот знак монограммой, *сарматы*, видимо, рассматривали его как *тамгу*.

[11] В действительности в большинстве случаев отличить тамгу от различных *греческих монограмм* не составляет особого труда (см., например, подобный анализ: Соломоник, 1956, 50–53, рис. 1 и 3). Впрочем, необходимо отметить, что последние могли иногда просто *заимствоваться сармато-аланами и становиться тамгами* (такую вполне реальную возможность исследователи-античники часто не учитывают).

РАЗДЕЛ 3

ТАМГИ САРМАТИИ (ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ И РЕГИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА)[1]

3.1. Пространственное и функциональное распределение тамг в сармато-аланских курганах Степи II в. до н.э. — IV в. н.э. За последние 15 лет в курганах на собственно сарматских вещах найдены сотни новых тамг (значительная их часть не опубликована; почти всех их удалось учесть в данной работе)[2]. Хотя эта серия меньше той, что обнаружена в греческих городах, для науки она *гораздо ценнее*, так как все эти находки имеют точную географическую привязку и сейчас датируются обычно с точностью до полустолетия[3]. Начиная с 50-х годов различные части европейской Степи исследованы довольно равномерно, однако этого нельзя сказать о распределении предметов из неорганических материалов с тамгами. Прежде всего, они найдены в районах, соседних с Боспорским царством и находившихся под контролем Рима: Гераклейского Херсонеса, Ольвии и Тиры (среднее и нижнее течение Дона, Крым, Юго-Западная Украина). Именно здесь концентрировались самые лучшие пастбища для скота, самые сильные объединения номадов, здесь наиболее сложно переплелись хозяйственные и политические интересы варварской и греко–римской знати. Наоборот, предметы с тамгами почти отсутствуют в бассейнах Волги и Урала, а также на окраинах сарматского мира (Венгрия, Верхний Дон, восточная часть Северного Кавказа). Показательно, что в восточных, удаленных от античных центров районах Сарматии *специфические* местные формы тамг (на вещах, явно не привезенных из других регио-

[1] В отличие от Э.И.Соломоник я бы предпочел говорить не о «сарматских знаках», а более корректно — о «тамгах Сарматии» (см. примеч. 3 на с. 28).

[2] Особую сложность представляет работа с находками *последних нескольких лет*, так как информация по ним в ежегодниках «Археологические открытия» и аналогичных региональных сборниках дается неполная и со значительным опозданием, отчеты часто по 10–15 лет не поступают в архив московского Института археологии, а в *поступивших* отчетах часто *отсутствуют* интересные «на будущее» авторам иллюстрации.

[3] Большинство находок в античных городах сделано в XIX — нач. XX в. при случайных обстоятельствах.

нов) известны только в позднее время — в сер. II — сер. III в. н.э. (рис. 6/IV–VI, X), и они встречены только на относительно дешевых вещах — бронзовых зеркалах и котлах, на обкладках деревянных предметов.

Несомненно, что 99 % тамг наносились *на тела домашних животных* и на предметы из органических материалов (дерево, кожа). Эти изображения почти не дошли до нас, за исключением небольшой деревянной чашечки рубежа II–III вв. н.э. из Миловановки на Нижней Волге[4] (рис. 1/3), деревянных чаши и арфы из погребения 2-й пол. I в. н.э., раскопанного в 1918 г. к северу от Ольвии — в Козырке (рис. 25/I, d) (Bachmann, 1994, 111–116; Hausler, 1997, 69–103; Симоненко, 1999, 106–116, рис. 3–4, 6–7).

На объекты из неорганических материалов тамги также наносились сармато-аланами весьма неравномерно. В Степи они найдены у мужчин на бляхах конской узды, реже — на поясах и подвешенных к ним точильных камнях, на оружии (кинжалы и мечи), каменных надгробиях, у женщин в основном на небольших зеркалах, реже — на золотых бляшках, украшавших костюм. У обоих полов они представлены на глиняных гончарных и металлических сосудах разных форм (прежде всего крупных котлах[5] и небольших кубках). В окрестностях греческих городов мы наблюдаем иные особенности размещения тамг. Так, в Юго-Западном Крыму в рядовом скифо-сарматском могильнике I — нач. III в. н.э. Бельбек IV встречена самая большая коллекция предметов с тамгами в истории иранских народов (в 29 женских могилах) — почти исключительно на зеркалах[6], а в некрополе городища Усть-Альминское — в основном на краснолаковых мисках (Пуздровский, 1997, рис. 2–5). На Боспоре найдена серия однотипных бронзовых поясных пряжек с тамгами царей II–III вв. от Риметалка до Рискупорида III (см. раздел 4).

Одиночный знак иногда сопровождается «варварским» изображением головы быка (керченская плита с позднейшей надписью: Соломоник, 1959, № 37) или *фигуры лошади* (плита из Баклы в Юго-Западном Крыму: Соломоник, 1991, 177, рис. 5), терзания кабана (?) двумя собаками (надгробие из Козырки: Соломоник, 1959, № 36). На боспорских (пантикапейских) надгробиях одиночная тамга изредка сопровождает изображение стоящего мужчины. Так, знак представлен на груди одного из супругов (там же, № 20) или довольно высоко между головами двух стоящих воинов (там же, № 19). Первый вариант (изображение тамги на груди умершего мужчины) характерен и для «варварских» надгробий Западного и Юго-Западного Крыма I–III вв. (Кемен-Кыр: там же, № 22; Рамазан-Сала: Чореф, 1972, рис. 3); здесь известно также нанесение знака под центральной фигурой из группы стоящих (Рамазан-Сала: Чореф, 1975, рис. 1–2), что сохранилось в алано-кавказской традиции до XX в. (Яхтанигов, 1993, 67). Вместе с тем известны случаи, когда во II–III вв. на каменной надгробной стеле тамга, видимо, заменяла изображение умершего (Тенистое под Бахчисараем) (Чореф, 1985, рис. 2).

3.2. Регионально-хронологическая специфика. В 1996–1997 гг. автором была составлена сводка форм знаков, найденных в степных районах вне античных городов. В таблицы включены лишь те типы тамг, которые встречены только в конкретных районах либо один раз, либо неоднократно (в последнем случае они, несомненно, отражают региональную специфику и в таблицах *заключены в прямоугольную рамку*) (рис. 4–7). (Разумеется, в отдельных случаях можно допустить «*случайное*» попадание портативных вещей со знаками в данную местность с женщинами, в качестве трофеев или даров.) Важно отметить, что такие специфические типы знаков встречены в каждом регионе (не считая редчайших исключений) только в течение одного из четырех небольших (протяженностью 100–150 лет) хронологических периодов, выделяемых ныне сарматологами. Это внушает дополнительный оптимизм относительно выделения региональной специфики тамг в будущем.

Чем можно объяснить такую ситуацию? Вряд ли дело в частых миграциях влиятельных родов — носителей конкретных знаков. Гораздо вероятнее и естественнее предполагать **быстрое угасание знатных кланов** в тогдашних условиях военизированного быта и частых вторжений с востока новых орд. Интересно, что почти во всех случаях такие знаки представлены также в одном или нескольких скоплениях-«энциклопедиях» знаков в крупнейших греческих городах (Пантикапей, Ольвия, Танаис). Что это означает? Вряд ли это свидетельствует о том, что вся сарматская аристократия покинула родные места и переселилась в греческие города. Столь же невероятно предположение, что на вещах из Степи (чаще всего это изделия местных типов — котлы, узда и др.) ставились лишь знаки *боспорских греков*, а у сарматов своих тамг не было. Объяснить этот факт можно лишь тогда, когда мы выясним назначение «энциклопедий» (см. ниже). Изредка определенный тип тамги встречен на однотипных изделиях (фамильных котлах) *двух соседних* регионов в течение одного хронологического периода (что, видимо, свидетельствует о достаточно тесных брачных и, возможно, каких-то иных связях[7] этих территорий). Так, тамга рис. 14, j — левая (или рис. 4/15)

[4] Курган 1/3. Чашка достаточно тонкой работы, диаметром 12 см, равна устью найденного здесь же уникального по форме миниатюрного котла и, вероятно, закрывала его сверху. Высота — 4,4 см, диаметр днища — 5,8 см (Лопатин, 1981, 14–15, рис. 35).

[5] Иногда (как на рубеже н.э. в кургане 16/9 могильника Криволимманский I на р. Сал) в женскую могилу помещали сразу два котла — каждый с особой тамгой.

[6] Подробнее см. ниже. Материал предоставлен Д.В.Журавлевым в октябре 1997 г.

[7] Попадание медных котлов для варки ритуального пива от осетин к соседним этносам допускалось еще в одном случае. Еще в конце XIX в. *для выявления из плена* содержащегося у соседей в заложниках знатного сородича все члены клана сообща изготовляли для выкупа такой котел, причем каждая семья давала для этой цели на переплавку небольшой медный предмет (Кокиев, 1989, 51). Несомненно,

встречена на котле рубежа н.э. на Нижнем Дону (Донской, курган 1/21)[8], а в сер. I — сер. II в. — как на Нижнем Дону (Московский II, курган 6), так и на Кубани (Калининский, курган 2/10); в тот же период в этих регионах отмечен и другой знак (бóльшая часть находок сосредоточена на Нижнем Дону, где он был известен и в предыдущий период) (рис. 14, j — правая)[9]. Весьма интересны для нас также единичные *исключения*, когда определенный тип тамги бытовал в конкретном регионе *не один, а два или даже три* смежных хронологических периода[10].

В трех сарматских археологических культурах[11], пожалуй, лишь для I — сер. II в. н.э. мы обнаруживаем общую для всех регионов специфику нанесения знаков на определенные категории предметов: на серебряные и золотые сосуды[12].

речь идет о традиции еще скифского времени (ср. выплавку скифским царем Ариантом огромного ритуального котла для святилища Эксампей, для чего каждый скиф — глава семьи (?) давал по медному наконечнику стрелы: Herod. Hist. 4. 81). Надо думать, что при этом на таком котле клановая тамга не ставилась...

[8] В этом погребении, раскопанном Л.С.Илюковым в 1991 г. у совхоза «Донской», среди предметов погребального инвентаря присутствует и «прохоровская» ажурная поясная пряжка с фигурой лежащего верблюда.

[9] На Нижнем Дону — в курганах Садовый, Круглый (1866 г.), в могильнике Шаумяна, курган 4/2, а на Кубани — в могильнике Кунчукохабль (1960 г.).

[10] Для периодов рубежа н.э. и сер. I — сер. II в.: знак рис. 4/15 на Нижнем Дону; для сер. I — сер. II и сер. II — сер. III в.: знак рис. 5/84 и рис. 6/106 на Правобережной Украине и знак рис. 5/130 и рис. 6/111 в Центральном Предкавказье. Особенно впечатляет в этом плане простой знак в форме полукруга, который, несмотря на обычно декларируемую в литературе в подобных случаях «необычайную простоту формы», вовсе не распространен широко по Сарматии, а характерен только для «варварских» районов Крыма с сер. I по кон. IV в. (!): рис. 5 /16, 6/15 и 7/21. Можно считать, что названным кланам на общем фоне *низкой выживаемости* знати или частых ее миграций просто повезло!

[11] По классификации А.С.Скрипкина, выделяются два этапа *раннесарматской культуры* (конец IV — конец II в. до н.э.; конец II в. до н.э. — начало I в. н.э.) (однако я бы учел мнение В.Ю.Зуева, называющего собственно *раннесарматскими* памятники с сер. II в. до н.э.: Зуев, 1998, 16–19), *среднесарматская культура* (нач. I — сер. II в. н.э. — исходя из анализа политических событий в письменных источниках можно уточнить: *до 30–50-х годов* II в.) и два этапа *позднесарматской культуры* (сер. II — сер. III в. н.э.; сер. III — конец IV в. н.э.). Эти культуры и их этапы отражают не столько местное эволюционное развитие, сколько постоянные миграции новых кочевников из Центральной Азии (Скрипкин, 1992).

В эту периодизацию я вношу, в специфических целях изучения тамг, лишь одно *уточнение*. Границу между первым и вторым периодами для Сарматии в целом я провожу не «в начале I в. н.э.», как предлагает А.С.Скрипкин, исходя из даты *начала распространения* следующей «среднесарматской культуры», *а ближе к середине столетия*, что оправдано прежде всего крупными этнополитическими перестановками в Степи в это время по письменным и археологическим источникам (перемещение на запад аорсов и сираков, исчезновение царских сарматов, ургов и верхних аорсов, появление в Северном Приазовье аланов).

[12] Серебряные сосуды для вина (?): Жутово, курган 28/1; Бердия, курган 8/2; Чугуно-Крепинка, курган 2/1; Пороги, могила 1; золотые туалетные сосудики из Ногайчинского кургана (Крым), Ольвии.

В ряде случаев выявляется *региональная специфика*. Массивные золотые вещи с тамгами (предметы костюма) датируются только сер. I — нач. II в. н.э. и встречены лишь в западных районах вблизи античных городов или в этих городах[13]. В среднем течении Днестра (на границе Молдовы и Украины) в сер. II — сер. III в. единичная тамга наносилась на каменные стелы, стоявшие на курганах (один знак — Тецканы, Корпач) (Соломоник, 1959, № 32; Гросу, 1990, рис. 3, 3)[14]. Только в курганах бассейна Нижнего Дона сер. I — конца II в. н.э. отмечено неоднократно использование тамг на обшивках краев одежды (золотые бляшки, модели астрагалов из янтаря, коралла и гагата) (рис. 5/41, 6/30). На Средней Кубани в сер. I — нач. III в. н.э. тамги часто наносили на тонкие золотые пластинки — обкладки каких-то деревянных предметов (рис. 5/53, 55, 6/99). На северном побережье Азовского моря специфические формы тамг известны только на сосудах (рис. 4/21–22; 5/60–65). Спецификой Центрального Предкавказья начиная с 1-й пол. II в. н.э. было нанесение рельефных тамг в качестве знака клана мастера (?) на днища местных гончарных сосудов[15].

В конце I — нач. III в. тамги (как одиночные, так и небольшими скоплениями) изображались на стенах *расписных склепов Пантикапея* (склеп Алкима, сына Гегасиппа, 1867 г.; склеп «сабазиастов» 1912 г.; двойной склеп 1873 г.; склеп «сабазиастов» 1901 г.; «Стасовский» склеп 1872 г.: Ростовцев, 1913, табл. L, 2; C, 1, 4; LXIV, 1; CXVIII, 1,3; LXXXIII, 1–2). Все эти подкурганные склепы были расположены в одну линию длиной около 500 м вдоль северного склона горы Митридат (там же, табл. I, между № 5 и 14). Одиночная тамга здесь изображалась либо *слева от небольшой стенной ниши* (северная стена склепа Алкима — рис. 5/110[16]; входная стена справа в склепе 1901 г.: рис. 6/73; стена

---

[13] Золотые гривны и браслеты (Пороги, Ольвия), сосудики (Ногайчин, Ольвия).

[14] К началу II в. здесь, где-то в районе г. Ямполь предполагают наличие политического центра некоего влиятельного сарматского племени (аорсов? — *Я.С.*) и связывают его с Клепидавой у Птолемея (Іванішина, 1996, 152).

[15] Сводка данных была любезно предоставлена В.Ю.Малашевым в октябре 1998 г. Самым ранним из известных клейм-тамг, по его мнению, является образец из раскопок С.Дзуцева, 1991 г. на городище Зилги (Северная Осетия) (рис. 5/133). Остальные подобные тамги датируются не ранее 2-й пол. II в. н.э. В большинстве же случаев на днище гончарных сосудов из Предкавказья встречен стандартный рельефный рисунок — вписанный в круг крест. Он наносился на поверхность формовочной доски и не имеет никакого отношения к тамгам, являясь распространенным во многих регионах оберегом. Так, у ираноязычных таджиков еще недавно при обжиге одновременно разных партий керамики первый и последний экземпляр партии помечали крестами от сглаза (Пещерева, 1959, 110).

[16] Вероятно, прав М.И.Ростовцев, полагая, что тамга на стене этого склепа, сооруженного на рубеже н.э., связана с более поздним захоронением в деревянном гробу и процарапана на поверхности уже существовавшей росписи (см.: Ростовцев, 1914, 162–163, 168; примеч. 1 на с. 163). Слева над входом в склеп тамга также вырезана в катакомбе 10 соседнего Нимфея (Грач, 1999, 4-я сторона обложки),

напротив входа в склеп 1912 г.: рис. 6/81), либо, как в склепе 1873 г., в центре композиции (между двумя сражающимися всадниками-катафрактариями на задней стене[17]).

Интересно сопоставить *встречаемость тамг на различных категориях вещей* по хронологическим группам *в трех крупнейших регионах* их активного использования — на Нижнем Дону, в Крыму (вне Боспорского царства) и на Правобережной Украине. В этой ситуации, как мне кажется, ярко проявились прежде всего *этнические традиции*, но также и близость к тем или иным античным центрам и характер взаимоотношений с ними в разное время. *На Нижнем Дону* в период 1 (рис. 4) специфические местные тамги известны только на Левобережье. Они изображались чаще всего на фамильных котлах, реже — на парадной узде и серебряной посуде. В период 2 (рис. 5) они известны главным образом на Левобережье, по-прежнему чаще всего на котлах и узде, но также еще на 8 различных категориях вещей. В период 3 (рис. 6) такие знаки встречены почти равномерно как на левом, так и на правом берегу, обычно — на узде, *зеркалах* или котлах, в меньшей степни — *на гончарной посуде и предметах одежды*.

В Крыму (вне Керченского п-ова, постоянно принадлежавшего Боспору) в период 2 специфические тамги выявлены на 7 категориях вещей, но чаще всего — на гончарной посуде (часто краснолаковой), зеркалах и надгробиях. В период 3 количество категорий вещей столь же разнообразно, но местные тамги чаще всего наносились на надгробия, каменные плиты и зеркала.

На Правобережной Украине в период 1 специфические знаки при очень большом разнообразии типов вещей (10) выявлены чаще всего на золотых предметах костюма, надгробиях и гончарной посуде. В период 2 они известны только на двух категориях вещей, но многократно (пограничные стелы, зеркала).

Помимо установления наиболее влиятельных аристократических кланов (см. раздел 6.2) мы можем уже сегодня выявить в ряде случаев *перемещение* серии тамг на запад или на восток в последующие периоды. Рассмотрим три таких перемещения, объясняемых различными причинами (рис. 8). Прежде всего, несколько самых ранних типов тамг на котлах сираков Кубани I в. до н.э. — 1-й пол. I в. н.э. переместились после сер. I в. н.э. на запад (где они представлены на других типах вещей) и угасли на исходных территориях. Это соответствует информации Плиния, отмечающего, в отличие от Страбона, проживание сираков уже к западу от Дона (Plin. NH. 4. 82). Несколько изделий со знаками бассейна Южного Буга также попадают в этот период на восток —

справа — в Китее (склеп 265 1999 г.). В склепе 160 1997 г. в Илурате она нанесена на отдельный камешек, лежавший посередине помещения (рис. 6/84 а–b).

[17] Этот тип тамги на данном изображении рубежа I–II вв. (Ростовцев, 1914, 243) известен на синхронном котле из соседнего Северного Приазовья (рис. 5/60).

на Верхний Дон[18]; в более позднее время (сер. II — сер. III в. н.э.) отмечена сходная тенденция связи регионов: тамги Центральной Украины попадают на бронзовые котлы и другие изделия Среднего Дона[19]. Эта ситуация объясняется иначе, так как миграции на восток в это время археологически не документируются. Вероятно, это следы политических и как следствие — *брачных* союзов племен обоих регионов. В редчайших случаях мы вправе предполагать попадание далеко на восток и женских зеркал-подвесок с тамгами[20].

Третий пример «миграций» тамг на восток связан с драматическими событиями сер. III в. н.э. — перемещением в Крым германских и аланских племен. Тамги бежавшего от них (?) прежнего сарматского населения Правобережной Украины, Крыма и Донбасса и наиболее близкие им знаки документируются в конце III — 2-й трети IV в. н.э.[21] в могилах «новой аристократии» Пантикапея (могилы 1837 и 1841 гг.; комплекс Е.Запорожского 1891 г.) (Яценко, 1994, 187–188, рис. 1/1, 5–6; 1997, примеч. 6) (рис. 7/8, 13–14) и в богатой могиле 1972 г. (2-я треть IV в., по В.Ю.Малашеву) в заброшенном Танаисе (Безуглов/Захаров, 1989, рис. 1/3: знаки на серебряном канфаре). Видимо, боспорская знать в это трудное для государства время пополнялась не германцами или аланами, а прежними западными скифо-сарматскими соседями Боспора.

Тамги в могильнике Бельбек IV (Юго-Западный Крым, конец I — нач. III в. н.э.). Они, как уже отмечалось, обнаружены на вещах в 29 женских погребениях могильника и образуют *самую большую коллекцию такого рода в могильниках Евразии* раннего железного века. Почти все вещи с тамгами здесь — миниатюрные **зеркала-подвески**; лишь в одном случае они представлены на бронзовом медальоне (погр. 149: рис. 18/27). Другой особенностью изображений тамг в Бельбеке IV является то, что многие типы знаков часто *вписаны в орнаментальную рамку* двух сходных разновидностей (рис. 18/14–19), одна из которых образует орнамент таких зеркал и *самостоятельно* (рис. 18/14) (погр. 169, 227, 294).

Третья особенность коллекции — *резкое преобладание в ней одного-двух типов фамильных тамг*. Так, один из них представлен на зеркалах из 15 погребений (!): в 11 случаях — на фоне упомянутого орнамента (погр. 95, 96, 234, 241, 243, 253, 265, 269, 281, 317, 329) и в че-

[18] Серебряное блюдо из Давыдовки (Соломоник, 1959, № 65) и гагатовая подвеска к мечу из кургана 6/11 в Чертовицком I (Медведев, 1990, рис. 12/2).

[19] Еланская (Соломоник, 1959, № 137), Ильевка (Скрипкин, 1978, рис. 1/8), Нагавский II (Мыськов/Сергацков, 1994, рис. 2/1).

[20] Единственный убедительный случай такого рода — находки двух таких зеркал со сложной тамгой (рис. 14, к; Соломоник, 1959, № 117, 119) в Поднепровье (бывш. Екатеринославская губ.) и на Нижней Волге (Харьковка, курган В-7).

[21] Датировки М.Казанского, дополненные В.Ю.Малашевым (см.: Малашев, *в печати*; Яценко/Малашев, 2000); ср. датировку: Безуглов/Захаров, 1989, 48–58 (3-я четверть III в.н.э.).

тырех могилах — «в чистом виде» (рис. 18/1) (погр. 81, 167, 238, 317)[22]. Иными словами, довольно высокая доля захороненных в Бельбеке IV женщин, имевших зеркало с тамгой, принадлежала к одному клану.

Этот преобладающий численно **тип тамги № 1** представлен более всего находками из Крыма I–III вв. н.э.: на зеркалах из Партизанского/Саблы (Крым)[23] и склепа 64 в Усть-Альминском (Высотская, 1994, табл. 21/ 9) и единичных — с Нижнего Поднепровья (Драчук, 1975, табл. XVI/41–43), на узде из некрополя Неаполя Скифского 2-й пол. I — нач. II в. (Пуздровский и др., 1991, рис. 3/6–8). Зеркало с оригинальным, но плохо сохранившимся знаком, видимо представлявшим *наложенные друг на друга* две свастики этого типа, найдено в могильнике Фомин I (курган 2/2, погр. II–III в.) (Парусимов, 1997, 27–28; рис. 27/5).

Сходные знаки родственного клана (без точки в центре) известны в Крыму, в том числе на фоне указанного орнамента (Усть-Альминский: Высотская, 1994, табл. 9, 13, 14, 32), и на Кубани (зеркала I — нач. II в. из Чернышева: Шедевры... 1987, 138), из окрестностей Сочи (Воронов, 1979, рис. 41/10), а с 1-й пол. III в. — на Боспоре — на клейме на гончарном сосуде из подвала «Г» в Танаисе 1-й пол. III в. н.э. и на узде из склепа Ашика, 1841 г. в Пантикапее 2-й трети IV в. н.э. (Яценко, 1994а, рис. 1/5; Яценко/Малашев, 2000).

Показательно, что знаки, идентичные типу 1, в «варварских» могильниках датируются ранее сер. II в. н.э. (Неаполь, Усть-Альма). Между тем все комплексы с таким знаком в Бельбеке IV достоверно датируются *более поздним временем* — 2-й пол. II в. н.э. (могилы 231, 241, 243, 253, 281, 329) или, возможно, нач. III в. н.э. (могила 265)[24]. Интересно *пространственное распределение могил с этой тамгой*. Они отсутствуют в самой ранней северо-восточной части некрополя и концентрируются в южной (могилы 234, 241, 243, 253, 265, 269, 281) и по две — на северо-западном участке (могилы 95, 96) и на юго-восточном (могилы 317, 329).

Другая тамга известна в двух зеркально отраженных вариантах (**типы 2, 3**) (рис. 18/2, 3, 16, 17). Преобладает триквестр, ориентированный против часовой стрелки (погр. 101, 107, 257, случайная находка из разрушенной могилы), но известен и экземпляр, ориентированный в противоположном направлении (погр. 231). Комплексы датируются от конца I — нач. II в. (могилы 101, 107) до сер. II в. (могила 231). По две могилы с таким знаком известны на северо-западном участке (могилы 101, 107) и на южном (могилы 231, 257). Эта тамга в Сарматии известна лишь на фалярах из Лебедевки на Южном Урале II–III вв. н.э. (Nomads...1989, 49).

Остальные 10 типов тамг представлены каждый в могильнике лишь одной находкой.

Тип 4 (рис. 18/4) (погр. 75) известен на зеркалах из некрополя Неаполя Скифского 1957 г. (Соломоник, 1962, рис. 20), а также из Днепропетровского музея и из Краснодара (Драчук, 1975, табл. XVI/49–50).

Тип 5 (рис. 18/5) (погр. 106 — 2–3-я четверть II в. н.э.) имеет лишь отдаленную аналогию на гире из Танаиса II–III вв. (там же, табл. XI, 874) (рис. 18/20).

Тип 6 (рис. 18/6) (случайная находка) не имеет аналогий в Сарматии и весьма отдаленную — на керамике Средней Сырдарьи — Кангюя китайских источников[25] (рис. 18/21), но идентичен тамге на монетах индо-сакского царя Гондофара (ок. 20–55 гг. н.э.) (Simonetta/Widemann, 1978, 169–186; The Crossroads... 1992, № 32, 33). В связи с этим важен **тип 7** (рис. 18/7, 26) — единственный, обнаруженный не на зеркале-подвеске, а на ажурном бронзовом диске (погр. 149 — кон. I в. н.э.). Несомненно, это не амулет, а ставшая им деталь обкладки ножен меча. Очень близкий по форме и синхронный предмет, на котором также представлена серия однотипных тамг, имеющих в центре общий элемент — круг (рис. 18/27), известен на сарматском трофейном мече во фракийской могиле 2 в Рошава-Драгане (рис. 26; с, нижний; Буюклиев, 1986, табл. 10, № 110е). Однако идентичный нашему знак в иранском мире представлен лишь на монетах кушанского императора Васудэвы (164/184–200/220)[26] как один из двух вариантов его тамги. Близкую аналогию видим на керамике Средней Сырдарьи (рис. 18/25).

Тип 8 (рис. 18/8) (погр. 95) близок знаку неизвестного соправителя (?) боспорского царя Евпатора (154–170) (оба знака отливались рядом на серии бронзовых «наградных» поясных ажурных пряжек: Соломоник 1959, № 84–85) (рис. 18/23). Однако наша тамга имеет по сравнению с ним зеркально отраженную верхнюю часть. Такой знак, видимо, небрежно высечен на ольвийском мраморном льве № 2 (Драчук, 1975, табл. LI, 76) (рис. 18/24). Вероятно, клан — хозяин этой тамги связан с правящей элитой Боспора II в. н.э.

Еще пять разных знаков изображены на интереснейшем зеркале — «энциклопедии» тамг из погр. 101 (2-я четв. II в. н.э.) (рис. 18/9–13, 28; 24/II, d). Аналогия этому зеркалу в Сарматии — экземпляр I–II вв. н.э. из могилы 6 1956 г. в Кобяково в устье Дона (рис. 24/II, е) (Косяненко, 1994, рис. 23/3). В обоих случаях по периметру центральной окружно-

[22] Данный тип тамги в форме сложной свастики (ориентированная против часовой стрелки, с кружком и точкой в центре) крайне редок в Сарматии и встречен лишь на конской узде и зеркалах-подвесках I–III вв.; нет никаких оснований считать его лишь солярным символом.

[23] В июле 1998 г. автору удалось увидеть еще несколько зеркалец-подвесок с такой тамгой из грабительских раскопок на нелегальном антикварном рынке в г. Севастополе.

[24] Датировки погребений и отдельных участков могильника основаны на данных Д.В. Журавлева, готовящего материалы Бельбека IV к публикации.

[25] Тамги на античной керамике Средней Сырдарьи характеризуются, среди прочего, по таблице в рукописи кандидатской диссертации Е.А.Смагулова (Смагулов, 1990).

[26] См. новейшие уточнения хронологии династии Кушан: Sims-Williams/Cribb, 1996, 106.

сти размещены 5–6 знаков, причем один из типов повторяется дважды. Знаки на этих зеркалах не имеют между собой ничего общего. Можно предполагать, что подобные скопления тамг нескольких кланов имели ритуальное и мемориальное назначение, подчеркивая специфическую общность кланов разного происхождения.

Тип 9 (рис. 18/9) имеет аналогии лишь на керамике Средней Сырдарьи (см. выше), а также на кирпичах из Южного Хорезма (Гертман, 1991, рис. 2, № 91) и Средней Амударьи кушанского времени (Бурханов, 1993, рис. 81). **Тип 10** (рис. 18/10) встречен только на керамике Средней Сырдарьи, а **тип 11** (рис. 18/11) — лишь на петроглифах Бикчита (Центральная Монголия) (Окладников, 1981, табл. 40/8).

Еще две тамги с этого странного зеркала имеют в обоих случаях точную аналогию как на правобережье Нижней Волги 2-й пол. I — нач. II в. н.э., так и на востоке. **Тип 12** (рис. 18/12) (из греческой буквы?) представлен в Европе на серебряном бокале из кургана 8/2 в Бердии (Сергацков/Мордвинцева, 1995, рис. 3) (рис. 5/47), на «межрегиональных» скоплениях тамг в Пантикапее (Соломоник, 1959, № 18, 51) и в одном из гротов Каменной Могилы под Мелитополем (Михайлов, 1994, рис. на с. 245). В Западном Туркестане он изображен на кирпичах из древнейшего слоя укреплений Афрасиаба/Самарканда, VII–VI вв. до н.э.[27] и кирпичах IV в. до н.э. из Южного Хорезма (Елхарас) (Гертман, 1991, рис. 2, № 112), на керамике из хорезмийской Кой-Крылган-калы (Кой-Крылган-кала, 1967, табл. 4, № 198) и Средней Сырдарьи, на петроглифах раннего железного века Монголии (Тэбш, Аршан-Хад) (Окладников, 1980, табл. 115, 14; 1981, табл. 109, 4). **Тип 13** (рис. 18/13) известен в Сарматии на серебряном предмете узды I–II вв. н.э. из кургана 1/1 группы 37 на трассе канала Волга–Чограй (Калмыкия) (Лапа, 1988, 2–3, рис. 5)[28] и на керченской «глиптэнциклопедии» (Драчук, 1975, табл. XL, 417–418, 441). На востоке он документируется в скоплении сасанидских (?) тамг в Кире (Юго-Западный Иран) (Huff, 1984, 227, Abb. 5), весьма часто — на сырцовых кирпичах различных районов Средней Азии (начиная с VI в. до н.э. — Самарканд) (рис. 27–28) и на таштыкских игральных альчиках (Киселев, 1951, табл. XXXVIII, 15–16).

В целом с конца I в. н.э. до середины II в. н.э. на поселении, оставившем могильник, у женщин преобладали тамги кланов, которые имели аналогии либо в восточных районах Сарматии (не ближе правого берега Нижней Волги — типы 2, 3, 12, 13), либо на территории исторических Хорезма, Кангюя и Кушании (с окраинами которых тесно связан этногенез многих «сарматских» группировок) (типы 6, 7, 9–11). Представители этих кланов попали сюда на самом рубеже I–II вв. и умерли

[27] Неопубликованный материал из рукописи диссертации канд. ист. наук О.Н.Иневаткиной «Акрополь древнего Самарканда в структуре города: VI в. до н.э. — IV в. н.э.» (М., 1995).

[28] Отчет о раскопках в архив Института археологии РАН не поступил.

в 1-й пол. II в. н.э. В это время в степях Таврии в материальной культуре «сарматов» явственно прослеживаются более восточные элементы (курган в Ногайчине: Симоненко, 1993, 114; фото 1, 2, 13, 16, 25; некрополь Неаполя: Пуздровский/Зайцев, 1991, рис. 2/7). Показательно, что клановая «царская» тамга с золотой сарматской пиксиды из степного Ногайчина (Симоненко, 1993, фото 14) изображена в это время на одной из надгробных стел в Юго-Западном Крыму (Заветное, могила 265, 1963 г.)[29].

Эти *новые* восточные элементы культуры трудно приписать более ранним местным сарматским группировкам (роксоланам и сатархам). Из известной этнической номенклатуры единственными «претендентами» для I в. н.э. в данном случае являются наиболее ориентализированные аорсы (Симоненко/Лобай, 1991, рис. 5–6, 7(5), 8, 9, 12, 14(6), 16; Treister/Yatsenko, 1998, 74–76) и аланы (Яценко, 1993, 60–72). Однако оба этнонима крайне расплывчаты (включая на деле группировки различного происхождения)[30], что никак не облегчает нашу задачу.

Начало II в. н.э. в истории крымских «варваров» было смутным и полным конфликтов. В источниках времени Траяна упоминается недавно «покинутые города из числа лежащих около Херсона» (Житие св. Климента Римского). В связи с войной Савромата I в Крыму, видимо на рубеже 10–20-х годов, керченская надпись 1985 г. глухо упоминает активность враждебных Боспору и союзных аланам племен (Vinogradov, 1994, 73–74; Сапрыкин, 1998, 202). Примерно в это время гибнут многие «позднескифские» поселения Северо-Западного и Центрального Крыма (Храпунов, 1990, 167–168).

Около сер. II в. н.э. Неаполь Скифский, по предположению В.М.Зубаря, был разгромлен другой группировкой «варваров», возможно, тех, от которых чуть позже, в 174 г. защищал Херсонес присланный сюда Кальпурниан Аполлонид (Виноградов, 1996, 57). Все это происходило на фоне экспансии в Приазовье носителей новой «позднесарматской культуры», которая сформировалась в Приуралье и на Нижней Волге на основе недавних мигрантов из Средней Азии (Бактрии?) (Мошкова, 1994, 22). Вслед за этим на Бельбеке IV начали хоронить женщин из «сарматских» кланов совершенно иного происхождения. Их родовые тамги имеют аналогии не на востоке, как в предшествующий период, а поблизости — в Приазовье (типы 1, 5, 8).

Интересен нетипичный для Сарматии ареал распространения тамг типов 1 (основной сарматский клан, представленный в данном могильнике женщинами?) и 4: в I — нач. III в. он включает Крым, Кубань и Нижний Днепр (см. выше). Вероятно, такое распределение не случайно и связано с конкретным этносом, к которому относились данные кланы.

[29] Э.И.Соломоник, приводя более точную прорисовку, явно неверно считает «двученным знаком» две небрежно перекрывающие друг друга разновременные тамги (см.: Соломоник, 1983, 86, рис. 3, 2)

[30] См., например: Яценко, 1997, примеч. 1.

Только один сарматский этнос ранее (в сер. I — нач. II в. н.э.) мог занимать все три названных района. Это были сираки, основной территорией которых до похода Савромата II в 193 г. н.э. (КБН № 1237) было Прикубанье. Однако после завоеваний Аспурга в нач. I в. н.э. они, видимо, появляются в крымских предгорьях (ср.: Раевский, 1971, 10; Зайцев, 1995, 15–16, 21–22). С сер. I в. н.э. черты сарматского погребального обряда, связываемые с сираками, преобладают в Центральном Крыму (Пуздровский, 1995, 400), а часть этого этноса расселилась и на Нижнем Днепре (Plin. NH. 4. 82). До сер. II в. н.э. предполагаемые сираки сосуществовали в Крыму с упомянутыми выше более поздними выходцами с востока[31].

Две другие тамги этого времени (типы 5; 8) принадлежат боспорской знати Пантикапея и Танаиса, но известны там также с сер. II в. н.э. (кланы с этими знаками, видимо, по происхождению сарматские). Все это соответствует преобладающему в литературе мнению о тесной политической связи крымских «варваров» с Боспором во 2-й пол. II в. н.э.

Выявление двух различных по происхождению групп тамг, сменивших друг друга, не означает резкой смены жителей на поселении, оставившем могильник (так как, по мнению его основных исследователей И.И.Гуциной и Д.В.Журавлева, весь период его функционирования в I–III вв. н.э. этнокультурный состав его не претерпел заметных изменений). Речь идет скорее о смене ориентации в брачных контактах в соответствии с обычаем экзогамии. Описанные нами зеркала-подвески найдены в погребениях взрослых (вероятно, замужних) женщин. Роль зеркала в свадебных ритуалах индоиранских народов общеизвестна (Раевский, 1977, 97–98). Таким образом, если на рубеже I–II вв. н.э. мужчины — «поздние скифы» с Бельбека брали иногда в жены женщин из какой-то недавно пришедшей с востока кочевой группы, то в середине II в. н.э. их стали подчас выбирать из живших в Крыму еще с 1-й пол. — сер. I в. н.э. сираков (?).

Показательно также распределение женских могил с тамгами наиболее распространенных типов на территории некрополя. Тамги типов 2 и 3 известны у женщин, похороненных в кон. I — сер. II в. парами в южной (могилы 231, 257) и северо-западной (могилы 101, 107) частях некрополя.

Более показательно распределение самого распространенного типа 1 (2-я пол. II — нач. III в.). Эти знаки встречены в различных частях некрополя — главным образом в южной (могилы 234, 241, 243, 253, 265, 269, 281), но также и в восточной и северо-западной (на этих участках они в каждом случае представлены парой соседних могил и, вероятно, принадлежат близким родственницам). Такие комплексы совершенно отсутствуют лишь на самом раннем, северо-восточном участке (сер. — конец I в. н.э., по Д.В.Журавлеву). При сравнении с немногочисленными зеркалами с тамгами из расположенного к западу Усть-Альминского могильника видим, что здесь присутствует главным образом тамга родственного клана (без точки в центре кружка), и при этом — в комплексах *более раннего времени* (могилы и склепы 2-й пол. I — нач. II в. 43/41, 53, 54 — знаки, вписанные в орнаментальную рамку; склеп 94 — знак без рамки); идентичный знак известен *лишь в одном случае* (склеп 64) (Высотская, 1994, табл. 9/35, 13/36, 14/43, 21/9, 32/44).

В целом анализ тамг на зеркалах из Бельбека IV имеет существенное значение для уточнения некоторых деталей истории античного Крыма, и в будущем он может быть значительно углублен. Наличный состав знаков, судя по их аналогиям, отражает неоднородный состав «сарматских элементов» в Юго-Западном Крыму (роксоланы, сатархи, сираки, аланы?), что подтверждается исследованиями других авторов.

Вторичное нанесение новой тамги поверх первоначальной на портативное ценное изделие. Такого рода ситуация встречается очень редко (видимо, потому, что *предмет с тамгой прежнего хозяина* не мог просто, без особого обряда и предшествовавших ему опасений, спокойно использоваться новым хозяином из чужого клана. Можно предполагать, что тамга кроме прочего обладала отчасти и *защитной функцией*). Пока такие случаи известны в сер. I — сер. II в. н.э. Так, на серебряном бокале из кургана 8/2 в Бердии на Нижнем Дону (рис. 24, a–b) на донце была глубокой линией процарапана первоначальная тамга типа рис. 5/47 (представленная также в ряде скоплений: см. ниже раздел 5). Позже поперек ее тонкой линией была процарапана тамга типа рис. 5/34 (известная кроме этого лишь на «энциклопедии» — навершии меча из Рошава-Драганы). В Юго-Западном Крыму в могиле 265 1963 г. в некрополе Заветное в богатой могиле было вторично использовано более раннее каменное антропоморфное надгробие. Здесь, видимо, как и в первом случае, *поперек старого небольшого знака была нанесена более крупная тамга впятеренного сарматского клана* (она кроме этого представлена на золотой коробочке из кургана Ногайчин) (рис. 24, c). Э.И.Соломоник, опубликовавшая уточненную прорисовку изображения на надгробии, к сожалению, не разобралась в ситуации и предположила, что здесь изображен единый, весьма громоздкий и уникальный по форме «двухчленный знак» (Соломоник, 1983, 86, рис. 3/2). В обоих случаях новый знак очень аккуратно нанесен поперек не менее аккуратного более раннего.

Сложнее объяснить наличие изредка двух перекрывающих друг друга под разными углами тамг на женских зеркалах (рис. 6/94).

В свете сказанного выше возможен также анализ погребений, где обнаружено по *нескольку* предметов с *разными* тамгами. Типичный пример такого комплекса — «царское» погребение 1 **в Порогах** (2-я пол. II в. н.э.). Здесь на пяти золотых и серебряных социально значимых предметах изображены тамги 4 разных типов (при этом на

[31] А.В.Симоненко в своей докторской диссертации (Симоненко, 1999а, 27) осторожно отмечает, что эти районы на рубеже I–II вв. недостаточно привлекали внимание серьезных античных авторов.

серебряном кубке — 3 знака) (Симоненко, 1992, рис. 10). Где же тамга самого умершего и каким образом к нему попали предметы с тамгами других кланов? На обоих поясах (на «парадном» и на предназначенном для ношения оружия) встречена тамга, изображенная на рис. 5/86, которая представлена и на дне кубка. Этот основной тип знаков на вещах покойного принадлежал, как известно, клану правившего на Западной Украине в 70–80-х годах I в. н.э. царя Инисмея. Важнейшим атрибутом любого взрослого мужчины у иранских народов были пояс и головной убор. Так, у осетин еще недавно на особом летнем празднике совершеннолетия юношам 15–16 лет вручали парадную одежду, и прежде всего пояс (Уарзиати, 1987, 25). Примерно то же происходило в древнем Иране (Avesta. Vend. Frag. 18. 2–15, 23, 115). Поэтому мы можем считать данный знак принадлежащим клану хозяина могилы. Тамги трех других типов встречены каждая на отдельном изделии, принадлежавшем к важным атрибутам воина-аристократа того времени. Они известны как на территории «державы» Инисмея, так и в соседнем Крыму (Драчук, 1975,табл. V, № 302, 304–305, 326, 344; XI, № 863). Вероятнее всего, вещи с тамгами этих 3 типов были *дарами* их последнему хозяину.

Другой пример — ахеменидские золотые сосуды, найденные в 1869 г. у **слободы Криворожье** Области Войска Донского, вероятно в насыпи разрушенного кургана (Смирнов, 1909, табл. VI/1). На двух сосудах изображены тамги: на одном из них — на ободке (рис. 6/45), на другом — на тулове, одна над другой (рис. 6/41, 47). Один из типов этих знаков вообще неизвестен в Иране античного времени (41), другой (47) бытовал в ахеменидскую эпоху (Boardman, 1998, fig. 1/D 1.2: 11), третий (45) представлен на монетах парфянского Орода I (80–77 гг. до н.э.) (Sellwood, 1971, 85, tipe 31 ii). При этом близкие или идентичные образцы двум из трех знаков документированы в Сарматии в сер.II — сер. III в. н.э. (рис. 6/77, 97). Вероятно, эти сосуды хранились в каком-либо храме на территории Ирана и попали в руки аланов во время одного из набегов на юг. В интересующий нас период такие набеги документируются как большая редкость. Скорее всего это произошло в 227–237 гг. — в период регулярных походов армянского Хосрова II в союзе с северокавказскими номадами против основателя новой династии Сасанидов Арташира I (Agathangel. Hist. Armen. 19–23).

РАЗДЕЛ 4

ЦАРСКИЕ ЗНАКИ ПРАВИТЕЛЕЙ БОСПОРА И САРМАТОВ ЗАПАДНОЙ УКРАИНЫ И ИХ ПРОИСХОЖДЕНИЕ

Тамги царей греко-варварского Боспорского царства **достоверно** известны *на трех этапах его существования*: к началу I в. н.э. (при Динамии и Аспурге, 8 г. до н.э. — 37 г. н.э.), в столетний период 30-х годов II — 30-х годов III в. н.э. (при Риметалке, Эвпаторе, Савромате II, Рискупориде III, Инесимее) и в поздний период (после смуты 239–276 гг., начиная с Фофорса, 285–308). Ниже характеризуется также ряд предположительно царских знаков, отчасти заполняющих пробелы между этими периодами. *Все три периода можно связать с попаданием на боспорский трон новых выходцев из сарматской, а затем и аланской знати, что во всех случаях первоначально не обходилось без политических и военных проблем*. Сходный вывод ранее сделал П.О.Карышковский, утверждая, что проникновение тамг на боспорские монеты во всех случаях связано с переломными моментами в греко-сарматских отношениях (Карышковский, 1973, 15–16). *Первый период* связан с правлением Динамии после периода войн с ее бывшим мужем Полемоном (14–8 гг. до н.э.). *Аспург* был сыном царя Асандроха (возможно, правителя какого-то из сарматских племен Прикубанья; ср.: Сапрыкин, 1985, 66). Власть Аспурга, видимо, была признана императором Августом лишь спустя 4–5 лет после реального прихода к власти, а его восшествие на престол сопровождалось какими-то волнениями на Боспоре, подавленными отнюдь не сразу (Виноградов, 1994, примеч. 18–19, 22).

В начале *второго периода* Риметалк (131–153) получил власть из рук законного правителя Котиса II (Фролова, 1985, 20). Предполагается, что он был представителем иной, боковой ветви династии (Шелов, 1966, 274). Около 132 г. в Северо-Восточном Причерноморье возникла непростая обстановка, так что туда даже предполагался массированный римский десант (Arrian. Peripl. 17. 3). При этом Риметалк имел некие проблемы во взаимоотношениях с Римом и в 138 г. был вызван туда для объяснений (Scriptores Historiae Augustae. 3. 9. 8); в одной из надписей Адриан назван «твердителем» Риметалка (КБН № 47). Этот и три последующих правителя имели тамги с общим нижним элементом и индивидуально

изменяемым верхом (рис. 14, е). В правление царей этого периода документируется серия наградных бронзовых и золотых солдатских и офицерских поясов с изображением их тамги (см. ниже).

Общность тамг царей второго периода отражена также в двух чрезвычайно примечательных памятниках. Это каменные плиты — детали каких-то общественных сооружений или богатых частных домов из Пантикапея, где присутствуют тамги царей *от Риметалка до Рискупорида III* (см. ниже) на фоне тамг других знатных лиц (Соломоник, 1959, № 48, 50). На первой из них процарапаны как большой, так и малый знаки Савромата II на лицевой стороне; на оборотной — в центре — знак Рискупорида III (см. ниже), у правого края — предполагаемый Риметалка и малый — Савромата II, на торце — Рискупорида III. На второй плите по нижнему краю карниза в ряд высечены тамги (слева направо) Рискупорида, неизвестного соправителя царя Эвпатора (см. ниже) и, видимо, схематично переданный знак Риметалка.

Что касается Инесимея (234–239), то отсутствие его прямой связи с правящей династией практически общепризнано (см. ниже). Знак этого правителя весьма своеобразен и никоим образом не связан с предыдущими и последующими боспорскими царями.

Наконец, достоверное начало *третьего периода* связано с воцарением Фофорса (285–308) (сарм. «Взрослый», по Я.Харматте), который, вероятно, также не принадлежал к предыдущей династии (см.: Драчук, 1975, 66). Судя по многократно комментировавшимся данным Константина Багрянородного (Konst. Porthir. De admin. imp. 53. 244–251), он был сыном некоего Крисконара, короткое время был враждебен Риму и в 293 г. совершил поход в Малую Азию[1].

В свете сказанного в разделе 1 *нет никаких серьезных оснований считать знаки боспорских и сарматских правителей* **личными** (как, впрочем, и меняющиеся с каждым правителем знаки кушанских императоров и большинство тамг правителей иранских династий Аршакидов и Сасанидов). Скорее речь идет о **знаке семьи**, *т.е. «малом», дополнительном знаке низшего подразделения* **внутри** *клана (бывшего, в свою очередь, одним из ответвлений правящей династии Тибериев–Юлиев)*, который в данном (весьма общественно значимом!) случае составлялся из собственно тамги отцовского клана плюс тамга знатного клана матери.

Динамия (8 г. до н.э. — 11/14 гг. н.э.). Как известно, оба ведущих исследователя тамг Сарматии — Э.И.Соломоник и В.С.Драчук склонялись к тому, чтобы признать ее знак *не монограммой, а тамгой*[2]. Этот знак (рис. 4/16) ни разу не представлен вне греческих городов. Кроме монет он известен на торце плиты из Керчи (рис. 9, с), на ольвийском льве № 2 (рис. 11) и на плите из той же Ольвии (Соломоник, 1959, № 61, крайняя справа). Довольно многочисленные и разнообразные *родственные* знаки изображены на плитах из Пантикапея и Ольвии (Драчук, 1975, табл. XIV, 4, № 4–9), на деревянной сарматской арфе из Козырки (Симоненко, 1999, рис. 7/14), а самый поздний из них (граффити на амфоре из Семеновки в Восточном Крыму) датируется 1-й пол. III в. (Кругликова, 1961, рис. 37/4). Выше отмечалось, что тамга, *идентичная* знаку этой внучки Митридата, возводившей свою генеалогию к Ахеменидам, известна лишь в *сасанидском Иране* (рельеф в Кире; кушано-сасанидские монеты; см. ниже также об иранских аналогиях тамге Фофорса Боспорского). Почти идентичный образец (с закругленными верхними углами) неоднократно встречен на ахеменидских памятниках Персеполя (Boardman, 1998, fig. 12, 14). Кстати, именно для периода правления Динамии на Боспоре мы имеем единственное достоверное сообщение о династических браках парфянской династии Аршакидов и «варварских» племен Северного Кавказа. Около 12 г. н.э. свергнутый парфянский Вонон I пытался бежать из заключения в Киликии на север, за Кавказский хребет, за земли гениохов, к своему близкому родственнику — «единокровному ему царю скифов» (Tacit. Annal. 2. 68; Тацит, 1970, 74).

Аспург (11/14–37). Тип тамги этого предполагаемого выходца из «варварской» (сарматской) среды (сарм. «Сильный как конь», по Л.Згусте), *усыновленного* (по мнению Ю.Г.Виноградова) прежним царем Асандром, чрезвычайно редок в иранском мире. Отдаленная аналогия ему известна лишь в петроглифах горы «Дающая» в Южной Монголии (Окладников, 1981, табл. 101, 8). Но в соседней Южной Сибири у нынешнего тюркоязычного населения этот специфический знак сохранялся до XIX в. (Кызласов, Леонтьев, 1980, рис. 12, 72). Как справедливо отметил В.С.Драчук, знак состоит из двух зеркально отраженных и соединенных тамг (Драчук, 1975, 61) (рис. 3, с). Такая «половинка тамги» известна на рыболовном грузиле из района устья Кубани (Елизаветинское городище: Соломоник, 1959, № 147) — практически на территории его сородичей-аспургиан. Тамга Аспурга (рис. 4/18) использовалась, видимо, в двух зеркально отраженных вариантах (ср. рис. 3, d). У нас нет никаких фактических оснований считать этот знак *персональным*. На монетах-симесах он изображался за головой Ареса (Голенко/Шелов, 1963, рис. 1). В «энциклопедиях» Боспора и других греческих государств Северного Понта тамга Аспурга, как ни странно, почти отсутствует (см. выше о спекуляциях, связанных с причислением *близких знаков родственных ему кланов* к «собственно Аспургу»). Она сохранилась наполовину на лицевой стороне одной из танаисских плит, всю поверхность которой, видимо, и занимала (Соломоник, 1962, рис. 9, а) (рис. 21/2). Знаки *собственно Аспурга* известны также на портативных изделиях из несколько более поздних погребе-

[1] (Харматта, 1967, 205–206). Версию о вражде Фофорса с Римом отвергает прежде всего нумизмат Н.А.Фролова (Фролова, 1985, 31), однако ее аргументы небесспорны (Болгов, 1996, 37–38).

[2] Н.А.Фролова привела убедительные доводы в пользу того, что инициатором чекана с таким знаком нельзя считать Аспурга (Фролова, 1997, 65–67). Совершенно фантастично выведение этого знака из изогнутых лент головной повязки богини Хванинды на греко-бактрийских фалерах упряжи (Шаров, 1998, 16–17).

ний варварской знати вне Боспора сер. — 2-й пол. I в. н.э. (см. примеч. 8 к разд. 2).

В Крыму и в собственно «варварских» памятниках Степи довольно широко представлены тамги самых различных *родственных кланов*: в Пантикапее (на «писаной» плите и на одном из надгробий: Драчук, 1975, табл. IV, № 257–258), на ольвийском льве № 2 (там же, табл. IV, № 255), на днище каменного сосуда из Неаполя (Соломонік, 1962, рис. 19) (рис. 4/20) и на «варварских энциклопедиях» дальней периферии Сарматии — на гагатовой подвеске к мечу с Верхнего Дона I — нач. II в. (рис. 5/121) и на скале Уйташ под Дербентом (рис. 5/131). Можно предполагать, что все эти знаки не выходят за рамки I — 1-й пол. II в. Тамга родственного Аспургу клана (рис. 4/19) известна на родине племени аспургиан — в районе устья Кубани — *на рубеже н.э.* как на обожженных клейменых *кирпичах* (Горгиппия: Цветаева, 1975, 99), так и *на серии из 14 сероглиняных мисок* на поселении Владимировка (Онайко, 1982, 234–235) и нанесенная пунсоном — на две двух однотипных серебряных сосудов из более позднего погребения 14 2-й пол. I в. н.э. в кургане 2 у Михайловской (Каминская и др., 1985, 233, рис. 4/а, г). Другой клан (чей знак, видимо, отличается добавочным кружком в центре) оставил свою тамгу на ритуальной костяной пластинке-«энциклопедии» с Березани (Яйленко, 1987, рис. 6, оборотная сторона).

Фарзой (49–70?). Этого сарматского правителя с Западной Украины, чеканившего монету в Ольвии, А.В.Симоненко и М.Б.Щукин связывали то с *аорсами*, то *с сираками*, опираясь на известную близость его тамги (рис. 5/85) с более ранним знаком (рис. 4/1) на котле из Хатожукаевского аула (найденного на территории прикубанских сираков) (см. прежде всего: Симоненко, 1987, 55–56). Я склонен поддержать эту версию, так как именно с территории Сиракского союза происходят две весьма любопытные находки. Во-первых, это одна из культовых (?) меотских керамических плиток римского времени из коллекции Краснодарского музея-заповедника; на сохранившейся половинке ее изображена, видимо, половина тамги Фарзоя[3]. Во-вторых, в верховьях Кумы, в катакомбе 7 могильника Клин-Яр III из раскопок А.П.Руница, датируемой М.П.Абрамовой I — нач. II в. н.э., на тулове ритуального двуручного лощеного сосудика (что весьма нетипично[4]) дважды изображен уникальный знак, состоящий из двух размещенных перпендикулярно «тамг Фарзоя» разных размеров (рис. 5/131). Вместе с тем автор этих строк сегодня солидарен с аргументацией Ю.Г.Виноградова, считавшего

[3] Материал любезно предоставлен Е.А.Хачатуровой весной 1991 г.

[4] Все более поздние тамги Западного и Центрального Предкавказья на гончарной керамике представляют собой знаки мастеров, отпечатанные на днище в процессе изготовления. В нашем же случае это еще *граффити* и на другой части сосуда. Утверждается, что сосуд с этой тамгой якобы «охраняет душу (умершего. — *С.Я.*) и помогает ей не заблудиться» в ином мире (Барудкина, 2001, 189).

господствующий этнос царства Фарзоя *аорсами*. Долгое время сама тамга считалась «кадуцеем», заимствованным у бога Гермеса, хотя по облику имеет с ним мало общего (Драчук, 1975, 36).

Судя по характеризуемым ниже *дальним восточным аналогиям* его знаку и наиболее близким фарзоевскому знакам Инисмея и Инесмения (Минусинская котловина, Южная Монголия, Северный Китай), тип тамги Фарзоя мог попасть в Сарматию из восточноаскарского культурного мира.

Тамга *собственно Фарзоя* представлена как в главном центре его политического влияния — в Ольвии, над которой он, как считается, установил своеобразный протекторат (ольвийский лев № 1, где 2 знака изображены рядом у правого бедра: рис. 10), и ее округе (арфа из Косырки: Симоненко, 1999б, рис. 7/29), так и в Пантикапее (зеркальце-подвеска со знаком, который по пропорциям соответствует знаку Фарзоя, а не Инесмимея Боспорского, как думала Э.И.Соломоник: Соломоник, 1959, № 98). Наличие парадных копий со знаком Фарзоя в синхронных памятниках германцев Польши и Норвегии является, несомненно, отражением обширных политических связей «державы» этого царя (Ščukin, 1993). Точный аналог знака Фарзоя в скифское время известен в Хакасии (стела из ограды Большого Анхаковского кургана, зафиксирована в октябре 2000 г. А.Г.Акуловым). Два родственных Фарзою клана (тамги которых отличаются небольшой добовочной вертикальной черточкой в левом или правом верхних углах) «отметились» на парадной узде из аристократических могил 2-й пол. I — нач. II в. н.э. на Нижнем Дону (Царский I, курган 64/1: Власкин, 1990, рис. 1/1) и у устья Днестра (Грушка: Гросу, 1990, рис. 16, Д1); оба этих типа представлены на монетах античного Хорезма (Вайнберг, 1977, табл. 11). Знак, идентичный представленному в Царском, изображался на монетах одного из царей Хорезма рубежа н.э. (Вайнберг, 1977, 35, 38, табл XII, № 1); он представлен на серебряном хорезмийском сосудике из Зауралья (у г. Шадринск Курганской обл.: Сальников, 1952, 193, рис. 1). В *других* частях иранского мира точных аналогий ему неизвестно. Еще одна тамга «схемы Фарзоя» (рис. 5/83), часто интерпретируемая в литературе как тамга его «близких родственников» и весьма широко распространенная в сер. I — сер. III в. н.э. (рис. 8/3, 10), на мой взгляд, не может считаться таковой из-за совершенно иных пропорций всей верхней части.

Инисмей (70—80-е годы I в. н.э.). Я не уверен в том, что близость его знака тамге предшественника — Фарзоя (добавлен *кружок в центре*, что соответствует 4-му способу образования нового знака по предложенной классификации: см. раздел 1) — обязательно свидетельствует об их родстве *как сына и отца* (ср.: Симоненко, 1987). Знаки этого правителя отсутствуют в «энциклопедиях». Они кроме монет известны лишь на парадных вещах в одной из богатых могил Западной Украины рубежа I–II вв. н.э. (Пороги, могила 1: «парадный» и портупей-

ный пояса, дно кубка)[5] и на ножнах трофейного сарматского меча из фракийской могилы 2 в Рошава-Драгане (Болгария, рубеж I–II вв. н.э.) (Симоненко/Лобай, 1991, фото 38, 2, верхний). Очень близкий знак (с дополнительной черточкой внизу: рис. 5/106) изображен *на навершии* того же меча из Рошава-Драганы. Более отдаленная аналогия тамге Инисмея (рис. 5/82) встречена на парадных мечах из обоих названных погребений и процарапана на краснолаковой миске из Баштечек.

Единственный точный аналог тамге Инисмея в иранском мире найден в составе «энциклопедии» античного времени на р. Цаган-гол в Юго-Западной Монголии — на окраинных коренных землях древних *усуней* (Вайнберг/Новгородова, 1976, рис. 7; Яценко, 1992б, 195).

Боспорские царские знаки 2-го периода (131–276 гг. н.э.). Прежде всего попытаемся выяснить происхождение их специфической формы, которую В.С.Драчук именует «триденсом». По его мнению, они несут *определенную идейную нагрузку*, символизируя *трезубец Посейдона* (от которого, через его сына Евмолпа, вела свое происхождение династия Тиберие–Юлиев) (Драчук, 1975, 63). Действительно, *подлинные трезубцы* часто изображались на монетах наряду с тамгами (хотя при этом трезубец никогда не был опущен вниз, как на знаках указанных царей). На аверсе монет трезубец изображался рядом с портретом царя (там же, табл. XIII/3) начиная именно с Риметалка (Алексеева, 1986, 120). Однако при внимательном рассмотрении даже нижнюю часть упомянутых сложных «царских» знаков невозможно свести к простому *искажению трезубца*. Так, «боковые отроги» «тридентов» трудно считать лишь результатом длительной и поздней стилизации изображений трезубца (ср.: Алексеева, 1986, 120; ср. также тамгу на сарматском зеркале из Северного Приазовья рубежа II–III вв. с «отрогами», повернутыми внутрь: рис. 6/121). К тому же В.С.Драчук странным образом игнорирует в своей монографии (как и позже в своих статьях Е.М.Алексеева и Э.И.Соломоник и другие исследователи-античники) хорошо известные к тому времени аналогии «тридентам» *на крайнем востоке* иранского мира — в Монголии. Самая большая серия сходных «тридентов» найдена в Юго-Западной Монголии, в скоплениях на р. Цаган-гол на фоне «сакских» петроглифов (Вайнберг/Новгородова, 1976). Здесь на знаках мы видим и дополнительный кружок в центре, и пару симметричных или один асимметричный сложный выступ верхней части... Известны они и в других местонахождениях на западе и юге Монголии (гора Табш: Окладников, 1980, табл. 153, 154; Мандал I: Окладников, 1981, табл. 51, 3) (рис. 35, с–е). Особенно интересен достаточно небрежный знак из Абдар-Баяна (окруженный петроглифами скифской эпохи) (рис. 14/I), где имеются все основные элементы боспорских царских знаков 2-го периода — «трезубец» с симметричными дуговидными «боковыми отрогами» и пара симметричных сходных выступов в верхней части (Окладников, 1981, табл. 34, № 2). В *других* регионах подобные аналогии практически *отсутствуют*[6]. Трудно сказать, можно ли считать этот факт проявлением известного влияния на евразийских кочевников культуры и общественного строя первой в мировой истории *«кочевой империи» хунну* (и соответственно — покоренных хунну соседних восточноскасских племен). Это влияние прослеживается и в кон. I — нач. II в., т.е. перед самым появлением боспорских знаков 2-й группы (ср.: Яценко, 1992а, 249–250; 1993, рис. 2, в).

О *других*, пока вполне фантастических версиях трактовки «первоначальной семантики» знаков этой группы см. выше, Введение.

Многие изображения тамг царей второго периода связаны со строительством фортификационных сооружений на Азиатском Боспоре (которому в это время, по-видимому, угрожали сильные кочевые соседи). Интересно, что эти *знаки с «тридентами» совершенно отсутствуют на предметах с территории Ольвийского полиса* (хотя, например, на мраморных львах известны как более ранние, так и более поздние тамги царей Боспора). Возможно, причина этого кроется в различиях этнополитической ситуации на границах этих греческих образований и в реальном включении Ольвии в состав Римской империи.

Очень интересна *серия ажурных «форменных» бронзовых и золотых поясных пряжек с тамгами царей этого периода*, неоднократно привлекавшая внимание исследователей (см. ниже). Посвятивший этим изделиям специальное исследование М.Ю.Трейстер пришел к выводу о том, что, хотя сами эти пряжки являются боспорской спецификой, они, несомненно, имеют прототипы в образцах, появившихся в римских провинциях Верхней Германии и Реции к сер. II в. н.э. По мнению автора, они изготовлялись в царских мастерских и были наградными, предназначаясь для отличившихся солдат и офицеров (Treister, 2000; Трейстер, 2000). Вероятно, это производство возникло в конце правления Риметалка (см. ниже).

Риметалк (131–153). Знак его был выделен Д.Б.Шеловым предположительно (Шелов, 1966, 273) (рис. 6/48). Однако это вызвало возражения В.С.Драчука, основанные на известной гипотезе В.П.Пожидаева/Э.И.Соломоник (Пожидаев, 1948, 240–250; Соломоник, 1959, 24), что *развитие* тамг этого типа якобы непременно шло по пути *постепенного упрощения* (Драчук, 1975, 66). Выше было показано, что в действительности этот принцип мог быть *совершенно иным*: в верхней части добавлялась в каждом случае *особая тамга* (клана матери?) при неизменной нижней.

[5] Весьма скромный уровень этой могилы (по сравнению, например, с синхронными памятниками низовьев Дона и Волги — Дач, Хохлача, Косики и др.), в частности отсутствие в ней *массивных* золотых вещей — атрибутов власти со вставками самоцветов и т.п. (их заменяет стекло), не позволяет мне видеть в погребенном *самого царя Инисмея*, что первоначально предполагалось А.В.Симоненко.

[6] Так, типологически близкие знаки *кушанской* аристократии I–III вв. имеют в нижней части не трезубую, а *четырехзубую* фигуру.

Предполагаемая тамга Риметалка встречается достаточно редко — на плите из Танаиса (Шелов, 1966) и на упомянутом надгробии Атты, сына Трифона (Соломоник, 1959, № 76, 35). Последний случай уникален тем, что царская тамга изображена на лопатке живой лошади (т.е., видимо, она принадлежала одному из царских табунов). Этот знак известен на наградных бронзовых пряжках из Крыма в Одесском музее (Treister, 2000, fig. 1/3; 5).

Тиберий Эвпатор (154–170) (рис. 6/49). *Верхняя часть* его знака является, как обычно, *самостоятельной тамгой* (см. выше), причем эта тамга относилась к клану, родственному бывшей царице Динамии (она изображалась и отдельно: на «писаной» керченской плите и танаисской плите в Новочеркасском музее: Соломонік, 1962, рис. 9 — верхний; Драчук, 1975, табл. IX, № 618–619) (рис. 22/2). Изображения тамги собственно Эвпатора весьма многочисленны. Это плиты со строительными надписями из Танаиса и Пантикапея (знак помещен над надписью: Соломоник, 1959, № 1–2) и плиты с одним лишь крупным знаком, видимо встроенные в какие-то оборонительные сооружения (Пантикапей; хут. Батарейный на Кубани: там же, № 5–6). При этом левый верхний отросток мог опускаться вниз или вертикально (там же, № 1), или под углом 45 градусов (там же, № 3) (рис. 15/14). Интересны две мраморные «триумфальные» плиты с Тамани, где надпись заменена изображением двух Ник, венчающих венками либо единственную тамгу царя, либо ее же и размещенную рядом другую — вероятно, тип на рис. 6/70 (в последнем случае обе тамги позже были стерты для византийской надписи, но без труда восстанавливаются) (там же, № 3–4). Кроме того, тамга Эвпатора встречена на таких бытовых предметах, как красноглиняная фляга кочевнического облика из Керчи (там же, № 144), и на бронзовой фибуле из Гурзуфа (там же, № 68).

Любопытна серия поясных бронзовых ажурных пряжек, где размещены рядом тамга Эвпатора и тамга его «соправителя» (знак клана его жены?) (там же, № 84–85). Знаки Эвпатора на пряжках из бронзы происходят из Пантикапея (Эрмитаж), с Тамани (Кёльн), из окрестностей Ольвии (Гамбург) и из неизвестных пунктов Юга России (хранятся в музеях Одессы, Нью-Йорка). Золотые пряжки этого типа найдены где-то в Прикубанье, в кургане 1853 г. в Фанагории, другие находились в коллекции Е.Запорожского. Известны погребальные имитации таких пряжек из золотой фольги (в Керчи: могилы 1841 и 1910 гг. у Карантинного шоссе; Китей, могила 227 1996 г.) (там же, № 71–72, 76, 78–80, 86).

Тамга «соправителя» (рис. 6/68) известна также на каменных плитах из Пантикапея (там же, № 50 — вместе со знаками двух боспорских царей: см. выше) и Танаиса (Драчук, 1975, табл. XIV, 11, № 4) и на стене керченского «Стасовского» склепа 1872 г. (Соломоник, 1959, № 52); она же нанесена наколами на серебряный кинжар, найденный в 70-х годах П.Д.Дитлером в разрушенном погребении у аула Ленинохабль (Адыгея).

Савромат II (174–210). Его тамга (рис. 6/50) дважды сопровождает весьма важные надписи, происходящие с Азиатского Боспора: одну — посвятительную, упоминающую о войне 193 г. в Крыму и на Кубани, и другую — на надгробии «главного аланского переводчика» Херака (Соломоник, 1959, № 11–12). Как отмечалось выше, и большой и малый знаки Савромата II с его монет (рис. 14, b) известны также на керченской плите, где они занимают центр лицевой стороны (там же, № 48). Царская тамга нанесена в одном из скоплений Танаиса, судя по всему, позже остальных знаков (Яценко/Раев, 2001, рис. 2/1, № 20).

Происхождение типов большого и малого знаков этого царя не вызывает особых сомнений, так как ближайшие аналогии *им обоим* (аналогии *малому* знаку широко представлены в Западном Туркестане) известны только в Западной и Южной Монголии. «Большая» тамга очень близка одному из знаков в скоплении на р. Цаган-гол (Яценко, 1993, рис. 2, б), а малая «стрелка») — на горе Тэбш (Окладников, 1980, табл. 155).

Рискупорид III (210–222) и проблема атрибуции «самого распространенного царского знака». Выявление знака Рискупорида III и вариантов его написания, на мой взгляд, *сопровождалось рядом досадных неточностей и натяжек*, приведших к значительной путанице в литературе. Э.И. Соломоник внимательно исследовала достоверный знак этого царя на танаисской плите со строительной надписью. Плита (как и сам знак) была склеена из множества обломков с большими утратами. Для исследовательницы было принципиально важно уточнить некоторые детали знака, особенно — *наличие или отсутствие правого выступа в верхней части* (рис. 15/1). Издатель плиты В.В.Латышев в своем рисунке отметил здесь утрату изображения, а Э.И.Соломоник, напротив, полагала, что знак «поддается полной реконструкции», видя здесь *отсутствие изгиба вниз* (Соломоник, 1959, 24, 61, № 13) (рис. 15/2). Интересно, что в другом случае, в полном противоречии с высказанными только что соображениями, изображение аналогичного знака *без подобной боковой черточки вверху* (№ 67 — свинцовая плитка с хут. Батарейного) (рис. 15/10) она характеризует как *схематическое упрощение того же знака* (знак «с несколько упрощенной верхней частью»: там же, 129). С этим трудно не согласиться. Знак этого типа на многих памятниках изображался (особенно на каменных плитах-«энциклопедиях» Пантикапея и Танаиса), как, впрочем, и окружающие его знаки, *наспех и весьма небрежно*. Во многих случаях очень сильно искажены пропорции верхней части (рис. 15/3–7, 10–12; 22, а), деформированы боковые выступы нижней части (рис. 15/7, 9) или ее нижние концы (рис. 15/4). Не документированы надежно на «эталонном» изображении и боковые выступы нижней части (несмотря на натяжки Э.И.Соломоник). К тому же исследовательница еще не знала о зеркальной симметричности тамг сарматского типа у многих хозяев-кочевников в Степи (рис. 3, d). Поэтому сходный знак, но *зеркально отраженный* и с выраженным наклоном вниз выступа верхней

части (*что наблюдается во всех известных случаях, кроме нашего спорного!*) она посчитала тамгой *какого-то другого царя*[7]. Все это тем не менее не должно вводить нас в заблуждение и давать повод для «сотворения» вымышленных знаков все новых и новых царей из вариантов *одной и той же тамги* (Рискупорид II, по Н.А.Захарову[8]; Драчук, 1975, 66; он же или Савромат I: Соломоник, 1959, 89; Котис III, Савромат III или Рискупорид IV: Алексеева, 1986, 122). Иными словами, имеющиеся на сегодня факты позволяют достаточно уверенно утверждать, что знак Рискупорида на фрагментированной танаисской плите и так называемый «наиболее распространенный царский знак» (по выражению Е.М.Алексеевой) — *это одна и та же тамга*, что справедливо предполагал ранее Д.Б.Шелов (Шелов, 1966, 270, примеч. 17). Рассматривавшаяся выше тамга Рискупорида III (рис. 6/52) представлена на официальных строительных надписях и надписях фасов — в центре надписи или под текстом, на специальных камнях с тамгой, вмонтированных в общественные здания (Танаис: Соломоник, 1959, № 7, 8, 13, 16), или процарапана вторично на старых надгробиях в Пантикапее (там же, № 9, 45, 44; в последнем случае этот знак представлен в серии других тамг и нанесен поверх «варварского» изображения лошади; в предпоследнем — два таких знака со схематично, небрежно переданным верхом изображены в центре плиты рядом с маленькой фигуркой лошади?). Она изображалась и на специальных плитах для нескольких тамг (там же, № 17), и на двух упомянутых плитах со знаками нескольких царей (там же, № 48, 50; плита 1993 г. из Танаиса, включающая также знак Инесимея: Böttger, 1996, fig. 11). Наконец, тамга Рискупорида III, видимо, изображалась на бронзовых поясных пряжках (Соломоник, 1959, № 88 — грубое варварское подражание боспорским пряжкам из могилы 69 в Инкермане), на парадной конской узде и свинцовых плитках (там же, № 67, 89). В целом именно знак Рискупорида III был *наиболее распространенным* среди царских знаков на Боспоре. В чем причина этого — не вполне понятно (ведь названный царь не отличался ни особым военным или политическим могуществом, не отмечен каким-то особым покровительством «варварам», исключительным «долголетием» на престоле и т.д.). Так или иначе, но именно этот правитель *наиболее широко заменял свое личное имя эмблемой-тамгой*.

[7] Злосчастная сомнительно отсутствующая черточка на «базовом» изображении была *чрезвычайно важной* для построений Э.И.Соломоник. На ней держалась ее описанная выше теория о том, что сложные знаки такого типа развивались, только *постоянно упрощаясь* (Соломоник, 1959, 24). Эта теория (противоречащая наличным этнографическим материалам по тамгопользованию иранских, кавказских и тюркских народов) благодаря авторитету ее автора до сих пор является общепризнанной.

[8] Кстати, керченская «могила с золотой маской», на узду из которой ссылался Н.А.Захаров, сегодня вполне убедительно датируется М.Казанским началом IV в. Крайне маловероятно, чтобы тонкая фольга на узде (на которой изображались эти знаки) могла использоваться интенсивно целых 200 лет!

Рискупорид IV (233–234)? В Одесском археологическом музее хранятся бронзовые пряжки, подобные упоминаемым выше (Козыренко, 1957, 92, № 2, табл. 1, 2). Знак на них (рис. 6/51) отличается от знака Рискупорида III тем, что вместо центрального кружка изображен ромбик. Вероятнее всего, он принадлежит царю, правившему между Рискупоридом III и Инесимеем. Этот знак документируется лишь единственной находкой.

Инесимей (234–239). Тамги этого правителя представлены более всего на плитах со строительными надписями из Танаиса периода лихорадочного ремонта там городских стен в 236–239 гг. при наместнике Хафразме. На первый взгляд это можно связать лишь с возникшей опасностью со стороны «аланов» Центрального Предкавказья. С момента их нападения на Боспор около 239 г., видимо, начинается печально известный период смут в истории государства, который мог стоить жизни и самому Инесимею (Яценко, 1997, 157). На двух из трех таких плит изображен особый вариант его знака — с заостренными углами (Соломоник, 1959, № 14–16) (рис. 14, с, правый). Тамга Инесимея занимает центральное место на специальной плите-«энциклопедии» из Танаиса 1912 г. (там же, № 55). На пантикапейской плите (там же, № 44) она, напротив, небрежно процарапана с наклоном на старом надгробии среди других знаков (поверх греческой надписи «ПАП»); то же наблюдаем на одной из плит, найденных в Танаисе в 1993 г. (Böttger, 1996, fig. 11) (рис. 20/2). Наконец, эта тамга небрежно изображена на граффити амфоры из Фанагории 1952 г. (Соломоник, 1962, рис. 21).

Знак Инесимея резко отличается по форме от знака своих царственных боспорских предшественников с их «триденсами» и приближается к тамге сарматского царя конца I в. н.э. с редчайшим именем того же типа — Инисмей. Считается, что он, как позже и Фофорс, был узурпатором на боспорском троне, выходцем из сармато-аланской аристократии (Зограф, 1951, 211; Шелов, 1956, 188; Блаватский, 1964, 217). Этим, видимо, объясняется необычайная, *уникальная популярность* тамг его самого и родственных ему кланов по всей Сарматии — от Румынии до плато Устюрт (Яценко, 1992б, 196). Это единственный правитель, знаки которого (и его близких родственников) широко представлены на зеркальцах-подвесках сарматского типа в различных частях степной Сарматии (Пантикапей, Старые Куконешты, Румыния и еще какой-то пункт в южнорусских степях: Драчук, 1975, табл. XIV/8, № 8, 14; XVI/8, 11–14; Гросу, 1990, 18, А 6), на конской узде (утраченная серебряная пластина из погребения 1841 г. в Пантикапее: Яценко, 1994а, 188, рис. 1/3) и даже в «энциклопедиях» *вне греческих городов, на «варварских» землях* (тамга собственно Инесимея — пещера Ак-Кая I: Соломоник, 1959, № 57, поваленная надгробная стела III–I вв. до н.э. в святилище Байте III на Устюрте: Ольховский/Галкин, 1997, рис. 6/2). Знаки родственных кланов имеют в «энциклопедиях» не меньшее распространение (Драчук, 1975, табл. XIV/8,

№ 12; см. также ниже о близкой тамге рис. 6/55); известны они и на отдельных объектах II–III вв. с восточных окраин Сарматии (одна их стел в Байте на Устюрте, котел из Центрального Предкавказья), позже — на узде 2-й трети IV в. из богатой могилы в Пантикапее (коллекция Е.Запорожского 1891 г. в Эрмитаже. Яценко, 1994а, рис. 1/2; Šarov, 1994). Тамга Иненсимея *обязательно представлена также во всех крупнейших «энциклопедиях» греческих городов* — на керченской «писаной» плите (где она занимает почетное место в центре нижней части лицевой стороны — рис. 9, а), на ольвийских львах № 1 (где она изображена на правой лапе — рис. 10) и № 2 (где она представлена справа на ребрах — рис. 11). На еще одной керченской плите его знак добавлен в «энциклопедию» позже большинства других и представлен боком, рядом с «варварскими» рисунками двух лошадей (Соломоник, 1959, № 44).

Знак близкородственного клана (отличающийся «удвоенной» перемычкой) (рис. 6/55) известен на той же керченской плите № 44 рядом с тамгой собственно Иненсимея, а на двух других (там же, № 16, 45) — рядом со знаком Рискупорида III; он изображен также на льве № 2 (рис. 11) и на зеркале из Пантикапея (Драчук, 1975, табл. XVI, 13).

Считается, что *родина клана Иненсимея* пока неопределима. Между тем еще в 1981 г. была сделана находка, которая, возможно, позволяет ответить на этот вопрос. В погребении 2 кургана 1 могильника Кировский I на левобережье Нижнего Дона в относительно скромной могиле «дружинника», датируемой М.Г.Мошковой и В.Ю.Малашевым 2-й пол. II в. н.э., в нише была найдена конская упряжь, в состав которой входят две большие и две малые серебряные ажурные бляхи упряжи с тамгой клана будущего царя Иненсимея (Ильюков, 1982, альбом а, рис. 61) (рис. 26, д). Типологически сходные (хотя не плоские, а вогнутые) ажурные бляхи с тамгой известны в синхронном комплексе в кургане 2 у Котлубани (также на Нижнем Дону) (Скрипкин, 1984); манера нанесения тамги позолотой на узде (подобно «малому знаку» с этой же упряжи: см. рис. 6/36) отмечена только в комплексе 1-й пол. III в.[9] тоже именно с Нижнего Дона (Центральный VI, курган 16/8: Безуглов, 1988, рис. 3/4)[10]. Предположение, что именно *нижнедонская* группировка «поздних сарматов» рубежа II–III вв. «породила» будущего царя, не только не вызывает удивления, а, напротив, совершенно логично, так как сегодня общепризнано, что именно она была наиболее сильной и фактически определила этнографический облик «позднесарматской» культуры раннего этапа (сер. II — сер. III в.) (см., например: Безуглов, 1997, 137–138).

[9] Все датировки комплексов, связанные с этим сюжетом, основаны на выводах доклада В.Ю.Малашева «К проблеме периодизации ременной гарнитуры древностей типа Кишлек» (скифо-сарматский отдел Института археологии РАН, 07.10.1998 г.) и его статье (Малашев, в печати).

[10] Подобные бляхи с тамгами (как и ряд других вещей) в керченской могиле 1841 г. явно включены в контекст более позднего памятника (Яценко, 1994а, 188), который В.Ю.Малашев датировал уже 2-й третью IV в. н.э.

Форма знака Иненсимея Боспорского не имеет точных аналогий в иранском мире, хотя *близкий* аналог представлен в ахеменидских печатях Малой Азии (Boardman, 1998, fig. 1, D 20) (рис. 32/120). Но прототип его тамги известен *на китайских ханьских мечах* с ромбовидным перекрестьем и выемкой у основания рукояти, с нефритовой скобой, тип которых был заимствован «сарматами» *именно во II–III вв. н.э.* Речь идет, в частности, о *нефритовой скобе* из коллекции педагогического колледжа в Шицзячжуане/Shitsyachuang в провинции Хубэй, на которой изображены в 2 ряда 8 «тамг Иненсимея»[11]. Меч той же конструкции найден на Нижнем Дону в погребении II–III вв. (Сладковка, курган 19).

Рискупорид V (241–276)? В богатой женской могиле 1837 г. в Керчи в аристократическом погребении женщины-наездницы 1-й пол. IV в. н.э. (см.: Яценко/Малашев, 2000, примеч. 5) среди прочих раритетных вещей найдена уздечка с оттисками царской тамги, близкой тамге Рискупорида III, но с дополнительной отдельной 6-лучевой звездочкой слева (Соломоник, 1959, № 89) (рис. 7/1). С другой стороны, знаки этого предполагаемого царя отсутствуют на монетах, в строительных и посвятительных надписях и т.п.

Кажется наиболее предпочтительным отнести тамгу к такому неоднозначно воспринимаемому правителю боспорского «смутного времени», как Рискупорид V, который вынужденно занял под нажимом боранов, готов и других «варваров» антиримскую позицию и предоставил им боспорский флот для грабежа пограничных римских провинций. Есть все основания отнести именно к нему слова о том, что это стало возможно, когда на Боспоре «по исчезновении царского рода во главе правления стали недостойные и презренные люди» (Zosim. Hist. nova. 1. 31) (Яценко, 1997, 157–158). Правление этого царя знаменовало многочисленные несчастья для страны, сопровождались вторжениями как кочевников-аланов, так и германцев и, видимо, внутренними смутами; сам он периодически правил с одним-двумя «соправителями» (претендентами на власть?).

Тейран? В могиле 15 1890 г. в окрестностях Херсонеса найдена бронзовая «наградная» пряжка боспорского типа с тамгой (рис. 6/54) (ОАК за 1890 г., 34–35, 130, рис. 18). Известны подобные находки и в Керчи, и у с. Дмитриевка Екатеринославской губ. Близкие по облику образцы хранятся в Берлине, Кёльне и Нью-Йорке. Та же тамга представлена в крупных «энциклопедиях» из античных городов — на ольвийском льве № 2 (рис. 11) и на стене склепа 1872 г. в Пантикапее (Соломоник, 1959, № 52 а). Знак этот чрезвычайно оригинален и не похож на тамги боспорских царей (хотя, кроме него, все бронзовые

[11] Доклад А.С.Скрипкина «Китайские влияния в материальной культуре сарматов» 27.11.1995 г. на I чтениях памяти К.Ф.Смирнова (Москва, Институт археологии РАН), рис. 1 (6). Любезно предоставлен автором. К сожалению, в рисунок, как сообщил А.С.Скрипкин, вкрались мелкие неточности, поэтому здесь он не приводится.

«наградные» пряжки с ажурными тамгами 2-го периода определенно можно считать именно «царскими»). В результате В.С.Драчук не решился считать его знаком одного из боспорских правителей и отнес к неизвестным *царям сармато-аланов* (Драчук, 1975, 58). Между тем нет никаких оснований делать для пряжек с такой тамгой *исключение*. Естественно, возникает вопрос: кому из царей могла принадлежать эта тамга? Прежде всего, в силу сказанного выше, вряд ли она относится к правителю до Инесимея, хотя пряжки с такой тамгой типологически близки образцам *2-го периода*. Можно предполагать принадлежность этого знака *Тейрану* (единолично управлявшему Боспором в 277–278 гг., а до того короткое время — совместно с Рискупоридом V и Савроматом IV). В правление этого царя на Боспоре наступила эпоха известной стабилизации, сопровождавшаяся расширением внешних связей.

Тамга клана, родственного нашему, известна лишь на ольвийском льве № 1 (Драчук, 1975, табл. XLVI, № 73). Собственно, знак «Тейрана» сохранился и у средневековых аланов Предкавказья (граффити у склепа в могильнике Крейда: Минаева, 1971, рис. 22).

Знаки царей *3-го периода* встречены крайне редко (прежде всего на монетах и узде), что отчасти следует объяснять констатируемым исследователями «экономическим упадком Боспора» и сокращением его территории. Можно предполагать, что в этот период совершается гораздо меньше обрядов, приводивших к формированию «энциклопедий» (см. выше), а производство в греческих городах зеркал-подвесок сарматского типа с тамгами исчезает (они встречаются со 2-й пол. III в. н.э. только у «европейских аланов» в Буджакской степи у устья Днестра — на территории, контролируемой готами «черняховской культуры»). Нет никаких оснований предполагать, что цари этого периода имели *семейные* знаки (т.е. их тамги, возможно, были клановыми).

Фофорс (286–308). Его собственный знак (рис. 7/2) (изображенный на монетах в двух симметричных вариантах: см. выше) не представлен ни в «энциклопедиях», ни на отдельных вещах. Однако тамги двух родственных кланов (рис. 7/12, 18) известны на льве № 1 из Ольвии (№ 18) и на плите из Керчи (Драчук, 1975, табл. XIV, 9, № 5). Первый из них (отличающийся от Фофорсовой тамги отсутствием кружка в центре) не имеет аналогов в Сарматии, но идентичен тамге *индо-скифского царя Зейониса*, правившего в Гандхаре (ок. 20–55 гг. н.э.) (см. выше одну из тамг Бельбека IV, идентичную сложному знаку индо-скифского правителя Гондофара, и сведения о культурных связях Сарматии и Гандхары в I в. н.э.: Treister/Yatsenko, 1998, 75–76). Он также идентичен одной из букв алфавита пехлеви и, естественно, встречался в персидских надписях на самой границе Сарматии (например, в Дербенте: Гаджиев, 1998, табл. XXXV, а). В раннесасанидском Иране III–V вв. известна целая серия знаков, типологически *наиболее сходных* с тремя названными. Они принадлежат как светским чиновникам, например главному

судье страны Хумаварзу, так и зороастрийским магам, в частности некоему Ездигерду (Луконин, 1961, рис. на с. 53). Подобное родство не вызывает у нас удивления. Выше говорилось о письменных свидетельствах матримониальных связей сарматской аристократии с правящим домом парфянских Аршакидов. Между тем наиболее сильной аланской группировкой во 2-й пол. III в. (из которой прежде всего мог попасть Фофорс на ослабленный и оскудевший боспорский трон) была *находившаяся в Центральном Предкавказье «Алания»* персидских источников рубежа 70–80-х годов, которая с 239–240 гг., видимо, оказывала и серьезное военное давление на Боспор, контролируя большую часть Северного Кавказа. Примерно с середины III в. она непосредственно граничила с владениями Ирана, имея весьма непростые отношения с ним и его вассалами (Яценко, 1997, 156–160). Как раз в период правления Фофорса на Боспоре, к 293 г. (там же, примеч. 9) один из сопрателей (?) этой страны, судя по данным «Картлис цховреба», имел персидское имя Пероз (Ферош). Первые Сасаниды поддерживали политические связи даже с отдаленными причерноморскими объединениями. Так, в 260 г., после пленения императора Валериана, Шапур I из всех европейских народов официально известил об этом только «тавро-скифов» (вероятно, новую ираноязычную группировку в Крыму) (SHA. Duo Avrel. 7; Яценко, 1997, 155).

Радамсад (308–322). Знак этого правителя на монетах представляет наклоненную вправо короткую прямую линию (рис. 7/3; Драчук. 1975, табл. III, 3). Такой знак на первый взгляд *трудно считать тамгой* и еще труднее определенно выявить среди случайных или плохо сохранившихся насечек на плитах-«энциклопедиях». Может показаться также, что он *слишком прост по форме и в силу этого может встречаться практически повсеместно*. Однако, обратившись к материалам разных частей иранского мира, мы столкнемся с несколько неожиданной картиной. Подобный наклоненный вправо знак достоверно встречен в античности лишь в редких случаях в более восточных районах (см. ниже): в Средней Азии (в Бактрии — на колонне из Тахти-Сангина и на кирпичах некоторых памятников Хорезма — Копрак-кала, Елхарас и Капарас) и на юге российского Алтая (деревянные детали узды из пазырыкских курганов Туэкта № 1, Башадар № 2; «энциклопедия» Калгутинский рудник сарматской эпохи). В Сарматии среди многочисленных скоплений он известен *лишь в четырех* из них — на керченской «писаной» плите (Драчук, 1975, табл. XXXV, квадраты 19, 31; XXXVI, квадрат 51), на ольвийском льве № 1 (там же, табл. XLIV, квадраты 55–62), в скоплении на керченской бывшей стеле в честь фиасота Сосия (первоначальная надпись относится к рубежу I–II вв.: Соломоник, 1959, 46) и на одной из танаисских плит с тремя знаками (Соломонік, 1962, рис. 10, левый) (рис. 20/1). Во всех случаях тамга тщательно прорисована. Кажется несомненным, что это и есть знаки клана Радамсада.

Рискупорид VI (314–342). Часть времени был соправителем Радамсада. По-видимому, клан Рискупорида VI использовал, как и Савро-

мат II, два знака — большой и малый, что встречается в иранском мире (см. выше). Большой знак представлен на монете 319 г. (рис. 7/4) (Jänichen, 1956, Taf. 22). Его более раннее изображение известно на надгробной сарматской стеле II–III вв. из Юго-Западного Крыма (Рамазан-Сала: Чореф, 1975, рис. 1–2), откуда, вероятно, и происходил его клан (Яценко, 1997, 159). Близкий знак родственного клана (рис. 7/6) изображен на плите с одной из позднейших пантикапейских надписей (Соломоник, 1959, № 37); сохранился он и у средневековых аланов Верхнего Дона (керамика Дмитриевского могильника: Флеров, 1979, рис. на с. 98–99). Малый знак клана этого царя (рис. 7/5) встречен на керченской «писаной» плите (рис. 9, а) и — в единственном числе — на плите из Танаиса в Новочеркасске (Соломоник, 1962, рис. 8).

Анонимный правитель сер. IV в. На золоченом, украшенном самоцветами наконечнике копья из аристократической могилы 1841 г. в Керчи, датируемой В.Ю.Малашевым 2-й третью IV в. (Шаров, 1998, рис. 1), представлен оригинальный знак, который можно считать царским (рис. 7/10). Его зеркальное отражение с дополнительным закруглением внизу бытовало в степном Крыму еще с I–II вв. (рис. 5/5) и известно на львве № 2 из Ольвии (Драчук, 1975, табл. V, № 281). К сожалению, имена правителей, следовавших непосредственно за Рискупоридом VI, из-за прекращения монетной чеканки пока неизвестны.

Знаки позднейших боспорских правителей эпохи гуннского владычества в регионе (конец IV — сер. VI в. н.э.) нам, к сожалению, неизвестны, как практически неизвестно пока и тамгопользование на Боспоре в это время.

РАЗДЕЛ 5

СКОПЛЕНИЯ («ЭНЦИКЛОПЕДИИ») И ИЗОБРАЖЕНИЯ С ПАРАМИ ТАМГ В САРМАТИИ

«Энциклопедиями» (этот не вполне удачный термин стал впервые широко использоваться в работах В.С.Драчука) мы называем *скопление* (более подходящее в данное случае слово) *на одном объекте не менее трех тамг*, нанесенных одновременно или в разное время, обычно, вероятно, с одной конкретной целью. Такие скопления не следует путать со случаями, когда на один портативный предмет наносился либо *горизонтальный ряд из однотипных тамг*[1], либо *четыре одинаковые тамги, расходящиеся симметрично от общего (верхнего в обычной ситуации) элемента — небольшого круга* (на круглых предметах — зеркалах, деталях узды или подвесках от ножен меча, т.е. шестой способ образования новых типов сарматских тамг[2]). В крупнейших в Сарматии (по размерам, количеству) скоплениях тамг, известных на отдельных объектах из Пантикапея и Ольвии, встречается максимально до 150–480 знаков.

По количеству известных «энциклопедий» на первом месте стоят боспорские города Танаис (25 единиц)[3] (см. рис. 20–23) и Пантикапей

[1] На золотых вещах — атрибутах высокого ранга сер. I — нач. II в. из бассейна Нижнего Дона (кинжал из кургана в Дачах — рис. 5/36; предмет узды с Волги-Чограя XXXVII — рис. 5/37а), со Средней Кубани (ажурный браслет в покупке 1904 г. из Армавира в Эрмитаже — рис 14, i) и из степного Крыма (коробочка-пиксида из кургана Ногайчин: рис. 5/14). Они изображены также на бронзовых псалиях из могилы 2-й пол. II в. н.э. под Пловдивом (Болгария) (Ботушаров, 1950, 114–116; рис. 28).

[2] Медальон от ножен 2-й пол. I в. н.э. из Рошава-Драганы (рис. 5/107) и такой же синхронный медальон, ставший, видимо, амулетом в женской могиле 149 в Бельбеке IV (рис. 5/12); зеркало из кургана 6 у Шевченко (рис. 6/121) и детали парадной узды бассейна Нижнего Дона различных периодов (Красноармейский — рис. 5/27; Котлубань — рис. 6/33). Самый ранний предмет такого рода — ажурная бронзовая пластина рубежа н.э. из воинской могилы 3 у Бойко-Понуры в низовьях Кубани (Raev/Simonenko/Treister, 1991, fig. 11/4).

[3] В.С.Драчук считал, что абсолютно неясно, *из какого именно* античного припонтийского города происходят плиты, хранящиеся ныне в новочеркасском Музее истории донского казачества. К сожалению, ему осталось неизвестным, что создатель этого музея — крупнейший донской краевед Х.И.Попов комплектовал коллекции *по*

(13), заметно превосходя в этом и Ольвию и поселения ее округи (7), и Неаполь Скифский (3 единицы). Это неудивительно, так как *Страбон* к началу I в. н.э. (т.е. в самом начале формирования здешних «энциклопедий») *назвал Танаис «самым большим после Пантикапея торговым пунктом варваров»* (Strabo. Geogr. 7. 4. 5). **Именно в этих двух городах в наибольшей мере были сосредоточены экономические и политические интересы сармато-аланской знати**. Показательно отсутствие крупных скоплений в городах азиатской стороны Боспора (прежде всего в его «второй столице» — Фанагории), не говоря уже о таких крайне слабо «сарматизованных» городах северо-западного побережья Понта, как Херсонес или Тира.

При этом *в каждом* из названных городов размещение «энциклопедий» или их структура *имеют ярко выраженные особенности*. Так, в Пантикапее для них подчас выбраны весьма оригинальные места — только что сооруженные могильные склепы[4] (Пантикапей, склеп 1872 г.: Ростовцев, 1913, табл. LXXXIII; Соломоник, 1959, № 52), некоторые старые греческие надгробия[5]. Подобная традиция характерна позже и для «энциклопедий» тюркоязычных этносов. Таков покрытый тамгами средневековых туркмен мавзолей Тауруз-Султан (Дементьев и др., 1955, рис. 7). В Танаисе и в Калос Лимене (Северо-Западный Крым), напротив, речь идет, похоже, исключительно о строительных плитах, связанных с районом главных городских ворот (см. ниже). Этот обычай тоже известен позже у тюркоязычных этносов Западного Туркестана (ср., например, изображения тамг рядами, сочетающиеся с датированными арабскими надписями на стене входного коридора караван-сарая XI–XV вв. Талайхан-ата на Узбое: Толстов, 1958, 235, рис. 111). Для «энциклопедий» Ольвии и окрестных поселений (за исключением больших мраморных львов) свойственно нанесение знаков *в один ряд, часто — через равные промежутки* (каменные плиты: Соломоник, 1959, № 59–61; арфа из сарматской могилы 1918 г. в Козырке: Симоненко, 1999б, рис. 6; костяная пластина с Березани: Яйленко, 1987, рис. 6).

Вне античных и «позднескифских» городов, в степных «варварских» районах размещение «энциклопедий» I — сер. III в. имеет заметные особенности. В Западном Приазовье они наносились *в пещерах* (Аккая I и II: Соломоник, 1959, № 57–58) *и гротах* (Каменная Могила, грот 37: Михайлов, 1994, 244–245); на правобережье Днепра — на особые *каменные стелы*, видимо маркирующие границы угодий какого-то кочевого племени (Кривой Рог[6], Заздрость: Соломоник, 1959, № 23, 43); на крайнем востоке Азиатской Сарматии — в северо-западной части плато Устюрт — на поваленные сарматами каменные статуи из святилищ более древних кочевников (Ольховский/Галкин, 1997, 151–152, рис. 6, 2) и стены древних номинальных храмов (Байте III) (Ольховский/Яценко, 2000, 295–315); на северной окраине сарматского мира — в верховьях Дона, где сарматы в I — сер. II в. проживали смешанно с земледельцами лесостепной зоны, встречены *оригинальные «мини-энциклопедии» знаков* — на глиняной табличке с Сырского городища (г. Липецк)[7] и на подвеске к ножнам меча из гагата (Чертовицкий I, курган 6/11: Медведев, 1990, рис. 12/2) (рис. 24/III–IV); в горных районах Предкавказья они изображались *на скалах* (скала Уйташ под Дербентом: Марковин, 1970, 95–98) (эта традиция нанесения знаков сохранилась здесь до XX в.). Наконец, в I — сер. II в. н.э. в отдельных женских могилах из некрополей, включающих сарматские элементы и расположенных на окраинах греческих государств (Херсонес, Азиатский Боспор), известны *небольшие зеркала, на которых по краю изображены скопления из 5–6 разнотипных тамг (причем один из типов изображен дважды)* (Бельбек IV, могила 101; Кобяково, могила 6 1956 г.: Косянено, 1994, рис. 23, 3) (рис. 24/II, d, e).

В целом, анализируя особенности внешнего облика и размещения «энциклопедий» *каждого региона*, можно прийти к выводу, что они объясняются не только местными *природными условиями*, но и культурной спецификой того или иного сармато-аланского племени, проживавшего в данной местности.

Часто *крупные* (по количеству знаков, а не по размерам!) скопления в степях сопровождались **сюжетными изображениями**. В Пантикапее, вероятно, не случайно два крупных скопления, помещенных внизу надгробных стел, связаны с *изображением сидящей на троне женщины*; самое известное из них помещено на надгробии Ареты, жены Атения (Kieseritzky/Watzinger, 1909, Taf. XVI, № 232; Jänichen, 1956, Taf. 6). Из греческих городов дополнительные «*варварские*» сюжеты известны почти исключительно на каменных плитах из столицы Боспора — Пантикапея (Яценко, 1992б, 195–196). Здесь на плитах-«энциклопедиях» *сюжеты* рисунков достаточно *разнообразны*: 2 **лошади** параллельно по краям плиты (Соломоник, 1959, № 44), копытное (лошадь?) и хищ-

---

принципу их нахождения на территории Области Войска Донского (где из античных центров находился лишь один Танаис).

[4] Мраморные скульптуры двух львов, найденные в каком-то кургане у Ольвии в нач. XIX в. (Брун, 1863, 993; Драчук, 1975, табл. XLI–XLVIII), в этот список не могут быть включены, так как самые поздние «царские» знаки на них относятся к 1-й пол. IV в. (см. ниже: тамги Радамсада и Рискупорида VI на льве № 1 — рис. 10), и, вероятно, львы попали в курган *уже в аннское время или в раннем средневековье*.

[5] На одном из таких надгробий (Kieseritzky/Watzinger, 1909, № 232) тамги сопровождают ритуальную сцену: сидящая на троне богиня и приближающийся к ней всадник. Этот сюжет связан с сарматской мифологией и находит прямые параллели в языческих представлениях осетин о путешествии в мир умерших (Яценко, 1995, 188–193).

[6] Следует учесть, что, исходя из весьма неточных координат Птолемея (Ptol. Geogr. 3. 5. 15), где-то в районе современного Кривого Рога располагался варварский город Леин (который находился вне зоны проживания «поздних скифов» и мог быть только сарматским).

[7] Сырское городище, 1993 г., раскоп 1, постройка 2 (Бирюков, 1998, рис. 1/9).

ник в центре плиты (там же, № 45; ср. тот же сюжет на стенке амфоры I в. н.э. из поселения Волна-1 на Тамани: Таманская старина, 1998, обложка), в склепе 1872 г. — два козла и преследующие их (?) три собаки (Соломоник, 1959, № 52 а). В двух первых случаях (на вторично использованных надгробиях) тамги частично *перекрывают* подобные рисунки. На Правобережной Украине и в Крыму встречена (и неоднократно) только **фигура оседланной лошади** (костяная пластина из Березани: Яйленко, 1987, 153, рис. 6; плита из Неаполя Скифского: Зайцев/Пуздировский, 1994, рис. 3)[8] **или ее голова** (Кривой Рог: рис. 12), а в Северном Приазовье — **человеческие стопы** (рис. 13/III). В склепе 1 Неаполя Скифского «рамка» из 5 тамг (см. ниже) вписана в композицию с **богиней, «слугой» и двумя крылатыми конями по сторонам** (Шульц, 1957, рис. 15, а). В этих, как и в ряде других, случаях скопления тамг явно представляют собой следы каких-то *общественных религиозных ритуалов*. (Последние пока нет оснований сводить только к *магии*, как это принято думать.)

На большинстве «энциклопедий» в греческих городах и сарматских святилищах Ак-Кая 1, II (Соломоник, 1959, № 45, 46, 48, 52, 57, 58, 60; Раев, 1979б, табл. 23/24, 24/1) и Каменная Могила (Михайлов, 1994, 245) изображены от 5–10 до 15–19 типов знаков. При этом некоторые знаки встречены два-три раза и выполнены *разными почерками*; в таких случаях они чаще изображены на одном горизонтальном уровне (от поверхности плиты) или рядом. Тамги сильно отличаются как по размерам, так и по качеству исполнения. То же можно сказать и о крупных «энциклопедиях» в районах проживания средневековых аланов VIII–IX.вв. (Маяцкая крепость на Верхнем Дону, крепость Хумара на Северном Кавказе). В больших «энциклопедиях» римского времени (плита из Керчи с 480 знаками; мраморные львы № 1, 2 из Ольвии — около 150 и 120 знаков) первоначальные тамги, видимо, часто были крупными и свободно разбросаны по площади, не перекрывая друг друга (особенно это касается плиты из Керчи) (Драчук, 1975, табл. XXXV–XXXVI, XLIV, L). Вероятно, такие каменные плиты много раз покрывали слоем естественной краски и затем наносили поверх нее новые знаки (там же, 105)[9]. Действительно, в средневековой алано-хазарской крепости Хумара тамги несколько раз наносили охрой после новой побелки (Биджиев, 1983, 84; 1993, 165, рис. 37). Прямоугольная плита из

[8] В последнем случае авторы пытались доказать, что сохранившаяся фрагментарно огромная фигура лошади, занимающая весь центр рисунка, первоначально изображена была *в броне* и соответственно подразумевала наличие *всадника* (Зайцев/Пуздровский, 1994, 255). На деле же такой сетчатый орнамент покрывает и синхронную одиночную фигуру лошади *без всадника* с той же территории ольвийской хоры (пластинка с Березани) (см. ниже).

[9] Это же относилось в древности и к некоторым надписям. Один из самых известных примеров — легенда о том, что текст будущего Пятикнижия Моисеева был написан первоначально на камнях, покрытых известью (Второзаконие, 27: 2–5; Кн. Иисуса Навина, 8: 31–32).

Керчи размерами 160×90×20 см была, вероятно, вделана на небольшой высоте в стену какого-то общественного здания (тыльная сторона не имеет изображений). 16 плит-«энциклопедий» были найдены в Танаисе в 1993 г.[10] у главных (южных) городских ворот, оформленных колоннами и трехступенчатой лестницей; к ним с юга (со стороны порта) прилегала мощеная рыночная площадь[11] (Арсеньева/Казакова/Науменко, 1997, 41–42). В Хумаре тамги наносились на ворота и лестницу в крепостной стене, на башню и на стены святилища (о других местах размещения «энциклопедий» — пещерах, могильных склепах и старых надгробиях — и о сопровождающих изображениях животных говорилось выше). На стеле из Кривого Рога около половины всех знаков наклонено влево, словно наносившие их люди подходили к стеле обычно лишь с одной (правой) стороны (Соломоник, 1959, № 43); на торце «писаной плиты» «царские» знаки также нанесены *справа*, а на обоих львах — на их *правом* боку (см. ниже).

Для *датировки* крупнейших «энциклопедий» принципиально важны *знаки боспорских и сарматских царей* (см. выше раздел 4). В двух случаях в нижней части изображений помещена древнейшая тамга царицы Динамии (с 8 г. до н.э.) — рис. 4/16 (плита из Керчи, лев № 2 из Ольвии). На плите из Керчи в правом углу (близко к знаку Динамии) помещена тамга близких родственников ее соправителя и преемника Аспурга (14–37 гг. н.э.) — рис. 4/18. На льве № 1 изображены рядом два знака царя Фарзоя (49–70 гг. н.э.) — рис. 5/85. На плите из Танаиса в Музее донского казачества (г. Новочеркасск) в верхнем левом углу плиты помещен вариант знака боспорского царя Савромата II (174–210) — рис. 6/50 (ср.: Раев, 1979б, табл. 24, 1) (рис. 23, а). Во всех основных «энциклопедиях» (плита из Керчи, львы № 1, 2, пещера Ак-Кая I) представлена тамга клана боспорской царя Иненсимея (Inenphimeius, 234–239) — рис. 6/34 либо тамга его ближайших родственников (рис. 12 — Кривой Рог). Из самых поздних правителей Боспора 1-й пол. — сер. IV в. в крупных «энциклопедиях» представлены тамги Радамсада (308–322) (рис. 7/3), Рискупорида VI (314–342) (рис. 7/5) (оба знака — на керченской «писаной плите» и на льве № 1). Таким образом, существование «энциклопедий» совпадает по времени с кон-

[10] К сожалению, эта крупнейшая в Сарматии коллекция до сих пор недоступна для исследования, за исключением одного фрагмента мраморной плиты, опубликованного Б.Бёттгером (Böttger, 1996, fig. 11), и двух небольших фрагментов, переданных в отдел фондов музея-заповедника «Танаис» (полевые номера Т-93-XIX, кв. 3, № 2273 и Т-94-XIX, вост. стена, № 838).

[11] Точное размещение плит в системе главных ворот неизвестно, так как после разрушения их в сер. III в. н.э. обитатели позднего Танаиса IV–V вв. разобрали эти плиты из завалов старых построек для строительства. Они попали в кладки новых домов следующего строительного периода (сер. IV–V в.), к счастью расположенных *неподалеку*, и найдены разрозненно, обычно в разбитом состоянии. Почти все плиты такого рода сделаны из местного известняка (любезное сообщение Т.М.Арсеньевой, декабрь 1998 г.; см. также: Бёттгер/Виноградов, 1994, 66).

тролируемой римлянами *сарматизацией* Боспора и Ольвии. Царские знаки до середины III в. изображались в наиболее удобных для обозрения местах: на плите из Керчи — *по верхнему и нижнему краям* (вероятно, на уровне груди и глаз писавших) и на правом торце (рис. 9), а на обоих львах — вдоль их *правого бока* (рис. 10–11).

Не менее важно для датирования каждой «энциклопедии» в целом учесть наличие в ней знаков аристократии кочевников, которые хорошо датируются находками в курганах. Результаты такого анализа вполне обнадеживающие (хотя до половины знаков в каждой из крупнейших «энциклопедий» уникально либо встречено только *на других «энциклопедиях»* и, к сожалению, пока не может *надежно датироваться*).

«Писаная» плита из Керчи (ее часто именуют просто «Керченской плитой»). Случайно обнаружена при ремонте мостовой в 1870 г. Некоторые ее особенности описывались выше. Определимые знаки на плите находят аналогии в разных районах европейской Степи (не исключая самых восточных — бассейна Волги и даже Мангышлака). Ранние тамги (II в. до н.э. — рубеж н.э.) кланов с Нижнего Дона, Северного Приазовья и Азиатского Боспора сконцентрированы на правой стороне плиты и в нижней части обоих торцов, а позднесарматские (сер. II — нач. IV в. н.э.) — ближе к ее краям (рис. 9). Большинство знаков относится к периоду расцвета сарматского мира (сер. I — сер. II в. н.э.). Больше всего здесь (иногда по 2–3 экземпляра) *тамг с Нижнего Дона* (рис. 4/6,8; 5/36–37а; 41; 44; 6/30; 7/26; 14, j, левая)[12], из Правобережной Украины (рис. 5/80–81, 83–84, 90), Крыма (рис. 5/12, 14, 23; 6/4) и Северного Приазовья (рис. 4/21; 5/60, 64–65, 70), единичны тамги кубанского происхождения (рис. 5/51; 55). Гораздо более интересно наличие по одной тамге восточных областей Сарматии сер. II — сер. III в. — с Поволжья (рис. 6/96) и даже с Устюрта (рис. 6/90). Здесь представлены также тамги многочисленных боспорских царей с рубежа н.э. (Динамия) до сер. IV в. (Радамсад и Рискупорид VI). Несомненно, «писаная плита» веками оставалась местом «увековечивания» каких-то важных для жителей и гостей боспорской столицы событий.

Мраморные львы (№ 1 и 2) из Ольвии содержат знаки от Динамии (№ 2) и Фарзоя (№ 1) до Инесимея (*оба* льва) и Радамсада (№ 1) и определимые знаки сармато-аланской аристократии II–I вв. до н.э. — сер. IV в. н.э. Поэтому мнение И.И.Мещанинова о том, что это отметки членов родственных кланов, присутствовавших при захоронении определенного лица (Мещанинов, 1933, 29), не может быть принято. Львы были найдены в начале XIX в. в одном из *курганов* под Ольвией и, видимо, попали в него уже *в раннем средневековье* (см. примеч. 4). Нанесение знаков и надписей на мраморных львов — не редкость и в раннем средневековье. Такой лев, стоявший в византийское время в древней афинской гавани Пирей, позже оказался покрытым граффити

[12] Тамги Нижнего Дона *рубежа н.э.* изображены в верхней части плиты, а знаки *сер. I — сер. II в. н.э.* — в левой ее части.

норманнских наемников (в 1687 г. в качестве трофея был перевезен в Венецию) (Викинги, 1996, рис. на с. 74). Интересно, что именно для Ольвии есть известие Геродота о том, что отошедший от родных обычаев скифский царь Скил имел здесь дворец дом, украшенный *парными мраморными фигурами хищников* (Herod. Hist. 4. 79)[13].

Мраморный лев № 1 из Ольвии (рис. 10). Он содержит в основном тамги самых различных регионов, но резко *преобладают определимые знаки Нижнего Дона*, причем еще с 1-й пол. I в. н.э. (рис. 4/7, 9, 13–14; 5/44; 6/37, 39; 14, j, левый), в меньшей степени — *северного побережья Азовского моря* (рис. 5/62, 64), датируемые с рубежа н.э. по 1-ю пол. III в. н.э., а также две тамги неизвестного боспорского аристократического клана II в. н.э., чей знак изображался рядом с тамгой Тиберия Эвпатора (см. выше) (рис. 5/68) (Шкорпил, 1910; Соломоник, 1959, № 4, левый, фрагментарная сохранность). Поздние знаки здесь часто изображены в наименее удобном месте — в центре слины.

Мраморный лев № 2 из Ольвии (рис. 11). На нем встречены определимые знаки сарматских аристократов с Украины (рис. 5/62, 64, 84, 107), из Крыма (рис. 5/5, 10–11, 16) сер. I — сер. II в. н.э. и с Нижнего Дона сер. I — рубежа III–IV вв. н.э. (рис. 6/31; 7/26; 14, j, левый). Здесь встречено больше, чем на льве № 1, тамг, *повторенных* в разных местах дважды и даже трижды.

Входной коридор склепа 1872 г. в Керчи. Склеп с чрезвычайно интересными росписями открыт в июле 1872 г. художником Гроссом, и знаки на его стенах были вскоре опубликованы (Бурчаков, 1875, табл. XIV); остальные росписи были точно зарисованы М.В. Формаковским лишь в 1909 г. Основное погребение находилось, видимо, на лежанке особой конструкции у стены напротив входа (Ростовцев, 1914, 297). Несомненно, похороненный здесь мужчина играл важнейшую роль в тогдашней политической жизни Боспора. Стены этой лежанки покрыты уникальными росписями на батальные темы, где в двух сценах, видимо, изображен сам героизированный умерший в виде воина-катафрактария, в кольчуге, шлеме из металлических полос, в красном плаще и с длинным копьем в руках. Он поражает врага — конного или пешего кочевника (которые, в отличие от всех боспорских воинов, изображены простоволосыми, без шлемов и с ромбовидными, а не овальными щитами). Склеп, вероятно, использовался не один раз (там же, примеч. 1 на с. 296). Два более поздних (?) захоронения знатных лиц совершены в каменных ложах-саркофагах у боковых стен. К сожалению, склеп был ограблен уже вскоре после первого захоронения.

Знаки нанесены на стены узкого (0,8–1,0 м) и короткого (1 м) входного коридора (он, видимо, был отделен от помещения склепа занавесом, державшимся на вбитых гвоздях). Этот коридор вопреки обычно-

[13] Мраморные львы помещались в курганы знати римского времени и в Пантикапее. Так было, например, при входе в склеп кургана, раскопанного в 1894–1895 гг. (Ростовцев, 1914, 255).

му оформлению таких склепов был покрыт наряду с основным помещением толстым слоем грубой штукатурки (с изображениями цветочных гирлянд). Однако еще перед нанесением штукатурки на стенах были прочерчены тамги и изображения животных (там же, табл. LXXXIII, 1–2). Справа от входа компактно прочерчены плохо сохранившиеся по краям изображения двух животных (?) и четыре определимые тамги (там же, 1; Соломоник, 1959, № 52, верхний). Один знак принадлежит загадочному сорвателю Эвпатора (154–170), но, естественно, мог использоваться и чуть раньше. Два других представляют нижнедонские кланы сер. I — сер. II в. (рис. 5/47 и 44 — зеркально отраженный). Четвертый знак пока уникален (напоминает рис. 6/85а, но с закругленным выступом). Эта тамга, как и знак сорвателя Эвпатора, судя по имеющейся прорисовке (Ростовцев, 1913, табл. LXXXIII, 1), были подрисованы затем (поновлены) поверх уже нанесенной штукатурки.

На левой стене прохода была, видимо, первоначально изображена охота двух собак на трех-четырех козлов (фигуры движутся вправо). Позже эта сцена была дополнена изображениями 11 тамг (центральный знак перекрывает фигурку собаки), причем один из типов представлен здесь рядом *дважды*. Среди определимых знаков встречены тамга Рискупорида III (210–222) и предполагаемая — Тейрана (275–278) (рис. 6/52, 54). Еще одна тамга встречена на стене здания А в Неаполе Скифском сер. II — нач. III в. (рис. 6/7). Остальные 8 знаков не имеют точных аналогий. Предполагаемая тамга Рискупорида III частично перекрыта штукатуркой. Это означает, что штукатурка во входном коридоре наносилась неоднократно.

Сказанное заставляет предположить, что склеп действительно использовался как минимум трижды — незадолго до сер. II в. и в III в. В справедливости датировки росписей М.И.Ростовцевым по их стилю не позже сер. II в. н.э. (Ростовцев, 1914, 345) убеждают и бытовые реалии — облик изображенных «сарматских» противников знатного покойного (короткий меч у пешего воина; обязательные невысокие полусапожки, сменившиеся после сер. II в. н.э. у мужчин высокими сапогами, и др.). Что же касается изображенных здесь серьезных военных столкновений, то они, несомненно, отражают кровавый период миграций на запад из Южного Приуралья, через Волго-Донское междуречье незадолго до сер. II в. н.э. новых племен. Эти события обычно сухо отмечаются сарматологами как «процесс достаточно быстрого распространения в Степях позднесарматской археологической культуры». Наличие здесь царских тамг может означать присутствие на похоронах каждый раз членов царской семьи.

Стела из Кривого Рога (рис.12). Этот памятник, как уже отмечалось, является самой ранней «энциклопедией» вне греческих городов. Стела содержит в основном знаки кланов сер. I — нач. II в. н.э. Более ранние тамги Кубани (Хатожукаевский) и Нижнего Дона (Жутово, курган 8/1) изображены в центре плиты над схематичной мордой животного

(лошади?) (рис. 4/1, 9). Возможно, самый поздний знак (клан, родственный Инесимею Боспорскому?) выбит на самой морде. Тамги знати различных регионов часто изображены по два-три раза, причем чаще всего встречаются знаки *местных* кланов (рис. 5: Правобережная Украина — № 81, 84, 90, 100; Крым — № 11, 14; Северное Приазовье — № 62; кубанское «Золотое кладбище» — № 55). Здесь «отметились» влиятельные кланы, чьи тамги известны на изделиях из драгоценных металлов (сосуд из Жутово, пиксида из Ногайчина). Интересно *полное отсутствие нижнедонских знаков* сер. I — сер. II в. — основного периода функционирования памятника (что необычно для крупных «энциклопедий» Сарматии).

Пещера Ак-Кая 1 в восточнокрымских предгорьях (рис. 13/I). Здесь скопления содержат знаки I–II вв. н.э. из Крыма (рис. 5/16, 23), Центральной Украины (рис. 5/100) и Нижнего Дона (рис. 5/40), а также знак боспорского царя Инесимея (234–239), размещенные в один горизонтальный ряд (что диктуется формой потолка пещеры в ее устье). Чем объяснить наличие в столь необычном месте (в пещере, в достаточно удаленном от тогдашних населенных пунктов районе Крыма) тамги боспорского царя — единственной на «внегородских» «энциклопедиях»? Ответить на этот вопрос нетрудно. Пещера находится в весьма примечательном месте — под необычайно высоким обрывом одиноко стоящей в предгорных степях горы Ак-Кая. Скала эта тысячелетиями имела особое значение в жизни населения Крыма, являясь, вероятно, с эпохи бронзы почитаемым святилищем, так как для жилья она неудобна. Судя по находкам керамики, весьма посещаема она была и в римское время, находясь у древней дороги Неаполь Скифский—Пантикапей (Соломоник, 1959, с. 115, 117). В средневековье татары сбрасывали с нее преступников, а в 1783 г., как дань древней традиции, именно в этом столь экзотическом месте князь Г.А.Потемкин принял от татарских феодалов клятву верности Российской империи.

Пещера Ак-Кая 2 (рис. 13, II). Расположена на более полого юго-восточном склоне одноименной горы, у подъема на нее. Иногда используется и сегодня пастухами. Здесь определимые тамги по одной представляют Крым (рис. 5/10) и Правобережную Украину (рис. 5/81) сер. I — сер. II в. и более поздний клан с Нижнего Дона (рис. 6/27). Знаки нанесены двумя линиями, причем две одинаковые тамги местного происхождения размещены рядом.

Каменная Могила, грот 37. Этот уникальный памятник природы — высокий и большой по площади холм из каменных плит с десятками природных гротов среди ровной степи — стал святилищем еще в конце палеолита. В 1954 г. М.Я.Рудинским здесь в одном из гротов были обнаружены артефакты сарматского времени (Михайлов, 1979, 18). В 1993 г. в гроте 37 были выявлены сарматские знаки. Тамги представлены на четырех участках; самый широкий из них сопровождается изображением пары босых ступней (рис. 13/III, а). Большинство определимых знаков относится к сер. I — сер. II в. и представляет Нижний

Дон (рис. 5/47 — изображены трижды, рядом), Крым (рис. 5/16 — изображены дважды) и Правобережную Украину (рис. 5/81). Один из них, вероятно более поздний, II–III вв. (рис. 6/120), так как идентичная тамга изображена на бронзовой подвеске из женских украшений Мощинского клада в Лесостепи (юг Калужской обл.), датируемого А.М.Обломским III в. н.э. (Никольская, 1959, рис. 20/7), и, видимо, принадлежит знатной сарматке, выданной замуж в эти края.

Святилища в Байте III (Северо-Западный Устюрт). Ранее публиковались два скопления на каменных *антропоморфных изваяниях*, которые стояли в комплексах поминальных святилищ, датируемых ныне III–I вв. до н.э., и были повалены затем «сарматами» (см. выше — аналогичный обычай осетин). На груди поверженных изваяний были нанесены по три знака (Яценко, 1992б, 197, рис. 1, 3–5; Ольховский/Галкин, 1997, рис. 6) («изваяния 1 и 2»; рис. 16/II и 17, II, в).

В 1997–1998 гг. Устюртским отрядом Западно-Казахстанской археологической экспедиции под руководством В.С.Ольховского в Байте III исследовались остатки двухъярусного *каменного храма* III–I вв. до н.э. Тамги были нанесены на каменных плитах в центральной части храма, на трех разных участках. В специальной статье нами уже подробно рассматривались знаки на плите 1997 г. из грабительского перекопа, а также те знаки на стенах, которые имеют точные аналогии в «узко» датируемых сарматских памятниках (Ольховский/Яценко, 2000, 295–315). Поэтому *здесь я ограничусь лишь кратким изложением основных ее выводов* (полная публикация тамг этого замечательного памятника совместно с В.С.Ольховским еще предстоит). Всего здесь выявлен 121 знак античного времени (116 тамг 76 различных типов и 5 сложных знаков нетамгового характера или из нескольких соединенных тамг), что равно их числу на таком всемирно известном памятнике, как ольвийский мраморный лев № 2[14]. Значение данной «энциклопедии» особенно велико, так как она находится на будущей крайней восточной границе сарматского мира, в контактной зоне с цивилизацией Хорезма и «несарматскими» кочевыми «мирами». Большинство знаков идентично **бытовавшим позже и синхронно на территории собственно Сарматии**, 28 типов — специфически местных; лишь единичные тамги достоверно хорезмийские.

Первоначально в сезон 1997 г. на территории храма в грабительском перекопе была обнаружена известняковая плита, выпавшая из его стены, по форме близкая к неправильному параллелепипеду (рис. 16/1). На ее обтесанном торце, первоначально помещенном в кладке в горизонтальном положении, размещалась цепочка тамг. Часть

[14] Тамги размещены на стенах, в основном горизонтальными рядами, до 10–12 в каждом (участок А); встречается и особая концентрация их на отдельных плитах. Крупные знаки обычно высекались внизу; часто две одинаковые тамги изображались рядом (клятва или посвящение двух людей из одного клана?). Часть тамг явно нанесена в период запустения храма, т.е. с рубежа н.э.

из них, вероятно, нанесена древними тюрками (№ 1–4) (Ольховский/Яценко, 2000, 300–301). (В.А.Лившиц допускает, что это могут быть знаки древнего сакского письма.)

Методически важен был вопрос о первоначальной ориентировке *сарматских* знаков («верх-низ») и о последовательности их нанесения; рассмотрение аналогий в Сарматии, Западном Туркестане и Иране показало, что ориентация этих тамг относительно устойчива и у разных этносов могла меняться лишь *по вертикали* («переворачиваться» по сравнению с соседями). По-видимому, группа 3 *(знаки № 8, 9, 10, 11)*, занимающая компактно центр плиты, с «естественной» ориентацией знаков, *была нанесена на камень раньше* группы 2 (знаки № 5–7), крупные тамги которой пришлось размещать «на правом боку» на оставшихся свободными противоположных концах плиты.

На стенах храма есть знаки, имеющие аналоги в Зауралье еще в сер. V в. до н.э. (стела Имангазы-Карасу II: Гуцалов/Таиров, 2000, рис. 8/8) и в раннесарматских памятниках (ср. рис. 4/21).

В I — 1-й пол. II в. (среднесарматское время) очевидно *запустение* этого района, как и Южного Приуралья. Однако именно в Байте отмечены тамги *богатейших сармато-аланских кланов*, которые в этот период утвердились гораздо западнее — на Нижнем Дону и Кубани, отчасти — на Украине. Наиболее вероятно, что перед нами следы *кратковременного пребывания носителей этих тамг в их движении дальше на запад* около рубежа н.э. Иными словами, знаки Байте III–I вв. до н. э. дают любопытные свидетельства о восточном происхождении ряда будущих знатных кланов Сарматии.

Среди аналогичных европейских *тамг I — сер. II в. н.э.* типы, представленные на рис. 17, III/1–5, характерны для Нижнего Дона, типы на рис. 17, II в/1; III/1,10 и 13 — для Прикубанья, тип 6 — для степного Крыма, 7–8 — для Левобережной Украины, 9 — для Правобережной. «Кубанский» тип 13 в Байте представлен *четырежды* и в различных скоплениях («изваяние 2», участки А, Б, В).

Сер. II — сер. III в. н.э. — напротив, были периодом наиболее активного заселения Северного и Северо-Восточного Прикаспия, что совпало с новым периодом относительного увлажнения (Рысков/Демкин, 1997, 140). Именно здесь несколько ранее, в 1-й пол. II в. н.э., т.е. *еще в среднесарматское время*, **сложились основы будущей «позднесарматской культуры»** на базе мигрантов из более восточных районов, видимо **с окраин Бактрии**, которые затем частично откочевали дальше на запад — на Нижнюю Волгу и в Волго-Донское междуречье (Мошкова, 1994, 22). Позднесарматскую культуру с 20–30-х годов XX в. исследователи довольно единодушно отождествляют с «аланами». В этом плане представляется важным свидетельство такого авторитетного раннего мусульманского ученого, как **ал-Хваризми** («Книга картины Земли», 836–847 гг.). Он в своем описании региона опирается в основном на сведения Птолемея, но использует и не дошедшие до нас другие античные источники (к которым явно отно-

сится и рассмотренное ниже сообщение). Согласно ал-Хваризми, Сарматия — это земля аланов. **А центр земли аланов находится** восточнее р. Ра (Волги) и южнее Рипейских (Уральских) гор, т.е. **в Южном Приуралье** (Калинина, 1988, 95). Как уже отмечалось, крупная кочевая группировка известна в этом регионе в сарматское время лишь в сер. II — сер. III в. н.э., и, таким образом, сведения ал-Хваризми о южноприуральских аланах можно отнести только к данному периоду. Этим же временем датируются наиболее богатые «сарматские» погребения в Мангышацкой области (в пещере у оз. Батырь, 1915 г.) (Скалон, 1961; Акишев, 1983, рис. на с. 202–205). Соседнее Южное Приуралье в этот период было плотно заселено «поздними сарматами» того же этнополитического объединения, имевшими довольно интенсивные **торговые отношения с Хорезмом** (Мошкова, 1987, 109; рис. 1) и брачные связи даже с далекой Ферганой (Горбунова, 1992, 191–192). В китайских хрониках с I в. н.э. это кочевое владение, видимо, называлось **Янь** (по Хваризми — «центр земли аланов»). Оно долго платило дань своему восточному «сюзерену» — Кангюю шкурками соболя, видимо выменянными у северных лесных соседей (*Фань Е.* Хоу хань шу, цзюань CXVIII), и эта зависимость прекратилась, судя по данным «Вэй люэ», лишь в начале III в. н.э. (Зуев, 1995, 39–40).

Учитывая сказанное, тамги «энциклопедий» Байте, идентичные «*позднесарматским*», в отличие от первого периода, можно с большим основанием считать свидетельствами *синхронных* контактов (политических, торговых, матримониальных) местных номадов *с остальной частью сарматского мира («знаки делегаций»). Из тамг сер. II — сер. III в. н.э.* типы рис. 17, II в/4, III/14 и знак царя Инесимея (234–239) (II в/2 — «изваяние 2») бытовали на Боспоре, тип рис. 17, III/12 — в Предкавказье, III/15 и аналог рис. 6/6а — в «Малой Скифии».

Не менее показательны и связи с соседним Хорезмом. На «изваянии 1» и на участке А изображен *знак одного из хорезмийских царей* (рис. 28/52) (в последнем случае две однотипные тамги высечены рядом). Тамги рис. 17, I/9 и 11 имеют простую геометрическую форму и широко представлены в «энциклопедиях» Сарматии; однако в Западном Туркестане они известны лишь в Хорезме (весь античный период) и в кушанской Бактрии. Типы III/2, 4, 7 и 13 также особенно характерны для Хорезма разных периодов. Среди тамг *на стенах храма* показательны образцы, идентичные именно хорезмийским IV–II вв. до н.э. (ср. рис. 27/18, 48, 62–64, 71).

Весьма любопытна одна *кушанская параллель*. Тамга рис. 17, I/6 относится, несмотря на простоту формы, к очень редкому в иранском мире типу. Единственная близкая (с зеркально отраженным выступом) аналогия ей (кроме образца из Зауралья еще скифского времени: Гуцалов/Таиров, 2000, рис. 8/8) — кушанская гемма I–II вв. из оксфордского музея Ашмолеан (Harle, 1985, 643, fig. 1–2), принадлежавшая *кушанскому царю «Канишке, сыну Вибо»*, т.е., как недавно выяснилось благодаря надписи из Рабатака, Каникше I (100/120–126/146), сыну Вимы II Кадфиза. Близкий знак (с дополнительным отростком) представлен на другой «энциклопедии» в Байте («изваяние 2») (рис. 17, II в/7).

Плиты из Танаиса. К сожалению, эта крупнейшая из известных коллекций в иранском мире пока малопригодна для исследования. Плиты, хранящиеся в Музее донского казачества (г. Новочеркасск), долгое время считались «беспаспортными» (см. выше). Опубликованы они крайне неудачно: Э.И.Соломоник — в виде фотографий плохого качества (Соломоник, 1962), В.С.Драчуком (Драчук, 1975) — в виде отдельных знаков, вырванных из контекста (не указано, к какой плите относится тот или иной знак, и проверить точность зарисовок часто невозможно). Весной 1999 г. я получил благодаря любезности И.Н.Парусимова и Б.А.Раева прорисовки нескольких плит. Сейчас они опубликованы (Яценко/Раев, 2001, 222–230). К сожалению, условия хранения в Новочеркасске пока не позволили заново осмотреть несколько мелких плит. Что касается танаисской коллекции из 16 плит 1993 г. из раскопа XIX, то право их издания было передано Б.Бёттгером В.К.Гугуеву, который сейчас готовит плиты к публикации[15]; сегодня они недоступны для осмотра и даже пока не приняты на хранение в фонды музея «Танаис».

Рассмотрим доступные и наиболее качественно зарисованные плиты.

1. (Соломоник, 1962, рис. 10) (рис. 20/1). Обломок плиты, найденный в 1957 г., с греческой надписью. Здесь представлены 3 знака, один из которых — предполагаемая тамга нижнедонского аланского царского рода Аравелианов (см. раздел 6.2), другой — поздний знак царя Радамсада (рис. 7/3), третий связан с Правобережной Украиной (рис. 5/81).

2. Плита 1993 г. Единственная из 16 плит опубликована (Böttger, 1996, fig. 11) (рис. 20/2). Здесь все знаки определимы и датируются сер. II — сер. III в. н.э. Среди них боспорские царские тамги Савромата II (один из вариантов) и Инесимея, по одному знаку — с Нижнего Дона и Правобережной Украины (рис. 6/9, 32, 34, 50).

3. Плита № II–206 (Новочеркасский музей) (рис. 21/1). Стела с овальным верхним концом высотой 84 см, видимо, монтировалась на какомто возвышении. Первоначально на ней имелась греческая надпись. Два центральных знака обведены двойной линией. Все определимые тамги датируются сер. I — сер. II в. н.э. Они относятся к Нижнему Дону (3 экз.) и одна — к Правобережной Украине (рис. 5/41, 47, 56, 81).

4. (Соломоник, 1962, рис. 9) (рис. 21/2). Обломок прямоугольной плиты, вероятно вделанной в какую-то постройку. Знаки нанесены на лицевой стороне и на одном из торцов. На лицевой стороне (на рисунке — слева) представлена половина крупного царского знака Аспурга и донской знак (рис. 4/8), на обороте читаются половина царской тамги Тиберия Эвпатора и ранний кубанский знак (рис. 4/1). Таким образом, три из четырех знаков относятся к рубежу н.э.

[15] Любезное сообщение Б.Бёттгера (Берлин) в письме автору от 04.05.1999 г. Однако вероятнее, что они будут изданы С.А.Науменко.

5. Плита II–207 (Новочеркасский музей) (рис. 22, А–Б). Предназначалась для закладки в угол какого-то сооружения; тамги нанесены на смежные торцы. Большинство знаков здесь не отражают известную региональную специфику (т.е. «неопределимы»). На стороне А ранние определимые знаки сосредоточены по верхнему краю. Они относятся к самому Нижнему Дону и соседнему Приазовью (рис. 5/10, 38, 65). Есть несколько тамг II–III вв.: нижнедонской, крымский и знак царя Савромата II, видимо нанесенный позже остальных (рис. 6/9, 37, 50). На стороне Б всего один определимый знак Северного Приазовья (рис. 5/65). Для данной плиты характерна серия знаков, имеющих пока аналогии лишь *в Западном Туркестане*. Центральный знак стороны Б известен в парфянской Нисе (№ 4), еще два знака — в Хорезме и один — в Самарканде (рис. 27/13, 59, 137).

6. Плита II–205 (Новочеркасский музей) (рис. 23, а). Все определимые знаки датируются сер. I — сер. II в., три из них встречены по два раза. Это тамги из Северного Приазовья (рис. 5/62, 64, 70), Крыма (рис. 5/12, 14–15) и с Верхнего Дона (рис. 5/125). На торце центральные знаки обведены двойной линией.

7. Плита II–238-1 (Новочеркасский музей) (рис. 23/b). Большинство определимых знаков датируется сер. I — сер. II в. н.э. Они относятся к Северному Приазовью, Верхнему Дону и Крыму (рис. 5/5, 16, 41, 65). Имеется один ранний знак Северного Приазовья (рис. 4/21). Знак 1 имеет только *западнотуркестанские* аналогии (в Хорезме он был царским: рис. 28/46). Тип центрального знака представлен дважды.

8. Плита из раскопа XIX. 1993 г., музей «Танаис», № 839. Небольшой осколок степы (?) найден в более поздней стене. Сильно обколот с разных сторон. Почти полностью сохранились всего 3 знака, два из которых уникальны, а третий известен на Верхнем Дону (рис. 5/127).

9. Плита из раскопа XIX. 1994 г., музей «Танаис», № 2273. Небольшой фрагмент, необколотым остался только угол. Читается лишь один знак, известный на Нижнем Дону (рис. 5/43).

В целом на доступных танаисских плитах преобладают знаки I — сер. II в. Обычно они нанесены тщательно, в «печатном» варианте.

Плита из Калос-Лимена. В этой местности в Северо-Западном Крыму в I–II вв. существовала крепость, видимо контролировавшаяся боспорскими властями. На одной из плит, вмонтированной в стену у городских ворот, изображено 8 знаков (Уженцев, 1999, рис. 1) (рис. 26, е). Знаки, за одним исключением, расположены в ряд. Большинство из них уникально, но один идентичен синхронному кубанскому, другой — синхронному крымскому (рис. 5/52,16).

Граффити на стенах здания «А» в Неаполе Скифском (Дашевская, 1962; Высотская, 1979, рис. 90; Дашевская, 1991, рис. 4, 1), датируемые ныне началом III в. н.э. Они считаются нанесенными в разное время и имеющими якобы в основном магический характер. Общественное здание «А» существовало несколько веков, видимо меняя свои функции; рисунки со знаками относятся к самому позднему периоду его существования. На мой взгляд, они образуют на каждой из стен здания вполне законченные и продуманные композиции.

На одной из стен примитивно изображены рядом две сцены — коллективной охоты и батальная (осада крепости). Слева 4 пеших человека с собакой (?) окружили оленя. Главный герой охоты и стоящий сзади него персонаж разделены деревом (?); ниже центра композиции представлена змея, ползущая к какому-то предмету[16]. Справа изображены стоящий воин-копейщик, башня крепости и таран на колесах; эту сцену «осеняют» две однотипные тамги (рис. 6/7), известные кроме нашего здания лишь в синхронной «энциклопедии» на стенах «Стасовского» склепа 1872 г. в Пантикапее (Соломоник, 1959, № 52: слева вверху, под тамгой Рискупорида III).

На другой стене слева изображен всадник с длинной палкой (с петлей на конце, типа монгольской урги?) и убегающие от него 4 коня. Две тамги того же типа, что и на первой стене, окружают всадника справа и слева. На третьей стене схематично представлены 4 копытных (кони?) (иногда изображена лишь передняя часть туловища) и 4 разные тамги (возможно, каждое копытное сопроводилось тамгой). Одна из них — уже упомянутого типа, другая (рис. 6/9) известна и в других «энциклопедиях»: знаменитой «плите из Керчи» (Драчук, 1975, табл. VI, № 436) и плите из Танаиса (рис. 22/А); в Танаисе она, впрочем, представлена и единичным крупным знаком на прямоугольной плите, вделанной в какое-то здание (Соломоник, 1962, рис. 1). Третья тамга (рис. 6/4) известна на синхронной серебряной узде из крымского могильника Нейзац неподалеку от Неаполя (Дашевская, 1991, табл. 74/11); наконец, четвертая (рис. 6/8) уникальна. Вверху сцены представлены вертикальные «лестницы» (похожие знаки известны на игральных костях-астрагалах средневековых аланов Верхнего Дона). На четвертой стене процарапаны изображения отдельных высоких сапожков «позднесарматского типа» (которые появляются в «варварских» погребениях и на изображениях «варварского облика» в Сарматии около сер. II в. н.э.). В Неаполе известны и лепные сосуды такой формы. Вероятен вотивный характер подобных граффити[17].

В целом, видимо, *все тамги, встреченные на стенах здания, — специфически местные, «позднескифские», относящиеся к сер. II — нач. III в.* При этом на всех стенах обязательно присутствует один тип знака (рис. 6/7).

Роспись склепа 1 в Неаполе Скифском. Здесь во II–III вв. н.э. на стене склепа представлена оригинальная композиция. *Одна тамга вписана в центр прямоугольника, 4 остальные размещены по его*

[16] Сцены загонной охоты четырех мужчин на копытное известны и на аланском склепе X–XII вв. с р. Кривой (Охонько, 1983, рис. 2); там также жертва окружена с двух сторон.

[17] В традиционных обществах документируются случаи особо ценного дара в виде правого башмака; подобный башмак использовался и при обряде принятия в новый род или усыновления (Оятева, 1978, 90–91).

углам, причем две из них — одинаковые (Шульц, 1957, рис. 14, б) (рис. 24/f). Несомненно, речь идет о *композиции, широко распространенной в иранском мире*. Так, в Согде III–VII вв. подобная схема известна на черепке сосуда с поселения Сеталак II (Средняя Азия..., 1999, табл. 21/18). На прямоугольном коврике из горного таджикского кишлака Сари Шухон (Пещерева, 1959, рис. 25, 4) в центре изображена крупная сложная тамга редчайшего типа (практически идентичная лишь знаку на монетах одного из правителей этого же региона еще рубежа VII–VIII вв.!) (Zeimal', 1994, fig. 5, 21), а по четырем углам повторяется более простая однотипная тамга, также известная в Средней Азии в предарабское время (рис. 29/8, 109). Тот же принцип (общее количество тамг, кратное пяти, вписано в прямоугольник, одна тамга изображена в центре) был известен до недавних пор в тюркоязычных районах Южной Сибири, ранее предположительно занятых иранцами. На куске ткани (также коврике?) из Минусинского музея подобным образом представлены 10 тамг хакасов-качинцев (Кызласов/Леонтьев, 1980, рис. 15, 65). Все это заставляет думать, что данный элемент росписи склепа должен был *имитировать висящий на стене коврик* (подобно тому, как это общепризнано для одного из изображений в знаменитом склепе № 9).

Плита из селения Беюк-Дегне (Азербайджан) (рис. 26/a). Плита имеет греческую надпись, которая, согласно любезной консультации Ю.Г.Виноградова, датируется в пределах II в. н.э.: «Айлий Ясон Эвнону благодетелю памяти ради». Под надписью аккуратно и симметрично изображены в ряд три тамги (издавшая плиту К.В.Тревер приняла их за орнамент: Тревер, 1959, 340–341)[18]. Не исключено, что они нанесены *одновременно* с надписью. Средний, самый крупный знак в иранском мире имеет точную аналогию только на серии золотых бляшек костюма с Нижнего Дона сер. I — сер. II в. (рис. 5/41), левая тамга известна как на Нижнем Дону (в одной из «энциклопедий» Танаиса: Соломоник, 1963, рис. 5), так и в качестве царской тамги — на монетах Хорезма (Вайнберг, 1977, табл. XI). Правая тамга также имеет точную аналогию не только на глиняном амулете I–II вв. с Сырского городища на Верхнем Дону (рис. 24/IV), но и в Хорезме (кирпичи из Ток-калы: Гудкова, 1964, рис. 8 (15); керамика Кой-Крылган-калы), соответствуя букве «š» хорезмийского алфавита. В целом плита из Беюк-Дегне является, видимо, *еще одним свидетельством присутствия сармато-аланов на территории Кавказской Албании* в 1-й пол. II в. н.э., вероятно — на трассе их довольно частых набегов на парфянский Иран. Тамги сарматских типов известны на керамике из могильников этого времени в Азербайджане[19].

[18] Интересно, что греческое имя Эвнон использовалось и сарматской знатью. Так, например, по сообщению Тацита, звали царя северопризовских (?) аорсов в 49 г. н.э.

[19] Речь идет, в частности, о грунтовых погребениях I–II вв. из могильника Рустов. Любезная информация М. Дж.Халилова, апрель 1991 г. К сожалению, я до сих пор не имел возможности непосредственно познакомиться с этими материалами.

Ниже рассматриваются два чрезвычайно интересных предмета из органики, оба относящихся ко 2-й пол. I в. н.э. или к рубежу I–II вв. н.э. и найденные *в окрестностях Ольвии*. Их объединяют кроме этого три интереснейшие особенности в размещении тамг: *они расположены в ряд во всю длину предмета, аккуратно нанесены через равные промежутки*[20] *и при этом знаки «положены» на левый бок*. Оба рассматриваемых ниже изделия, найденные на территории ольвийской хоры, принадлежали, несомненно, сарматам «державы» Фарзоя/Инисмея, контролировавшей в этот период ольвийскую округу и сам город (по выражению Ю.Г.Виноградова — «варварский протекторат»).

Деревянная арфа 1918 г. из Козырки. Найдена в могиле с телами двух мужчин-сарматов (Симоненко, 1999б). На арфе, по конструкции близкой к найденной в Пазырыке на Алтае, изображены 32 тамги (рис. 25/I, d)[21]. Почти все они размещены в ряд *вдоль бортика через равные промежутки* (знаки «лежат» на левом боку) или на зооморфной боковой ручке в виде фигурки медведя (на верхнем выступе в виде сидящего и смотрящего вниз орла их не было). Лишь одна из них (рис. 25/I, 21) находилась в центре инструмента (Симоненко, 1999б, рис. 2–3, 6–7), и она же еще дважды изображена на бортике; несомненно, она принадлежала *хозяину инструмента* (рис. 5/100).

Среди 32 нанесенных знаков представлено 27 типов тамг. Три типа встречены здесь дважды (рис. 25/I, 2) или трижды (рис. 25/I, 6, 21); они исполнены разными почерками (см., например: рис. 14, d). Большинство знаков на арфе (рис. 25/I, 1–20) пока не имеет аналогий (и в данном случае, вероятно в отличие от «энциклопедий» в городах и святилищах[22], они представляют *местные* типы; интересно, что типы, изображенные *неоднократно*, относятся именно к ним). Для нас более важны *определимые специфические знаки* отдельных регионов (рис. 25/I, 21–27). Как нетрудно догадаться, все они *синхронны* погребению в Козыр-

[20] Это произвело такое впечатление на опубликовавшего пластину с Березани эпиграфиста В.П.Яйленко, что он, следуя давно отжившей версии интерпретации подобных знаков, посчитал их сарматским «пиктографическим письмом» (Яйленко, 1987, 153) (см. во Введении библиографию по этому вопросу).

[21] В апреле 1945 г. во время штурма Берлина советскими войсками этот комплекс был утрачен в Antike Museum. Уцелела лишь «не представлявшая ценности» арфа. К сожалению, А.В.Симоненко не удалось до настоящего времени ознакомиться с самим предметом, и мы располагаем лишь полевыми зарисовками, сделанными в 1918 г. Т.Вигандом.

[22] *Арфа (фандыр)* в алано-осетинской традиции исполнения героического эпоса окружена особым ореолом святости и древних легенд, а игравшие на ней пользовались исключительным уважением. В осетинском нартском эпосе изобретение арфы связывается с обрядом траура, совершаемым выходцем из подземного мира. С ее помощью один из богов оживляет умершую, на ней играет прищедший из нижнего мира Сауай; без игры на ней не может закалиться древнее оружие (прототип Батраза) в руках небесного кузнеца и т.п. (Нарты, 1989, 150, 207, 223, 436, 442). У осетин до сих пор сохранился тип арфы со скульптуркой птицы на шейке над струнами (Кочиев, 1998, 229–230).

ке. Гораздо интереснее их *территориальное распределение*. Две тамги представляют типы, специфические для региона, где найдена сама арфа — *Правобережной Украины*. Это знак царя Фарзоя (рис. 5/85) и знак на золотой гривне из Ольвии (рис. 5/90; 25/I, 24, 25). *Однако более всего — тамги, идентичных известным* в низовьях Дона. К ним относятся прежде всего троекратно нанесенный *предполагаемый знак клана хозяина арфы* (котел из Мокрого Чалтыря — рис. 5/37; 25/I, 21) и образцы, идентичные нашим, на парадной узде из Царского (рис. 5/29) и Красноармейского (рис. 5/27; 25/I, 22, 23) (судя по сохранившейся полевой зарисовке, оба нижнедонских знака были вырезаны *рядом*, в центре левого — по отношению к играющему — бортика инструмента: Симоненко, 1999б, рис. 11). Наконец, по общему знаку представляют ближайшие территории — *Днепровское Левобережье* (котел из Павловки — рис. 5/62) и *Юго-Западный Крым* (стела 1962 г. из могильника Заветное — рис. 5/11; 25/I, 26, 27). Что означает подобное распределение тамг на арфе? Видимо, ее хозяин — молодой и не слишком знатный воин[23], погребенный в «правом» саркофаге, — происходил из нижнедонских аланов (по предположению А.В.Симоненко, он мог входить в группу представителей своего племени в Ольвийском полисе). Возможно, он был исполнителем героических сказаний, а на его арфе изображены тамги или его знатных слушателей, или лиц, присутствовавших при вручении ему инструмента. Обычай наносить клановую тамгу на личный, дорогой хозяину музыкальный инструмент (в числе самых важных личных вещей) сохранялся в Предкавказье до XX в. (Яхтанигов, 1993, 67–68). То же документировано в Тохаристане IV–VI вв. (замок Чильхуджра), где в качестве тамги использована буква «ho» алфавита кхароштхи (Древности..., 1985, № 686, фото на с. 262).

Костяная пластинка с острова Березань. Из поселения, связанного с местным, весьма почитаемым святилищем Ахилла, из раскопок В.В.Лапина происходит пластинка в форме удлиненного прямоугольника (оба конца, к сожалению, обломаны) (Яйленко, 1987, 152–153, рис. 6). На ней в той же манере (см. выше) размещен с каждой стороны аккуратно выполненный ряд тамг (рис. 25/II). В центре лицевой стороны весьма реалистично и с многочисленными деталями помещено сарматское изображение взнузданной лошади «пазырыкско-ахалтекинского» облика, привязанной за находящуюся довольно высоко ветку зеленого дерева.

Знаки прочерчены толстым лезвием. Лишь один знак на оборотной стороне (видимо, более поздний), сохранившийся с краю (на рис. 25/II, b, 4, верхний в правом ряду), вырезан более тонким лезвием; он известен также на «энциклопедии» — гагатовой подвеске меча с Верхнего Дона (Чертовицкий I: рис. 5/124). Соседний с ним знак (рис. 25/II, b, 5) принадлежит клану, родственному царю Аспургу (отличается дополнительным кружком в центре). Нижний из знаков оборотной стороны родственен нижнедонской тамге на клейме из Кирсановского III (рис. 5/44) (отличается добавочной вертикальной черточкой на левом конце; та же тамга изображена и на арфе из Козыри) (рис. 25/I, 20; II, 8).

Лишь один тип знака представлен дважды (при этом — на лицевой и оборотной сторонах) (рис. 25/II, 3,7): он известен на пантикапейской «писаной плите» (Драчук, 1975, табл. XXXIX, № 376) и на ольвийском льве № 2 (там же, табл. IX, № 642). Скорее всего это тамга *местного* клана (рис. 5/75).

Точильный камень (оселок) из аула Кунчукохабль (Адыгея). Найден в 1960 г. в составе разрушенного весенним половодьем богатого курганного погребения сер. I — сер. II в. (Дитлер, 1972, 70, рис. 10–11). Крупный уплощенный оселок из песчаника; верхний край с отверстием обломан, длина сохранившейся части — 21 см. На одной из сторон нанесены 3 тамги, на противоположной одна (рис. 26/b). Все эти знаки не имеют точных аналогий вне «энциклопедий» греческих городов и, видимо, являются местными (кубанскими) (рис. 5/51–52,57).

Камень из с. Обухов (Киевской обл.). Гранитный уплощенный валун без следов подработки, по форме близкий параллелепипеду, длиной до 0,8 м, неоднократно зарисовывался Э.И.Соломоник (Кравченко, 1994, рис. на с. 40) и фотографировался Н.М.Кравченко (Кравченко, 1999а, 17). Эти воспроизведения весьма низкого качества и грешат неточностями. Камень, возможно, был неглубоко вкопан, контуром напоминая зрителю ромб. В центре композиции изображен бык (?), вверху — примитивная личина (Кравченко, 1999б, рис. 3/1), внизу — человечек (?). По 2–3 тамги расположены по левому и правому краям. Сравнительно надежно «читаются» только две формы. Одна из них известна на Кубани в I–II вв. (рис. 5/48), другая — оригинальна (рис. 6/123). Соседнее поселение, по мнению А.М.Обломского, датируется 1-й пол. III в. н.э.

Фрагмент стенки амфоры I в. н.э. из поселения Волна-1 (Таманский полуостров). На нижнем краю черепка примитивно процарапана сцена с хищником (собакой?) и бегущей лошадью (?), слева — две зигзагообразные фигуры. Остальное пространство занимали несколько тамг; изображения нескольких из них вверху обломаны (Таманская старина..., 1998, обложка). «Читаются» 4 знака, один из которых имеет аналогию в Крыму (рис. 5/16), остальные оригинальны (рис. 5/108, 112, 117).

Сарматский меч из фракийской погребальной урны № 2 в Рошава-Драгане (Болгария) рубежа I–II вв. н.э. Меч, несомненно, попал к фракийскому воину, находившемуся на римской службе, в качестве военного трофея. Тамги представлены как на его навершии, так и на ножнах (Буюкилев, 1995, рис. 3), однако я рассматриваю меч в целом как *единый* предмет (рис. 26/c). На круглой накладке ножен изображены как бы «вращающиеся» вокруг центрального кружка три одинаковые уникальные тамги (рис. 5/107). На квадратной накладке ножен дважды

[23] С ним были помещены меч и лук со стрелами, два деревянных сосудика и запечатанная амфора с вином (?).

представлена в ряд тамга сарматского царя Инисмея (рис. 5/86). Наконец, на круглом навершии меча выгравирован ряд из 6 «положенных на бок» знаков. Четыре из них уникальны (рис. 5/102–104, 106); одна тамга известна также на синхронных ножнах меча из Порогов (рис. 5/82); еще одна (на рисунке — справа внизу) имеет точную аналогию на серебряном бокале из кургана 8 в Бердии на Нижнем Дону (рис. 24/1, b).

Дальнейшая публикация новых скоплений из греческих городов (Танаис, 1993 г.) и святилища Байте III на плато Устюрт (1998 г.) поможет существенно расширить нашу базу данных. Из сказанного выше о семантике «энциклопедий» Центрального Предкавказья XIX–XX вв. ясно, что *крупнейшие из них составлялись отнюдь не в результате подсознательных импульсов любопытных прохожих*, основанных на животном инстинкте мечения территории (надписи современных туристов на скалах типа «здесь были Вася и Петя»)[24]. Перед нами вполне официальные свидетельства коллективных акций местных и приезжих (часто издалека) людей: деловых визитов в крупные города, заключения важных многосторонних договоров и сопровождавших их общественных пиров. Наличие здесь на особых местах знаков царских кланов и персональных знаков царей демонстрирует важность и серьезность этих акций. Несомненно, в них участвовали обычно не сами цари, а их представители — чиновники. Наиболее вероятно предполагать *клятвенное подтверждение* таких соглашений, дополнительным свидетельством чему могли служить «навечно» вырезанные на камне в общественном месте тамги кланов-участников, заменявшие подписи. Иногда скопление группируется вокруг центрального крупного знака (тамга руководителя церемонии?) или пары знаков (союз представителей двух кланов). В источниках мы встречаем как будто намеки на *ситуации, при которых было возможным создание «энциклопедий»*. Так, в пантикапейском энкомии 1985 г. говорится, что высокопоставленный боспорский чиновник, бывший воспитатель царя Савромата I, около 118–123 гг. (?) встретил в Крыму скифских и таврских царей, шедших для заключения союза с аланами. Он отвратил их от этого замысла и, напротив, взял с них клятву верности Савромату I (Сапрыкин, 1998, 202). Возможное *синхронное* размещение на одной плите *нескольких знаков* одного клана, написанных разными почерками, может свидетельствовать об одновременном участии в акции представителей нескольких отдельно проживающих семей одного большого и разветвленного клана.

Мнение В.С. Драчука о таких скоплениях как о своеобразных актах регистрации жителей данной местности (Драчук, 1975, 108), к сожалению, не имеет опоры в реальных этнографических и исторических фактах по иранским и предкавказским народам (приводимый им пример со скалой в Предкавказье относится на деле только к *разграничению пастбищ* между кланами). Вызывает удивление подобная же трактовка скоплений тамг *при входе в пещеры* (там же, 57). Трудно представить, например, чтобы члены *правящего в Боспорском царстве* клана царя Инесимея (234–239), чья тамга изображена в крымской пещере Ак-Кая I, были бы при этом простыми пастухами в крымской горной глуши и регулярно ночевали в небольшой и не слишком удобной пещере... (см. выше). Для условий Боспора и Ольвии римского времени, когда оба небольших государства с помощью Рима не без труда отбивались и отстаивали свою «самостоятельность» от напора сармато-аланских орд, *невозможно* допустить, вслед за В.С.Драчуком, что эти скопления тамг в греческих городах обозначали *выплату дани* сарматов греческим правителям (ср. скала недалеко от г. Мерва с тамгами родоплеменных групп, поставляющих одинаковое количество дани: там же, 57).

Э.И.Соломоник считает, что изображения царских тамг на надгробиях и в погребальных склепах Пантикапея можно сопоставить с обычаем *средневековых русов Поволжья* писать на надгробии умершего наряду с его именем *имя его царя* (Путешествие..., 1939, 83; Соломоник, 1959, 25). Однако у иранских народов подобное неизвестно; кроме того, в этом случае непонятно, зачем на одном надгробии изображали подчас знаки нескольких правивших в разное время царей (см. выше). В столице Боспора на старых, вторично использованных надгробиях с местных кладбищ царский знак Рискупорида III встречен вместе не с одним, а с двумя-тремя знаками, причем он небрежно вырезан на периферии композиции (Соломоник, 1959, № 17, 21). Создается впечатление, что это скорее следы каких-то поминальных обрядов, в которых принимал участие представитель царя.

Парные изображения тамг. Такие изображения, размещенные горизонтально в линию, встречаются *только в городах Боспора* и только на плитах, представляющих собой архитектурные детали и вставки в некие общественные здания, что само по себе очень интересно. Важно и то, что в этих парах тамги вырезаны всегда *чрезвычайно аккуратно* (даже в памятниках явно варварского облика). К I–II вв. относится плита из стен Калос Лимена со знаками, один из которых уникален (рис. 5/26), а другой — кубанский (рис. 5/51) (Уженцев, 1999, рис. 2). Большинство таких изображений датируется по типам тамг сер. II — сер. III в. Выше говорилось о парных знаках на бронзовых наградных боспорских пряжках II–III вв. со знаком царя Эвпатора (рис. 6/49) и его соправителя (жены?) (рис. 6/68), а также о плите с Тамани 1803 г. с изображением тамг Эвпатора и другого соправителя (?), поврежденных надписью VI в. (рис. 6/70) (Соломоник, 1959, № 4).

Не меньший интерес представляет наиболее ранняя из плит этой серии (там же, № 18). Левая из изображенных на ней тамг известна на золотых браслете и сосудике из Ольвии (рис. 5/83), правая (меньшего

[24] При обсуждении моих докладов о методике исследования «энциклопедий» в 1996–1997 гг. некоторые коллеги настаивали именно на таком объяснении. Несомненно, такая трактовка в данном случае была бы чисто модернизаторской и «десакрализованной».

размера) — на серебряном бокале из Бердии на Нижнем Дону (рис. 5/47). Иными словами, плита датируется рубежом I–II вв. н.э. На другой пантикапейской плите (там же, № 10) изображены рядом два знака, имеющих весьма близкие аналогии в памятниках сер. II — сер. III в.: левый — мнимому «трезубцу» на зеркале из кургана 6 в Шевченко (в Северном Приазовье) (рис. 6/12; по сравнению с ним «боковые отроги» нашего знака загнуты наружу) и правый — знаку на узде из Камышевского I на Нижнем Дону (рис. 6/35; по сравнению с ним в нашей тамге отсутствует в нижнем полукруге вертикальная черточка). Позже на этой плите наносились также очень мелкие и плохо сохранившиеся тамги иных типов.

На плите из Илурата (там же, № 40) представлены две уникальные тамги, не имеющие близких аналогий. Наконец, на описанной выше плите из Горгиппии с предполагаемой сценой побратимства (под изображениями двух соединенных «братских» рук с ритонами и с отрубленными рукой и ногой врагов справа) представлены две тамги (рис. 6/62–63)[25]. Особняком стоит изображение пары знаков в керченском склепе «сабазиастов» 1901 г. под лежанкой левой боковой стены. Здесь, среди прочего, изображен краской грузовой корабль (Ростовцев, 1913, табл. CXVIII, 3). Над его носом и кормой симметрично нарисованы две тамги (рис. 6/82, 84).

Вне Боспора, в «варварских» районах Крыма, мы сталкиваемся с *иным принципом* размещения парных тамг. В склепе II–III вв. в Нейзаце они изображены на стене, справа от особой ниши, вертикально, одна над другой (Соломоник, 1959, № 34). На синхронной деревянной тарелке из кургана 1/3 из Милорадовки на Нижней Волге (рис. 1/3) также видим две размещенные вертикально, но *одинаковые* (!) тамги. Смысл *такого* удвоения мне пока непонятен. На каменном прямоугольном оселке (30×3 см) сер. I — сер. II в. из кургана 18/2 из Займо-Обрыва I под Азовом на противоположных концах нанесены две местные тамги (они ориентированы с учетом вертикального ношения оселка) (рис. 5/31–32).

Интересны «позднесарматские» женские атрибуты — фамильные котлы II–III вв. с размещенными на противоположных участках тулова двумя тамгами, одна из которых известна в предшествовавший период в более западных районах. Таковы находки из Еланской (Соломоник, 1959, № 137; рис. 5/62; 6/24) и из Чечни (хранился в музее г. Грозного: рис. 5/37; 6/113а). Возможно, это свадебные подарки невестам со знаками породнившихся кланов.

Каково назначение этих аккуратно прочерченных парных тамг на особых, парадных по облику каменных плитах и других тщательно изготовленных вещах? Думается, они отмечали или заключение *неких соглашений, клятвенных договоров* между двумя родами (дружественный союз, брак, побратимство, усыновление, аталычество, прекращение кровной мести, разграничение сфер влияния и т.д.), или просто *совместное участие в некой акции*. В Предкавказье на свадебных атрибутах (знамена) еще недавно помещали рядом в горизонтальную линию тамги *кланов знатных жениха и невесты* (Яхтанигов, 1993, 58). Нечто подобное можно предполагать и для серии монет VI–VII вв. Западного Согда, Самарканда и Северного Тохаристана, где на многих экземплярах изображены в горизонтальный ряд две разные тамги. (Однако часто на монетах помещены два типологически близких знака, вероятно — семей отца и сына) (Zeimal', 1994, fig. 3–5). Не исключено, что в некоторых случаях так мог фиксироваться на плитах обычай *аталычества* — отдачи на воспитание ребенка одним кланом в другой для установления стабильных дружественных отношений или стабилизации установившихся отношений покровительства (Яхтанигов, 1993, 47–49). Показательно также, что на пантикапейских плитах такого рода преобладают знаки сармато-аланских кланов *двух прилегающих регионов* — Подонья и Северного Приазовья.

[25] Обе они имеют точные аналогии пока только у *раннесредневековых* аланов Юго-Западного Крыма. Так, первая из них представлена на надгробии из могильника Бакла в Крыму, которое, по мнению А.И.Айбабина, относится к комплексу VII–IX вв., а вторая — на стенах крепости Мангуп-Кале (где она встречена пятикратно).

РАЗДЕЛ 6

ТАМГИ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ, ГЕНЕАЛОГИЯ АРИСТОКРАТИЧЕСКИХ КЛАНОВ САРМАТО-АЛАНОВ

6.1. Методика исследования. Благодаря исследованию регионально-хронологической специфики тамг выявляются *наиболее влиятельные аристократические кланы сармато-аланов*. Для их характеристики, на мой взгляд, необходимо учитывать четыре основных критерия. 1. Нанесение тамг на парадные вещи из драгоценных металлов. 2. Распространенность в данном регионе (количество находок, типы вещей). 3. Представленность в межрегиональных по характеру «энциклопедиях». 4. Близость или идентичность тамгам царских родов и аристократии Хорезма, Кангюя (Средняя Сырдарья), юэчжийско-кушанской Бактрии и парфяно-сасанидского Ирана.

При анализе парадных вещей из драгоценных металлов необходимо учесть определенную *временную специфику*. Например, для I — сер. II в. периода особенно роскошного быта кочевой знати, особое значение имеют тамги *на золотых вещах* — атрибутах власти и высокого статуса. Для сер. II — сер. III в. характерно малое количество золотых вещей в могилах аристократии и господство серебряных изделий (главным образом, относящихся к конской сбруе и парадному оружию). В это время происходит *стандартизация воинской экипировки*, что С.И.Безуглов склонен расценивать как свидетельство *господства дружинной организации с жесткой иерархией* (см., например: Безуглов, 1997, 137–138), а мы — как новый этап развития *собственного* ремесленного производства и результат воздействия римской культуры, особенно после Маркоманских войн.

Для сравнительного анализа тамг сарматской знати и знаков Западного Туркестана важно, что *те знаки, которые использовались знатью в Сарматии, в Хорезме, Кангюе (Чаче) и Бактрии (Тохаристане), зачастую отмечены на царских монетах несколько позже*. Как объяснить этот факт? Как преимущественную активность кочевых кланов в этих взаимоотношениях? Или же недостаточной, отрывочной (по сравнению с сармато-аланской) документацией по знакам хорезмийской аристократии? Исходя из отмечаемых сарматологами в последние годы регулярных миграций в Сарматию новых среднеазиатских кочевников каждые одно-полтора столетия (см. выше), я склонен предполагать *второе*. Следует также иметь в виду, что тот или иной клан из «потомков Сиявуша» мог приходить к власти *много позже* того момента, когда формировался его знак (кстати, некоторые цари пользовались одной и той же клановой тамгой).

Кроме того, те знаки, которые в Сарматии принадлежали знатным лицам, в Хорезме часто явно использовались «рядовыми» кланами и семьями (участвовавшими в изготовлении сырцового кирпича для построек по трудовой повинности и т.п.). В этих случаях речь, видимо, надо вести в основном *об использовании общеиранского знакового фонда*.

Ниже рассматриваются тамги знатнейших родов сармато-аланов по основным хронологическим периодам.

6.2. Наиболее активные знатные кланы Сарматии. Для периода I в. до н.э. — сер. I в. н.э. характерно небольшое число определимых тамг и относительная скромность помеченных ими вещей. К западу от Днепра наряду с кланами царей Фарзоя и Инисмея (Inismeus) в сер. I — нач. III в. н.э. особое значение имел клан с тамгой — рис. 5/84 и 6/106. Она представлена на редких в Сарматии надгробиях I–II вв. н.э. (Запорожье, Козырка), на каменных стелах II–III вв. н.э. из Тецкан и Кривого Рога, на зеркале из Ольвии, а в 1993 г. была обнаружена в одной из «энциклопедий» у главных ворот Танаиса (Böttger, 1996, fig. 11). Близкие тамги родственных кланов (отличающиеся одной небольшой дополнительной линией) на рубеже I–II вв. н.э. документированы в богатейших погребениях Нижнего Дона (Кобяково, курган 10), а в конце III в. н.э. появляются среди «новой знати» варваризованного Пантикапея (Яценко, 1994а, рис. 1, 1). Не менее влиятелен был клан с тамгой, представленной на рис. 5/83. В I–II вв. н.э. она известна на золотых браслете и флакончике из Ольвии, на стеле из Заздроти, а серебряное блюдо с такой тамгой попало далеко на восток — в верховья Дона (Соломоник, 1959, № 70, 63, 23, 65). Третий влиятельный аристократический клан в регионе к западу от Днепра оставил свою тамгу (рис. 5/82) на украшенных золотом княжеских сарматских мечах 2-й пол. I в. н.э. из могилы 1 в Порогах (Симоненко/Лобай, 1991, рис. 4/10) и из фракийской могилы 2 в Рошава-Драгане (Болгария) (Буюклиев, 1986, табл. 10/100, е), на гончарной миске из Баштечек (Артеменко, Левченко, 1983).

Из кланов ранних аланов Нижнего Дона сер. I — нач. II в. н.э. особенно важен клан, имевший тамгу (рис. 5/41), которая известна на золотых нашивных бляшках женской одежды (Новый, курган 12/3: Ильюков/Власкин, 1992, рис. 5/5; Терновка, курган 8/1)[1], в основных «энциклопедиях» из греческих городов (мраморный лев № 2 из Ольвии; каменная плита из Керчи/Пантикапея с 479 знаками; плиты из Та-

[1] Не опубликовано, раскопки В.П.Шилова 1965 г.

наиса — рис. 21/1; 23, b) и на стеле из Беюк-Дегне в Азербайджане с сарматскими знаками (Тревер, 1959, 340–341, рис. 46)[2]. На Северном Кавказе, в пространстве между устьем Волги[3], устьем Дона[4] и Средней Кубанью[5], т.е. на территории, которую предположительно занимал Аланский союз (Alania Лукиана), встречена в разрушенных богатых могилах сер. I — сер. II в. н.э. тамга типа рис. 14, i. В ней можно предполагать знак *царского клана Алании — Аравелианов* (Moses Khoren. Hist. of Armen. 2.58) (Вейсберг, 1992б, 197). Две подобные тамги, размещенные перпендикулярно, образовывали новую тамгу в Неаполе Скифском (рис. 5/25).

В степном Крыму единственное богатое сарматское погребение в Ногайчине (2-я пол. I в. н.э.) содержит золотую пиксиду с тамгами рис. 5/14 (Симоненко, 1993, фото 13–14), которая повторена на стеле 6 в могильнике Заветное (Соломоник, 1983, рис. 3, 2)[6] и в «энциклопедиях» Украины (плита из Керчи, Кривой Рог).

Наиболее распространенными в «энциклопедиях» в Сарматии (в 4 и более пунктах находок) являются *всего 7 тамг*. Тип 1 — знак царя Инексимея (Inenphimeios) Боспорского (234–239) (рис. 6/34) — 6 комплексов. Еще 4 типа относятся к высшей знати (см. выше — рис. 5/41; 6/106: 4–5 комплексов), рис. 5/62 (золотой флакон из могилы 1913 г. в Ольвии[7] и котел из Павловки) — 6 комплексов; рис. 5/81 (ритуальный мраморный сосуд из Соколовой Могилы)[8] — 6 комплексов. Широко представлен тип (рис. 4/15), известный на котлах Нижнего Дона с рубежа н.э. Самый распространенный тип (рис. 5/16: 7 комплексов), видимо, принадлежал сарматскому клану из Неаполя Скифского, так как неоднократно встречен именно в этом пункте[9]. Судя по распространению этих знаков в комплексах с сакральными функциями на большой территории, эти кланы в сер. I — сер. III в. н.э. принадлежали к наиболее политически и экономически активным в Сарматии.

Судить о разносторонней *активности* аристократических кланов мы можем и по степени представленности их тамг в «энциклопедиях» различных территорий (рис. 19). Нетрудно заметить, что наиболее

[2] Греческий текст надписи, под которым изображены тамги, датируется II в. н.э. (консультация Ю.Г.Виноградова, март 1996 г.).

[3] Рукоять бритвы. Косика, могила 1 (Дворниченко/Федоров-Давыдов, 1993, рис. 12, 3).

[4] Мини-энциклопедия на камне из Танаиса (Соломоник, 1962, рис. 10).

[5] Золотой браслет. Армавир, покупка 1904 г., Эрмитаж (Анфимов, 1987, 228–229).

[6] Рисунки в более ранних публикациях Н.А.Богдановой и В.С.Драчука неточны.

[7] Соломоник, 1959, № 64 (львы № 1, 2 из Ольвии; «писаная» плита из Керчи; плиты из Танаиса и Ольвии № 46, 61, стела из Кривого Рога).

[8] Ковпаненко, 1986, рис. 60, 2; львы № 1, 2 из Ольвии, плиты из Керчи, Ольвии и Азиатского Боспора, пещера Ак-Кая 2, стела из Кривого Рога (Соломоник, 1959, № 46, 54).

[9] Драчук, 1975, табл. VI, № 403; VIII, № 522–526, 536 (плиты из Керчи и Танаиса; «Стасовский» склеп 1872 г. и плита из Ольвии: Соломоник, 1959, № 52, 46; пещера Ак-Кая 1, рисунки на штукатурке здания в Неаполе Скифском).

активными участниками отраженных в них акций в различные периоды были **кланы Нижнего Дона**. В свою очередь, самым «продуктивным» в этом смысле был короткий период наивысшего расцвета сарматского мира *в сер. I — сер. II в.*, когда в «энциклопедиях» достаточно широко представлены и кланы других регионов.

6.3. Кланы Сарматии и Хорезм. Хорезм — достоверно древнейшее из самостоятельных государств Западного Туркестана, обычно отождествляемое с первой страной зороастрийской веры (Арьянам Вайджа) (Рапопорт, 1998, 28–30), находившееся как в окружении кочевых племен (и в теснейших экономических связях с ними), так и в непосредственном соседстве с такими могучими государствами, как ахеменидский или сасанидский Иран, Греко-Бактрия, Кушанская империя. Уже во времена похода Александра Македонского в Среднюю Азию хорезмийский царь Фарасман якобы контролировал на западе обширные территории вплоть до Северного Причерноморья и Колхиды (Arrian. 4. 15. 4). Позже, во II–III вв. н.э., хорезмийская керамика в Сарматии довольно активно распространялась вплоть до Волги (Мошкова, 1987, 109–112). Ориентация восточных группировок сармато-аланов на культурный, экономически развитой (но при этом обычно не слишком политически могущественный) Хорезм вполне естественна. Можно думать, что имели место и смешанные браки (достаточно вспомнить захоронения в южноуральском могильнике II–III вв. Темясово женщин с несколькими элементами костюма далекой Ферганы: Горбунова, 1992, 191–192). Судя по сообщениям Бируни и Масуди, крупные группы аланов и асов (al-Lariysa) жили на границе Хорезма еще к VIII в. н.э. (*Бируни.* Геодезия. Введение. 47. — Бируни, 1966, 95–96; Минорский, 1963, 193–194). Воспоминания о жизни у границ Хорезма до сих пор остались в эпосе потомков аланов — осетин (Дзиццойты, 1992, 180–182).

Для ранних сарматских тамг *I в. до н.э. — 1-й пол. I в. н.э.* среднеазиатские аналогии концентрируются именно в Хорезме 2-го периода бытования там знаков (рис. 28), хотя есть и аналогии более ранним (рис. 4/22; 27/18). Идентичные хорезмийским образцы отмечены прежде всего на фамильных бронзовых кочевнических котлах низовьев Дона (рис. 4/6, 8, 15) и Кубани (рис. 4/1), а также на серебряной посуде из Жутово (рис. 4/9, 12, 14). По одному донскому и кубанскому знаку из богатых могил и один — на танаисской плите (рис. 4/1, 9; 23/b, 4) идентичны тамгам хорезмийских *царей* на монетах (рис. 28/46, 50; 29/87) и, видимо, действительно отражают контакты знатных кланов. Некоторые из названных типов известны не только в Хорезме, но и в Бактрии (рис. 28/141, 163).

Среди сарматских тамг *сер. I — сер. II в. н.э.* немало точных *аналогов более ранним* хорезмским знакам 1-го периода (VI–II вв. до н.э.). Сравнительно «много» их на *Нижнем Дону* (рис. 5/37а; 44, 47; ср.:

рис. 27/25, 82 и общераспространенный[10] № 147) и соседнем *Северном Приазовье* (рис. 5/60, 62, 65; ср.: рис. 27/51 и № 148, 158 — общие для ряда территорий). Известны они также в Крыму (рис. 5/15–16, 20; ср.: рис. 27/34, 63, 111) и на Кубани (рис. 5/50, 59; ср.: рис. 27/3 и распространенный — № 143), а также на Верхнем Дону (рис. 5/126; ср.: рис. 27/14) и Правобережной Украине (рис. 5/81, 100; ср.: рис. 27/96 и распространенный — № 148) (территориях, которые сарматы заселили чуть позже).

Говоря о точных аналогах *примерно синхронным* хорезмийским знакам 2-й группы в Сарматии сер. I — сер. II в. н.э. (рис. 28), отмечу, что и здесь хорезмийские аналогии преобладают среди западнотуркестанских (однако бактрийские теперь почти не уступают по численности). Более всего идентичных форм по-прежнему *на Нижнем Дону* и соседнем Северном Приазовье (рис. 5/28, 44, 71; ср.: рис. 28/33, 52, распространенный — № 150), единичны они на Правобережной Украине (рис. 5/87; ср.: рис. 28/45), в Северном Приазовье (рис. 5/69; ср.: рис. 28/30) и на Кубани (рис. 5/51; ср.: рис. 28/138 — распространенный). Среди *царских* тамг Хорезма отметим 2 аналогичных знака в комплексах знати Нижнего Дона (могильник Царский) и Правобережья Украины (рис. 5/28, 84; ср.: рис. 28/50, 52); уточним, что первый знак бытовал в той же части Украины и позже — во II–III вв. (рис. 6/106), а в Хорезме он стоит на монетах Бивасара, чеканившихся ориентировочно с нач. IV в. (Вайнберг, 1977, 35–36, табл. XI, 3).

Позднесарматские точные аналоги *сер. II — сер. III в.* среднеазиатским ранним знакам периода 1 *почти целиком связаны с Хорезмом* (рис. 6/71–72, 80 — Боспор; 15 — Крым; ср.: рис. 27/3, 10, 58, распространенный — № 158). Среди примерно синхронных позднесарматским II–III вв. среднеазиатских знаков периода 2 (рис. 28) хорезмийские идентичные знаки по-прежнему заметно преобладают над бактрийскими (рис. 6/28, 31, 47 — Нижний Дон; 9, 20 — Крым; 73 — Боспор; 115 — Предкавказье; 92 — Южное Приуралье; 89 — Устюрт (вторичные изображения Байте III); ср.: рис. 28/14, 19, 36, 61, 67, 77 и распространенные — № 128, 131). Среди тамг Сарматии по-прежнему встречены несколько, идентичных *царским хорезмийским* на монетах (они встречены в *восточных* районах сармато-аланского мира, находящихся ближе к самому Хорезму, но связаны, несомненно, с сармато-аланами: рис. 6/89, 92; 26, а, левый знак; ср.: рис. 28/46, 29/86 — последний случай относится к царю, правившему несколько позже).

С *более поздними* среднеазиатскими знаками IV–VIII вв. (период 3) у тамг Сарматии II–III вв. также есть точные совпадения. Но они (в отличие от названного выше исключения: рис. 29/86) относятся в основном к совсем другой области — Чачу (бывшему центру Кангюя), отчасти — Согду.

[10] Т.е. употреблявшийся синхронно и на соседних территориях (в данном случае — в Согдиане и низовьях Сырдарьи).

Для наиболее поздних тамговых памятников Сарматии сер. III — кон. IV в. известны лишь два древних, ранних специфически хорезмийских аналога (рис. 7/5, 26; ср.: рис. 27/28, 122).

В целом для сармато-аланской знати на протяжении всего периода активного тамгопользования (от рубежа н.э. до сер. III в. н.э.) характерно употребление тамг, известных в иранском мире также у царей Хорезма.

6.4. Кланы Сарматии и Бактрия. Знаки, специфические для Бактрии периода 2 (рис. 28), не слишком часто встречаются в Сарматии. Впрочем, большинство бактрийских образцов изображалось на кирпичах фортификационных сооружений и явно относилось к *рядовым* кланам (см. выше). Для рубежа н.э. известен один точный кубанский аналог (рис. 4/1а; ср.: рис. 28/77), для сер. I — сер. II в. — по одному знаку в различных районах (рис. 5/12, 18, 48, 79; ср.: рис. 28/72, 84, 97, 104). Тамга № 6 из могильника Бельбек IV в Крыму идентична только одному из двух вариантов знака кушанского *царя Васудэвы* I (164/184–200/220) на монетах (рис. 28/104). Для *позднесарматского* времени такие аналогии есть у самой восточной группировки аланов, оставившей поздние тамги на Байте (плато Устюрт). Знак типа, изображенного на рис. 6/85а (ср.: рис. 28/107), известен лишь на гемме *царя Канишки I* (Harle, 1985, fig. 2) (см. выше раздел 5). Другой тип на Боспоре (рис. 6/53; ср.: рис. 28/170) являлся малым «дополнительным» знаком на монетах *царя Савромата II*. Наиболее тесные связи между двумя регионами проявились тогда, когда в 1-й пол. II в. н.э. в Южном Приуралье оформлялась «позднесарматская культура» на основе племен, видимо откочевавших с окраин кушанской Бактрии (Мошкова, 1994, 22). Популярное мнение о более ранних тесных связях I–II вв., к сожалению, не имеет под собой реальных оснований (Яценко, 2000а).

6.5. Кланы Сарматии и Кангюй (Чач). Западные окраины крупнейшей «кочевой империи» Западного Туркестана — Кангюя принято сегодня считать родиной могущественной орды донских аланов рубежа I–II вв. н.э., что подтверждается и сообщениями «Хоуханьшу», и другими материалами (см., например, последние сводки: Цуциев, 1999, 17–18; Габуев, 1999, 85–118).

Кроме того, по сведениям «Вэй люэ» (Вэйши. III.6а), до начала III в. н.э. Кангюю долго платили дань и сармато-аланы Южного Приуралья (страна Янь), и кочевники находившейся к западу и граничившей с Римом/Дацинь страны Лю (сармато-аланы Волго-Дона) (Яценко, 1997, 159; Treister/Yatsenko, 1998, 73–74). При таких условиях определенные политические связи аристократии Кангюя и отдельных сармато-аланских племен просто неизбежны (однако они были неравноправными, так как аланы с рубежа н.э. вплоть до начала III в. фигурируют в источниках как *данники* Кангюя). Посмотрим, как это отразилось в тамговом материале.

К сожалению, сравнивать материалы обеих территорий крайне сложно, так как в Кангюе пока не раскопано ни одного богатого погре-

бения (именно в них концентрируются наиболее интересные находки единичных и хорошо датированных тамг в Сарматии). Тем не менее показательно полное совпадение ряда редчайших типов тамг. Для I–II вв. это знак с Правобережной Украины (рис. 5/101; ср.: рис. 28/121).

Для II–III вв. у сармато-аланов мы имеем точные аналогии на более поздних кангюйских/чачских монетах III–VIII вв. (т.е. сразу же, как только в регионе началась их чеканка). Имеющиеся *более поздние* единичные чачские совпадения с «позднесарматскими» в данном случае не должны смущать,так как кангюйско-чачские знатные кланы могли начать пользоваться такими тамгами еще *задолго до того, как они стали правящими*. Это относится к специфическому знаку клана, «родственного Иненсимею Боспорскому» (правители г. Фаранкат), и одному боспорскому (рис. 5/56; 6/55; ср.: рис. 29/32). Подобным образом совпадают с чачскими и другие знаки I в. до н.э. — III в. н.э. из разных районов Сарматии. В числе «сарматских» соответствий есть и знаки простейших форм, распространенные в иранском мире (рис. 4/1а, 15; 5/15; 6/115; Драчук, 1975, табл. III/124; IV/211; V/422; VII/447; IX/604), но этот последний факт сам по себе малоинформативен.

6.6. Кланы Сарматии и Иран. Прежде всего привлекает внимание ряд уникальных для иранского мира аналогий в *нижнедонских* тамгах сер. I — сер. III в. знакам аристократии Ирана. Знак одного из парфянских правителей документируется в двух памятниках II–III вв. — на крупе коня со степи из могильника в Козырке (Соломоник, 1959, № 36) и на оселке из женской могилы в Ивлевке на Нижнем Дону (Скрипкин, 1978, рис. 1/8). Тамга Вологеза IV (147–191) (Sellwood, 1971, 179, tipe 84/131) и идентичная ей — последнего из Аршакидов — Артабана IV (216–225) (сцена его поражения от Арташира I на рельефе в Фирузабаде: Ghirshman, 1962, fig. 166; Vanden Berge/ Schippmann, 1985) изображена и на золотой броши из кургана 48 1-й пол. II в. н.э. у Казанской («Золотое кладбище» в Прикубанье) (Гущина/Засецкая, 1994, 37; табл. 14, № 142). Знак из Нисы (Толстов, 1947, табл. 1) занимает центр одной из «энциклопедий» в Танаисе (рис. 22/6, 4).

Тип крымской тамги I–II вв. (рис. 5/14) являлся основой для двусоставного знака одного из влиятельных раннесасанидских магов (Gyselen, 1995, fig. 2 A, b) (рис. 33/а, первая в среднем ряду). Тамга другого влиятельного мага (там же) идентична только образцу 2-й пол. I в. н.э. из окрестностей Ольвии (рис. 5/100). Знак на котле из станицы Еланской (сер. II — сер. III в.) (рис. 6/24), точнее, его зеркальное отражение, известен на сасанидской гемме V в. н.э., где представлен «Кердир-Варахран, Кушан-шах, сын Хосров-кердира, адурбед (хранитель огня)» — один из высших чиновников государства[11]. Знак, идентичный западноукраинской тамге (рис. 5/82), позже изображен на попо-

[11] Сердоликовая гемма из коллекции Jonatan Rosen (Нью-Йорк). Материал любезно предоставлен А.Б.Никитиным в апреле 1999 г.

не ближайшего сподвижника Арташира I в сцене поединка 226 г. с парфянским правителем на упомянутом рельефе в Фирузабаде, на монетах Шапура I (рис. 33/с, 8) и на головном уборе одного аристократа при дворе Шапура I на рельефе в Накш-и Раджабе (Naqsh-i Rajab) (Iranische Felsreliefs, I, 1989, fig. 2). Перед нами свидетельства каких-то связей персидской знати с аланской, датируемых, вероятно, самым началом сасанидской династии. Знак V в. н.э. на плитках из Ктесифона (Jänichen, 1956, Taf. 25) идентичен только образцу на нижнедонском котле рубежа II–III вв. (рис. 6/25).

6.7. Кланы Сарматии и Монголия, Южная Сибирь. Связь Сарматии и этих двух регионов не всегда была только *косвенной*. Информаторы 1-й пол. II в. н.э. таких авторов, как Дионисий Периегет и Птолемей, локализуют в Европе небольшие этнические группы уннов/хонов у устья Волги и в низовьях Днепра. Нет оснований смешивать их с более поздними гуннами IV–V вв. (Засецкая, 1994, 136–138; Яценко, 1998в, примеч. 13). С I в. н.э. в Сарматии появляется серия подражаний вещам *монгольских хунну*, реже — их подлинные изделия (Яценко, 1992а).

К сожалению, сегодня трудно сказать, какие именно знаки на петроглифах Монголии можно связать с историческими хунну, а какие — с их ираноязычными и иными предшественниками и данниками.

На рубеже н.э. аналогии монгольским знакам (которые, впрочем, известны и в других районах) единичны и встречены на котлах (рис. 4/3, 8). В I–II вв. именно в знаменитом скоплении петроглифов на р. Цаган-гол в Юго-Западной Монголии (где найдена также уникальная серия прототипов боспорских царских и аристократических «триденсов» II–III вв.) встречен знак будущего аорсского (?) царя Инисмея (Вайнберг/Новгородова, 1976, рис. 5, б) (рис. 34/а, 1; 35/с, 54; ср.: рис. 5/86). Здесь же обнаруживаем точные аналогии кубанским знакам (рис. 5/55) и наиболее близкие — сложным верхнедонским (рис. 5/120). Известны точные и наиболее близкие аналогии и в ряде других пунктов Монголии (рис. 5/12, 68–69, 107, 114). В их числе — серия знаков, известных и в промежутке между двумя регионами — в Западном Туркестане; они представлены в Сарматии как в I–II вв. (см. рис. 5/8, 19, 50, 60, 62, 81), так и во II–III вв. (рис. 6/22, 58).

В Анхановском улусе Хакасии осенью 2000 г. А.Г.Акуловым в ограде Большого Анхановского кургана на одной из вертикальных плит ритуальной ограды скифского времени обнаружены среди прочих «знак Фарзоя» (рис. 5/85), классический боспорский «триденс» (рис. 5/50), а на другой плите — знаки, идентичные известным ранним тамгам Кубани (рис. 4/1). Правобережной Украины и Боспора (рис. 5/81, 113) (фото плит предоставлены в феврале 2000 г.).

6.8. Кланы Сарматии и Согд. Вполне определенная близость материальной культуры кочевников Сарматии I–II вв. именно с Согдом

неоднократно отмечалась в литературе (см., например: Горбунова, 1994). На западе Великого пояса степей в римское время предполагают довольно активную деятельность согдийских купцов. Так, само название столицы в стране Яньцай/Аланьляо (прародине аланов) на Сырдарье по-китайски означало «согдийская дорога», а позже она названа «согдийским городом» (Зуев, 1995, 42, 46–48).

Обращают на себя внимание, прежде всего, разительные совпадения серии знаков сармато-аланской знати II–III вв. (последнего периода активного тамгопользования) и тамг на согдийских монетах различных областей VI–VIII вв. (Смирнова, 1981, табл. LXXXVIII–XCIV) (ранее традиция активного тамгопользования в Согде отсутствовала) (ср. выше раздел 6.5). Совпадения тамг и символики на позднебоспорских и согдийских монетах привлекали исследователей и раньше (Мусакаева, 1995, 27). Царский знак на находимых в районе Бухары подражаниях тетрадрахмам Евтидема рубежа н.э. (Зеймаль, 1978, 209, табл. II/5) (рис. 28/129) идентичен знаку из могильника Царский в устье Дона (рис. 5/28). Остальные аналогии известны у сармато-аланов на территории Украины. Тамга «родственника» Инесимея Боспорского известна на монетах как в Согде, так и в Чаче (рис. 6/55; ср.: рис. 29/32). Еще два знака также находят параллели в согдийской нумизматике (рис. 6/14,105; ср.: рис. 29/78–79).

6.9. Кланы Сарматии и держава индо-скифов. Обе точные аналогии царским знакам индо-скифов (Зейонисис и Гандофар)[12] известны в Крыму, но, к сожалению, могут датироваться лишь суммарно I–III вв. н.э. Это — зеркало, случайно обнаруженное в могильнике Бельбек IV (конец I в. н.э.), и знак из «энциклопедии» на ольвийском льве № 1 (рис. 5/13; 14, m; Драчук, 1975, табл. XLIV, кв. 49: здесь наложились две разные тамги). Исходя из датировки бельбекского погребения, знаки могли попасть в Крым вскоре после крушения индо-скифской династии, побежденной во 2-й пол. I в. н.э. Кушанами.

[12] Тамга Гандофара идентична знаку на монетах последнего парфянского царя Артабана IV (216–225) (Sellwood, 1971, 301, tipe 91 iii).

РАЗДЕЛ 7

ЗНАКИ БАССЕЙНОВ АМУДАРЬИ И СЫРДАРЬИ

Знаки Западного Туркестана (Средней Азии и Южного Казахстана), как уже отмечалось, известны в Хорезме, Согде и низовьях Сырдарьи к VI в. до н.э. Можно выделить *три основных периода* активного бытования их в регионе до массовых миграций тюрков и арабских завоеваний. ***1-й период*** охватывает время от начала активного использования знаков (VI в. до н.э.) и примерно до масштабной миграции кочевых племен с востока в сер. II в. до н.э. (рис. 27). ***2-й период*** связан с существованием кочевых династий в Бактрии, Хорезме и Кангюе и заканчивается к IV в. н.э. резким ослаблением Кангюя, распадом Хорезма и Кушании, активным вмешательством иранских Сасанидов и появлением новых влиятельных кочевников (рис. 28). ***3-й период*** продолжается до захвата значительных территорий Западного Туркестана арабами в VIII в. (рис. 29).

Знаки часто изображались на сырцовых кирпичах общественных зданий и стенах крепостей государственного значения. Представители населения (местных и дальних кланов) привлекались в таких случаях для изготовления кирпича в качестве трудовой повинности (см. выше). Неудивительно, что обилие типов знаков на кирпичах документируется прежде всего в период существования *сильного централизованного* государства в том или ином регионе (в Хорезме — в IV в. до н.э. — III в. н.э.; в Бактрии — в кушанский период сер. I — нач. IV в. н.э.) (рис. 27–28).

Обилие знаков *на керамике* (почти всегда гончарной) характерно также главным образом для двух наиболее тесно контактировавших с кочевниками регионов — Хорезма и Кангюя (Средняя Сырдарья). При этом необходимо учитывать, что, например, знаки на керамике, находимые на одном из городищ Хорезма, вовсе не означают, что они произведены именно здесь. Для Хорезма характерно наличие специальных поселков керамистов вдали от других населенных пунктов, которые снабжали всю округу под государственным контролем (Болелов, 1997, 19). По данным С.Б.Болелова, в одном небольшом населенном пункте при этом, *как правило*, «встречаются» ареалы торговой активности *нескольких* специализированных керамических поселков. Знаки

в античной и раннесредневековой Средней Азии обычно наносились в процессе производства на плечике крупных сосудов (горшки, кувшины, хумы), реже — в придонной части и на днище. Известны они и на сосудах небольших размеров (миски). (О назначении этих *«производственных знаков»* см. раздел 1.10.)

Изредка знаками помечали водосливные трубы (кобуры) (Елхарас в Хорезме: Древности..., 1991, гл. 3, рис. 46, II), хорезмийские оссуарии (Ясы-гыр 4: Яблонский, 1999, рис. 105/6; Миздахкан: Ягодин/Ходжаев, 1967, рис. 40–41) и терракоты Бактрии и Хорезма кушанского времени (I–III вв.), а иногда и раньше (Кой-Крыл-ган-кала).

Особое внимание исследователей привлекли знаки *на кирпичах* стен укреплений (изредка — дворцовых зданий) на таких городищах Хорезма, как Джанбас-кала (IV–III вв. до н.э.) (Толстов, 1948, 94), Елхарас и Капарас (IV в. до н.э.) (Гертман, 1991), Кургашин-кала (IV–II вв. до н.э.) (Хожаниязов, 1984, рис. 2), таких памятников кушанского времени, как Топрак-кала (II в. н.э.) (Топрак-кала, 1984, рис. 7), Кзыл-кала (I–II вв. н.э.) (Хожаниязов, 1986, рис. 7), Гяур-кала Султануиздагская (Рапопорт/Трудновская, 1958, рис. 111), Ток-кала (Гудкова, 1964, 35). Судя по количеству знаков, в строительстве небольших крепостей принимали участие представители от 8–10 до 15 кланов. В Бактрии наиболее представительные коллекции знаков получены на городищах в Бактрах II (Балх), Кей-Кобад-шах (Пугаченкова, 1978, рис. 19), Дальверзинтепе (Пугаченкова, 1978, рис. 123), Дильберджин (Пугаченкова, 1976, рис. 64). В Согде они обильно представлены в ранних слоях Самарканда (Shishkina, 1994, fig. 3), известны на керамике поздних поселений III–VIII вв. (Средняя Азия..., 1999, рис. 21/18, 26).

Начиная с рубежа II–I вв. или с I в. до н.э. в Кангюе, Хорезме, Бактрии и Согде появляются монеты с тамгами, принесенные с востока иранского мира новыми кочевыми завоевателями — юэчжами, усунями и саками (Массон, 1955, 167–169; Вайнберг, 1977; Зеймаль, 1978, 209–210; Zeimal', 1994) (рис. 28–29).

Весьма важен анализ немногочисленных «энциклопедий» Средней Азии. Так, во владениях Кангюя известно скопление знаков на скале Калмак-Крыган (Соломоник, 1959, рис. 33), в Бактрии — на колоннах храма в Тахти-Сангине кушанского времени (Литвинский/Пичикян, 2000, 114, табл. 28а), в Согде — на гончарной керамике (Средняя Азия..., 1999, табл. 21/18), а в Хорезме — на скалах возвышенности в Кара-тюбе (Толстов, 1948, 71–72, рис. 9, 13; табл. 19, 2).

7.1. Хорезм. В Хорезме древнейшие знаки на кирпичах появляются с момента использования последних на строительстве государственных объектов — в VI в. до н.э. (Гертман, 1998, 136). С рубежа VII–VI вв. до н.э., по любезной информации С.Б.Болелова, фиксируется и древнейшая серия знаков на керамике — в материалах 1997 г. с Хумбуз-тепе[1].

[1] Материалы раскопа 2 (предоставлены в сентябре 1999 г.). Поселение гончаров существовало здесь с рубежа VII–VI вв. по III в. до н.э.

В этом нежилом керамическом центре производство было начато, вероятно, мастерами из соседней Маргианы по собственной технологии. Возможно, этим первым мастерам (или скорее — их ученикам уже в VI в. до н.э.) принадлежат первые знаки трех типов (рис. 27/111–113). Эти крупные знаки (длиной до 5–7 см) были клеймом мастера *на глиняном диске его гончарного круга*. Позже (с IV в. до н.э., когда окончательно оформляется стандартизованное ремесленное производство под государственным контролем) знаки стали наноситься уже как *граффити на стенки сосудов* (известны, впрочем, исключения[2]).

Кирпичи со знаками хорезмийских общественных построек VI в. до н.э. — II в. н.э. (см. сводку типов на рис. 27–28) были изучены А.Н.Гертманом. Им были установлены для разных пунктов так называемые «основные» знаки изготовителей кирпичей (см. раздел 1) (Гертман, 1998, 144–146, рис. 2). Судя по его данным, наиболее интересными для нас являются прежде всего простые типы (рис. 27/63, 92, 149), которые использовались как минимум несколько веков (с IV в. до н.э. по II в. н.э.) и часто составляют на различных объектах более 10–20%. В целом существует определенная преемственность форм знаков до и после рубежного для Хорезма II в. до н.э. Предполагают, что определенный, наиболее широко распространенный знак мог быть «производственным» у группы людей, работавших на «столичных» объектах в подчинении «дворцового ведомства» (Топрак-кала, 1984, 22). В принципе это допустимо, поскольку, например, для строительства Высокого Дворца на Топрак-кале требовалось примерно 6 миллионов заготовленных на стороне заранее кирпичей... В Джанбас-кале выяснено, что два разных участка стен строили две разные группы кланов со своеобразными знаками (Толстов, 1948, 94–95).

Знаки-граффити на *гончарной керамике* особенно богато представлены на серии памятников VI–II вв. до н.э. (рис. 27) — Кой-Крыл-ган-кале (Кой-Крыл-ган-кала, 1967, табл. 86), Калалы-Гыр 2[3], Джигербенте (Вишневская, 2001, рис. 5–6). Речь идет, возможно, не о личных тамгах мастера, а о «производственном знаке» — своеобразном символе мастерской (см. раздел 1.10). В Калалы-Гыре 2 знаки процарапывались в процессе изготовления, как правило, на плечике хума или кувшина. Гораздо реже они встречаются в придонной части (кувшины, миски). В Джигербенте, напротив, преобладает нанесение знаков именно в придонной части сосудов. Знак-граффити ставился и на сосудах кочевых обитателей Хорезма (могильник Ясы-гыр, рубеж IV–V вв.: Яблонский/Болелов, 1991, рис. 4, а; 8, 1; 9, 7).

[2] Так, на кувшине 1987 г. из Калалы-Гыр 2 (IV–II вв. до н.э.) наряду со знаком-граффити в придонной части выдавлен гончарным кругом знак мастера на днище. Клейма на днище встречены также в могильнике I–II вв. н.э. Тарым-кая, оставленном новыми пришельцами-скотоводами.

[3] Раскопки Б.И.Вайнберг и С.М.Колякова 1985–1988 гг. Материал предоставлен С.Б.Болеловым.

Большой интерес представляет замечательная неопубликованная коллекция знаков на керамике *Кой-Крылган-калы*, собранная в свое время М.Г. Воробьевой[4] (рис. 30). Обычно знаки небрежно наносились острым предметом до обжига (исключения единичны), изредка на больших хумах — оттискивались штампом. Более всего знаков на горшках и кувшинах (чаще в придонной части, реже — на плечике, две или ручке), хумах (верхняя часть тулова, реже — придонная часть); гораздо реже они наносились на флягах (обычно на плоской стороне), бокалах и кубках (в нижней части), мисках и чашах (придонная часть, реже — дно) и крышках. Часто встречается простейший знак в виде вертикальной или горизонтальной полосы для мечения партий керамики. Однако есть и очень сложные знаки. Трудно объяснить наличие изредка рядом двух знаков на горшках, размещенных горизонтально (инв. № 55 ККК/33а и 55ККК/134) или вертикально (инв. № 53 КККК/65 Ц) (рис. 30/1–2). Возможно, это знаки мастера и будущего хозяина сосуда или знаки двух совладельцев.

Иногда одиночный знак в Кой-Крылган-кале появлялся на изображении какого-либо персонажа (терракоты; «царский» знак (рис. 28/51) на крупе лошади — изображение едущего воина-всадника на фляге. Кой-Крылган-кала, 1967, табл. CLXV, 17). Следует особо отметить серию знаков на поздних глиняных оссуариях VII–VIII вв. из Миздахкана (Ягодин/Ходжаев, 1967, рис. 40), где среди прочих есть два знака (рис. 29/94–95), типологически близких одному из «царских» (рис. 28/47).

Знаки на хорезмийских монетах сер. I в. до н.э. — VIII в. н.э. (рис. 28/44–52; 29/85–91) сравнительно хорошо изучены (Вайнберг, 1977; Zeimal', 1994, fig. 7). Чеканка началась почти одновременно с введением собственной хорезмийской эры, установленной новой, кочевой по происхождению династией (Рапопорт, 1998, 35)[5]. При значительном разнообразии царских тамг показательно наличие 7 «близкородственных типов» династии легендарных Сиявушидов (рис. 28/45–46, 50, 52; 29/86, 88–89) и так называемого «основного знака», по определению Б.И.Вайнберг, возникшего вскоре после начала чеканки (Вайнберг, 1977, 38). Выше говорилось о родстве части этих знаков с тамгами знати других ираноязычных этносов.

Сегодня известны и скопления-«энциклопедии» тамг. Наиболее интересная из них представлена в местности Кара-тюбе у единственной среди обширной равнины «скалистой» теснины Амударьи (Толстов, 1948, рис. 9–13). Для датировки петроглифов важно наличие на них специфических ранних хорезмийских знаков периода 1 (там же, рис. 13). Один из них изображен только на ранней керамике (IV в. до н.э.) в Капарасе (Древности..., 1991, рис. 71); другой — на синхронных кирпичах из того же пункта (рис. 27/7, 32). Видимо, здесь «отмечались» люди разных эпох (кроме знаков представлены простейшие геометрические фигуры и ряды пересекающихся линий), и четко отделить позднеантичные изображения, например, от раннесредневековых пока почти невозможно.

Другое скопление представлено на маленьком хорезмийском серебряном сосудике, найденном в кургане под Шадринском в Южном Приуралье (Сальников, 1952, 194, рис. 1) (рис. 34, е). Здесь аккуратно процарапаны царский знак (рис. 28/52) и хорезмийские знаки еще двух типов (рис. 28/16,155), датируемые периодом 2.

В поздний период известны и тамги на бронзовых печатях владельцев отдельных замков (замок № 9 VII–VIII вв. в Беркут-калинском оазисе: Неразик, 1966, рис. 67; 11).

7.2. Согд. Древнейшие знаки Согда известны на кирпичах крепостных стен самых ранних слоев его столицы — городища Афрасиаб (древней Мараканды/Самарканда) (Shishkina, 1994, fig. 2; Иневаткина, 1995) (рис. 27/127–139, 144–149, 151, 158). Они датируются VI в. до н.э. (доахеменидским временем)[6]. Эти ранние знаки прочерчены весьма небрежно; наиболее часто встречены типы 127,145–146,161.

Большой интерес представляет изображение уникальной тамги на левом бедре лошади главного героя какой-то эпической сцены из кургана 2 могильника Орлат (Курган-тепе) под Самаркандом (Antiquities..., 1991, № 244–245; Яценко, 2000б, рис. 2/б) (рис. 28/130). Различные авторы резко разошлись во мнениях, датируя эту нарушенную могилу в широком диапазоне — от I–II до IV в. н.э., но сегодня преобладает первая версия.

Тамги на монетах китайского образца политически раздробленного раннесредневекового Согда весьма разнообразны (рис. 29/52–80) (см.: Смирнова, 1981, табл. LX–XCIV; Zeimal', 1994, fig. 3–4). Они изображались на реверсе справа или слева, парами по обе стороны квадратного отверстия (само отверстие, обрамленное ободком, тоже часто задумывалось как составная часть знака). Изредка пара тамг соправителей (?) ставилась рядом (Смирнова, 1981, табл. LXXXVIII, № 1426–1428) (рис. 14, п; здесь левая изображает специфическую букву «но» алфавита кхароштхи). Особенно устойчива в монетной чеканке самаркандских ихшидов тамга типа, представленного на рис. 29/74 (лишь Вархуман в сер. VII в. использовал ее зеркальное отражение: рис. 29/54). «Малый», дополнительный второй знак в согдийских династиях мог не только индивидуально изменяться, но и повторяться (тамга на рис. 29/73 у трех правителей: Zeimal', 1994, fig. 3/1, 4–5). На монетах отдельных владений (Пенджикент) к клановой тамге каждый последующий правитель мог добавлять одну-две дополнительные симметричные черточки (Ibid., fig. 3, 12–14) (рис. 29/64, 72, 76).

[4] Передана С.Б.Болеловым в октябре 1999 г.

[5] Высказывалось даже мнение, что все эти монетные типы восходят к монетам индо-греческого царя Артемидора (Шаров, 1998, 11).

[6] *Их доахеменидская* датировка стала вполне очевидна большинству исследователей лишь в сер. 80-х годов.

Граффити-тамги на керамике в опубликованных материалах крайне скудны. Они известны на сосудах из Джаналь-тепе в Южном Согде (датированных в первоначальных публикациях не позже VI в.) (Кабанов, 1963, рис. 4). Здесь два из трех знаков (сравнительно удовлетворительно сохранившихся) изображают... тамги более поздних правителей — Тургара и, видимо, Вархумана (рис. 29/79, 54).

7.3. Бактрия/Тохаристан. В Бактрии распространение тамг совпадает с завоеванием этой области кочевниками — большими юэчжами во 2-й пол. II в. до н.э. В основном известные сегодня знаки изображались на кирпичах юэчжийско-кушанских крепостей периода 2 (рис. 28). Количество знаков на каждом памятнике зависело (помимо степени его изученности), разумеется, от масштабов строительства. Так, в Кей-Кобад-шахе — всего три типа знаков, в крупном Дальверзинтепа — 12 типов (Пугаченкова, 1978, рис. 123), в Дильберджине — 19 (Пугаченкова, 1976, рис. 64). Иногда и крупные здания включали кирпичи со знаками множества типов (дом 3 в Ханака-тепе — 23 типа!) (Пугаченкова, 1963, рис. 2), вероятно — из разобранных стен старых укреплений.

На монетах Кушан (рис. 28/98–107,120) у первого царя — *Куджулы Кадфиза* (по хронологии Н.Симс-Вильямса и Д. Крибба — 30–80 гг. н.э.) (№ 98) тамга еще очень близка знаку правившего перед ним индоскифского царя Гондофара. Но начиная с третьего правителя — *Вимы II Кадфиза* (90/110–100/130) (№ 99) все Кушаны в верхней части своей тамги изображали родовой знак — четырех-, реже — трехзубую «вилку», а низ оформлялся индивидуально. Некоторые цари изображали на своих монетах близкие или разные тамги (Куджула Кадфиз: рис. 28/98, 120; Васудэва I: рис. 28/104 и четырехзубый вариант), а поздние правители, *Васишка* (222/242–240/260) и *Каншка III* (241/261–270/290), имели одинаковый знак: рис. 29/103. Кушано-сасанидские монеты кушанского облика (III–IV вв.) также часто подражают чекану одного из последних сильных правителей Кушании — *Васудэвы I* (164/184–200/220). На них наряду со старыми знаками (в том числе с переосмысленным шиваистским символом nandipada — рис. 28/117 и измененной тамгой Васудэвы — рис. 28/118) появляются знаки сасанидских наместников — кушаншахов. В раннее средневековье в Тохаристане на монетах преобладает одиночная тамга определенного клана (Zeimal', 1994, fig. 6, 2–8).

Иногда (как впоследствии — у иранских Сасанидов) кушанские аристократы носили шапки, на боку которых помещалась крупная тамга (№ 105) (Rosenfield, 1967, pl. 4: скульптура «князя» в династийном святилище в Матхуре).

Скопление тамг известно на базе каменной колонны в святилище Тахти-Сангин, оно уже описывалось мною (Литвинский/Пичикян, 2000, 114, рис. 28а) (рис. 31). Здесь было изображено множество знаков, но из-за того, что они наносились слишком тонкими линиями, большинство из них со временем стерлось. Читаются 4 скопления с 19 тамгами 16 типов. В каждом скоплении от 2 до 7 знаков, причем есть уникальные образцы; они ни разу не перекрывают друг друга и в целом обычно расположены в линию. Наибольшее сходство эта коллекция имеет с более ранними тамгами Хорезма периода 1 (рис. 27/9, 55, 111 и другие, менее для Хорезма специфичные).

Не менее интересно скопление знаков в богатой усадьбе кушанского города Дальверзинтепе (объект Дт-6). Они нанесены на штукатурку северного сектора стен обводного коридора (какие-то знаки отмечены еще на пяти участках) (Тургунов, 1978, рис. 31/1). Изображены тамги 6 типов и разных размеров, причем один из типов повторен трижды (рис. 28/157) (см. также: рис. 28/159, 52, 54, 69, 75–76). Попытка Дж.Я.Ильясова с помощью очень сложной логической цепочки доказать, что эти тамги нанесены много позже захватчиками-*эфталитами*, опираясь лишь на весьма отдаленное сходство тамг на терракотовой лошадке с городища (рис. 28/69) и одной из тамг на стене (№ 75) (последнюю исследователь, несмотря на серьезные различия в формах верха и низа считает «идентичной» знаку на монетах эфталитов-алхонов) (Ильясов, 1999, 33–34), содержит множество необоснованных натяжек и, к сожалению, не может быть принята.

7.5. Кангюй/Чач. В римское время Кангюй играл важную роль в регионе, контролируя северный участок Великого Шелкового пути. Местная монетная чеканка начинается во II в. до н.э. надчеканами на греко-бактрийских монетах Евкратида (Массон, 1955, 167–169) (рис. 29/14). Позже, со II–III вв. сходные тамги изображались на реверсах монет собственного чекана (Буряков, 1982, 117–118; Zeimal', 1994, fig. 6, 1–5) (рис. 29/38–40). Среди первых «правителей Чача» упоминается Наваншар (№ 40), из более поздних — Bnčkr, Rwčk, Tarnavch и др. (№ 31). В отдельных владениях на доарабских монетах стабильно встречаем тамгу правящего клана (Zeimal', 1994, fig. 6; Rtveladze, 1998), среди них Фаранкат (рис. 29/32), Кабарна (№ 33), Канка (№ 35).

Знаки на керамике изображались в основном в верхней части тулова горшков и кувшинов, изредка в их придонной части (рис. 29/20) или на ручке (Максимова и др., 1968, рис. 15/11), у горловины хумов, на стенках мисок.

Скопления-«энциклопедии» в «коренных» землях Кангюя на Средней Сырдарье пока неизвестны. Одно из них весьма небрежно зарисовано А.А.Спицыным и изображено на скале Калмак-Кырган где-то на вассальных от кангюйцев землях[7] (рис. 34, d). Здесь из шести читаемых знаков есть точные аналогии нижнедонским тамгам II–III вв. (№ 2,4 — рис. 6/25–26) и наиболее близкие — крымскому знаку I–II вв. (№ 1 — рис. 5/14).

[7] Архив ИИМК (СПб.), ф. 5 (А.А. Спицына), № 311, л. 180.

7.6. Средняя Амударья. В районе Амуля на ряде поселений известны главным образом знаки на кирпичах небольших крепостей (на возведении работали представители не менее 5–7 кланов). Большинство построек с ними относится к I–IV вв. н.э., часть датируется V–VII вв. (Бурханов, 1993, рис. 33, 80–82).

7.7. Низовья Сырдарьи. Здесь для периодов 1 и 2 мы имеем только знаки на керамике (Левина, 1994, рис. 97, 106–107; Вайнберг/Левина, 1998, рис. 81).

РАЗДЕЛ 8

ЗНАКИ ИРАНА

Знаки Ирана изучены весьма односторонне. (Речь идет об Иранском государстве применительно к эпохам Аршакидов и Сасанидов в его тогдашних границах, а не только о современной территории Исламской Республики Иран.) Основное внимание исследователей, как правило, сосредоточено на сасанидских «монограммах» аристократии (см. выше) (Jänichen, 1956, Taf. 26). Опубликованы также коллекции знаков на камнях и кирпичах построек в ахеменидских центрах: Персеполь, Пасаргады, Бехистун, Сузы и Сарды, а также тамг на ахеменидских печатях, исследованиями которых занимался прежде всего Джон Бордман (Herzfeld, 1988, fig. 338–339; Boardman, 1998, fig. 1–3, 7–13; 2000, 118, fig. 3/38, a–f). Они имеют множество общих типов с более поздними образцами Сарматии и синхронными — Средней Азии (рис. 32, а).

На ахеменидских монетах известна целая серия знаков-ниша (Boardman, 1998, pl. 4–5). На серебряных сиклях подчас сохраняются дополнительные надчеканы, сделанные в отдельных сатрапиях. Это простые знаки (свастика, ориентированная по часовой стрелке; крест с округленными концами; дуга; «буква Е» и др.). По одной из версий, они наносились официальными представителями сатрапов (Бирюков, 1995, 12; рис. на с. 7).

Особый интерес представляет *«энциклопедия» знаков, нанесенная поверх парфянского рельефа* с пешим стреляющим лучником на обломке скалы в горах *у селения Кир* (к юго-востоку от Фирузабада в Южном Иране) (Huff, 1984, 227, Abb. 5) (рис. 33, е). Здесь было грубо изображено не менее 31 типа тамг (вероятно — сасанидского времени), часть из которых встречена по нескольку раз (№ 2–4, 10, 12, 15). Они размещены в определенном порядке — вдоль краев рамки старого рельефа и вертикальным рядом в центре. Видимо, еще позже здесь были нанесены вписанные в пустое пространство (и частично — в крупные тамги) мужчина-охотник с двумя копьями, еще один пеший фаллический персонаж, рядом — не менее пяти животных. Более $^{1}/_{3}$ типов тамг Кира имеют точные соответствия в знаках других иранских этносов древности (№ 1, 4, 6–8, 10–15, 26, 31). Вероятно, тамги высечены при следующей династии Сасанидов (при Аршакидах вряд

ли бы стали уродовать сплошь небрежно сделанными гравировками официальное культовое изображение).

Царские знаки Аршакидов (рис. 33, в/1–6) и Сасанидов (рис. 33, с/7–13) на монетах и каменных парадных рельефах заслуживают серьезного внимания. Они при обеих династиях были достаточно просты по форме. Показательно, что у большинства Аршакидов, как и у двух первых Сасанидов, в центре фигуры тамги часто имеется круг (незаполненный). Иногда на разных предметах, принадлежащих одному шаханшаху (головной убор, конская попона, монеты), видим разные тамги (две — у Артабана IV: рис. 33, b/6 и аналогичный рис. 18/6; три — у Арташира I: рис. 33, c/a–c).

Не могут ли сами типы этих знаков рассказать нам в ряде случаев (при сопоставлении с материалом других ираноязычных территорий) о родственных или политических связях со знатью других стран? Думается, иногда это возможно. Так, тамга Вологеза III (111–146) (№ 5) в это же время известна только в Бактрии (рис. 28/77), зато в Сарматии представлена в ближайшем к Ирану заселенном тогда сарматами районе — Прикубанье еще на рубеже н.э. (рис. 4/1а). Тамга парфянского правителя Вологеза IV (№ 6: Sellwood, 1971, 279, tipe 84/131) ранее была хорошо известна только в Хорезме (рис. 27/71), а примерно во время правления последнего — в Бактрии (Дальверзинтепа — рис. 28/97) и среди поздних тамг Байте III на Устюрте. Знак на монетах последнего парфянского царя Артабана IV (Sellwood, 1971, 301, tipe 91, iii) идентичен тамге на монетах индо-сакского царя Гондофара (ок. 20–55 гг. н.э.) (Simonetta/Widemann, 1978, 169–186; The Crossroads…,1992, № 32, 33). Редчайший тип тамги одного из приближенных первого правившего Ираном Сасанида — Арташира I (225–240) (№ 8) примерно за полтора столетия до его воцарения отмечен на золотых вещах высшей знати западноукраинской Аорсии (рис. 5/82) и не известен более нигде. А другой редчайший тип — тамга одного из последних Сасанидов — Хосрова II (№ 12) — представлен ранее лишь в одном пункте иранского мира — в древнем Самарканде еще в VI в. до н.э. (рис. 27/130). Вести речь о «простом совпадении» *во всех* названных ситуациях вряд ли возможно. В случае наличия *более ранних прототипов* на соседних с Ираном территориях, заселенных родственными народами, можно допустить какую-то связь (браки знати, покровительство?). В случае же идентичности того или иного царского позднепарфянского знака с *синхронными* знаками соседних стран — Хорезма и Бактрии (при этом явно принадлежавшими *рядовым* кланам, так как они поставлены на кирпичах, изготовлявшихся местными жителями на строительстве крепостей в порядке *трудовой повинности*: см. раздел 1.8, и на кухонной керамике рядовых жителей) можно предполагать совпадение типов знаков из общего древнеиранского наследия. Упомянутый знак клана одного из приближенных к первому Сасаниду (тип которого мог сложиться еще в парфянское время) вполне может отражать родство с сарматской знатью (учитывая, что в Сарматию аорсский или аланский

клан принес ее в сер. I в. н.э. из своих исходных территорий на Северном Кавказе).

Оригинальной иранской особенностью с парфянского времени является манера изображать крупный царский знак-nišan справа на головном уборе двух типов — конической и полусферической формы, свойственных соответственно, по мнению В.Г.Луконина, чаще жрецам и светским чиновникам (Луконин, 1961, 53–54; Iranische Felsreliefs, I, 1989, fig. 2). В одном случае на греческой шапке тамга изображена в ряду семи схематических изображений мирового дерева (печать Вахудена-Шапура, «анбарката Ирана»: Луконин, 1961, табл. XXXVI, №.17; Фрай, 1972, 52). Такая «тиара», пожалованная самим шаханшахом, давала «право на участие в царском столе, голос на совещаниях с царем и подачу мнения в советах» (Amm. Marc. Res gestae. XVIII. 5–6). Как уже отмечалось (раздел 1), известны греческие уборы, где клановый крупный знак изображен на обычном месте справа, а малый простой (видимо, дополнительный знак отдельной семьи) — надо лбом (Gyselen, 1995, fig. 7) (рис. 14/а). Одной из наиболее впечатляющих сцен с серией тамг на шапках придворных является рельеф второго сасанидского шаханшаха Шапура I со спутниками в Накш-и Раджабе (Iranische Felsreliefs, I, 1989, fig. 2). Не менее интересен рельеф в Фирузабаде со сценой победы Арташира I над парфянским Артабаном IV, где тамги враждующих правителей украшают сплошными рядами конские попоны (рис. 33, b/6 и c/7а), а также головные уборы скачущих за Арташиром приближенных (Vanden-Berge/Schippmann, 1985). У второго из едущих за шаханшахом и на головном уборе, и на попоне видим оригинальную тамгу (рис. 14/о; Vanden-Berge, 1984, fig. 12), которая на более позднем батальном рельефе Хормизда II в Накш-и Рустаме принадлежит падающему с коня противнику (Ghirshman, 1962, fig. 219).

Начиная с парфянского Орода I (80–77 гг. до н.э.) (Sellwood, 1971, 85, tipe 31, iii), такая тамга иногда изображалась на головном уборе *правителя*. У Сасанидов эта парфянская традиция известна уже с Арташира I (Chegini/Nikitin, 1996, pl. I, Ardashir I, a); позже тамга изображена у другого шаханшаха на блюде из Красной Поляны со сценой охоты на медведей (Harper, 1981, pl. 9).

Детальный анализ *«монограмм»* аристократии (у шаханшахов тамги были намного проще по конструкции!) давался в литературе неоднократно (см. последнюю сводку: Gyselen, 1995, fig. 1–7). Однако считать эти знаки, вслед за преобладающей сегодня в науке версией Э.Херцфельда (см. Введение), собственно *монограммами* из букв имени носителя, на мой взгляд, нет оснований. Дело в том, что они почти никогда не содержат *букв* алфавита пехлеви и легко «разбираются» *на два-три составляющих элемента*, почти во всех случаях идентичных *обычным тамгам других иранских народов* того времени (рис. 33, а). В случае наличия *двух* компонентов можно предполагать образование нового типа путем соединения знаков двух аристократических (родительских?) кланов (см. раздел 1.3 и 1.5). *Трехкомпонентные* тамги

встречаются гораздо реже. Можно допустить, что они возникли из «двойных» тамг путем очередного разделения знатного клана. В любом случае надо обладать неудержимой фантазией, чтобы вслед за многими известными иранистами увидеть в таких знаках *реалистические изображения наверший зороастрийских храмов или штандартов, символы сложных титулов* и т.п. (см. Введение).

На *кирпичах* крепостей северо-восточных окраин государства (в Южной Туркмении) известны тамги строителей. Во всех случаях тамги явно принадлежат кланам согнанных на стройку местных жителей (см. раздел 1). Самые ранние знаки здесь связаны еще с древними жителями Маргианы III в. до н.э. — периода господства Селевкидов. Их содержат крепости в Мерве — Гяур-кала (Ташходжаев, 1968, рис. 6) и Эрк-кала (Усманова, 1968, рис. 24) (рис. 33, d/1–30). К более позднему времени относятся небольшие крепости в Акдепе (Губаев/Логинов, 1998, рис. 8/3–5) (рис. 33/31,35), у селения Кеши (Росляков, 1955, рис. 3) (рис. 33, d/32–34). При этом, естественно, каждая коллекция очень своеобразна. Если для сооружения обеих крепостей в многолюдном районе Мерва использовался труд большого числа разных кланов (в разведочных работах документировано примерно по 15 знаков в каждой; при этом насчитывается всего два общих типа, и в качестве знака иногда фигурировали четыре разные *буквы*), то для маленьких укреплений в Кеши и Акдепе документировано всего по три типа в каждом из случаев.

Публикаций по знакам на керамике весьма немного; они касаются территории Месопотамии парфянского времени (Oats/Oats, 1958, 126–129; pl. XXI–XXII; Dyson, 1968, 52; № 336–369).

РАЗДЕЛ 9

ТАМГИ ЮЖНОЙ СИБИРИ И МОНГОЛИИ

Языковая принадлежность племен Южной Сибири и большей части Монголии в скифское время остается неясной. Об ираноязычности населения Саяно-Алтая могут свидетельствовать как прямые факты (топонимия, фонд имен, специфическая близость фольклора), так и косвенные (наличие общеиранских предметов плечевой одежды, головных уборов и др. со специфическим декором: Яценко, 1999; длинный перечень общих с достоверными иранцами элементов культуры в указанное время). Большинство знаков региона встречено на петроглифах, и во многих случаях встает вопрос об уточнении их датировки.

Интерес к этим знакам начался с публикации Б.И.Вайнберг и Э.А.Новгородовой серии тамг с р. Цаган-гол в Юго-Западной Монголии, имеющих прямые параллели в царских тамгах сарматов, Боспора и Хорезма (Вайнберг/Новгородова, 1976, рис. 5) (рис. 34, а; см. раздел 6.7). В дальнейшем А.П.Окладниковым (Окладников, 1980; 1981) были опубликованы обширные скопления в других пунктах Монголии, где знаки иногда изображены в окружении однотипно нанесенных «сакских» петроглифов скифского и более позднего времени, — на горе Тэбш, в Бикчите, Тайхар-Чулуне, Аршаан-шаде и др. Сходные с алтайскими и монгольскими тамги изредка встречаются вплоть до района Ордоса (этнический состав населения которого в скифское время точно не определен) (ср. знак среди петроглифов гор Yinshan, примыкающих с севера к Ордосу: Gai Shanlin, 1986, fig. 456; ср. близкий знак: рис. 35/26).

Несомненно, многие такие тамги были нанесены до установления в регионе власти племени хунну (конец III в. до н.э.). Знаки самих хунну почти неизвестны (вероятно, тамги их предков и их самих отчасти представлены в знаках Восточной Монголии). Хуннусские тамги изображены, видимо, на черепице здания китайского типа в Хакасии (Киселев, 1951, табл. XLV).

В Южной Сибири наибольший интерес представляют тамги на ритуальной (погребальной) деревянной имитации конской узды в могильниках пазырыкской культуры Горного Алтая VI–III вв. до н.э. (Башадар № 2, Пазырык № 3–5, Шибе) (Полторацкая, 1962) (рис. 35, а). Здесь

представлены знаки разных кланов (в Башадаре — 11 типов, в кургане 1 Туэкты — 8), видимо участвовавших в погребении аристократа и жертвовавших для этого своих коней. Особенно важен на этом фоне Пазырык — «эталонный» могильник знати. В нем в каждой из могил найдена жертвенная узда *со знаками всего двух типов* (вероятно, дары от кланов отца и матери умершего). При этом курганы 3 и 5 дают уникальные типы, а в кургане 4 оба типа известны и в других синхронных могильниках округи (кург. 2 в Туэкте; кург. 2 в Башадаре). Вероятно, к тамгам нужно отнести и разнообразные знаки на бронзовых серпах тагарской культуры (Полторацкая, 1962).

Среди «энциклопедий» следует отметить неопубликованные тамги на одном из двух менгиров из песчаника высотой до 3 м, образующих «ворота» в восточной части Саблыкской котловины в Хакасии — предполагаемом «пантеоне» тагарских «царей» (Кызласов, 1986, 139; материал не опубликован). Не менее интересны два менгира из ограды Большого Анхаковского кургана, описанные в октябре 2000 г. А.Г.Акуловым. На одной из граней каждой плиты изображено не менее 5–6 различных знаков, обычно имеющих аналогии в Сарматии (см. раздел 6.7). В гунно-сарматское время на Алтае известно скопление у Калгутинского рудника (Молодин/Черемисин, 1996, рис. на с. 48) со знаками, почти во всех случаях имеющими аналогии с тамгами Средней Азии и Сарматии (рис. 34, b; см. раздел 6.7).

Единичные тамги наносились на поминальную стелу у края кургана: пазырыкские могильники Уландрык IV (Кубарев, 1987, рис. 3; табл. LXVII) и Бар-Бургазы II на юге Алтая (Кызласов, 1997, 179, рис. 6/1) (рис. 35, a/24; b/26). На немногочисленных находках алтайских костяных стрел со знаками отмечено до 12 их типов, иногда наклонных под разными углами (Кочеев, 1994, рис. на с. 58) (ср. 28/26, 64, 170; 35/11–12, 14–15, 35, 43, 77).

РАЗДЕЛ 10

СООТНОШЕНИЕ ТАМГ ИРАНСКИХ И ТЮРКСКИХ НАРОДОВ

При *сравнении* тамгопользования этих двух крупных *культурных миров*, фактически *сменивших один другого*, обращает на себя внимание **ряд серьезных, принципиальных отличий. 1.** Сармато-аланские (и преемственные им центральнопредкавказские) и таджикские тамги у их носителей, в отличие от тюрков, не ассоциировались с образами конкретных предметов, природных явлений и т.п. Соответственно они не имели названий — типа тюркских «луна», «удила», «серьга» и т.п., а обозначались как «знак рода...». **2.** В целом по конструкции тамги даже тюркской *знати* в среднем проще иранских (см., например, тамги современных жителей Горного Алтая — одной из пародин тюркских народов: Позднакский, 1991, рис. 2–3; хорошо изученные знаки родовых подразделений трех казахских жузов: Востров/Муканов, 1968, с. 84–105). **3.** У тюркских народов, в отличие от документируемых материалов по иранским этносам, кроме *клановых* знаков широко использовалась тамга *всего племени* (см., например, тамги 24 огузских племен: Nickel, 1973, fig. 11) или *всего государства* (как бы заменявшая государственную печать). В тюркских каганатах существовали должности **тамгаханов** — хранителей таких тамг (от одного до трех чиновников) (Драчук, 1975, примеч. на с. 42). **4.** Только у тюрков (и позже — у культурно тесно связанных с ними монголов) документируется специфическая практика, когда каган (хан) назначал тамгу племенам и различным знатным кланам. Так поступали уже легендарный предок ряда тюркских племен Огуз-каган (Огуз-наме: Щербак, 1959а, 32; Митиров, 1979, 129; Рашид ад-Дин, 1991, 64) и, по данным Рашид ад-Дина, другой эпический правитель — Кун-хан, сын Узун-хана, а позже монгольские великие ханы — Чингиз-хан и др. (Митиров, 1979, 129). **5.** Только у ряда тюркских народов достоверно документируется частое использование (не ремесленниками!) не столько клановых, сколько *семейных и даже личных знаков* (см., например: Катанов, 1893, 110), причем старшие сыновья, отделяясь от отца, слегка видоизменяли его знак (Джикиев/Мурадов, 1987, 53).

Решение этого большого и серьезного вопроса осложнилось в последние десятилетия помимо недостаточной разработки методологии

и методики исследования тамг и отсутствия необходимых сводок по регионам и хронологическим периодам и чисто *политическими и идеологическими обстоятельствами* — пантюркистскими настроениями или достаточно жестким национализмом отдельных турецких, казахских, татарских и алтайских ученых. Последние подчас стремились вопреки сведениям китайских источников о тюркском этногенезе отнести непосредственное выделение предков тюрков еще ко II тыс. до н.э (!) и доказать большое культурное влияние предполагаемых прототюрков (прародина которых и сегодня не выяснена окончательно) на многие соседние народы. Показательно, что практически все авторы, решительно утверждающие сегодня «тюркоязычность» скифов, саков и других древних номадов, не имеют необходимой для таких выводов профессиональной лингвистической подготовки.

Сегодня большинство ученых всего мира по ряду причин относят племена «восточносакского круга» Саяно-Алтая, части Монголии и Северо-Западного Китая к иранской группе языков (к «сакам»)[1].

Древнейшим предкам собственно тюрков — небольшому *смешанного* происхождения племени, проживавшему до середины V в. н.э., судя по китайской «Суйшу», в горах у оазиса Турфан в Синьцзяне (Восточном Туркестане) (Эршиу ши, 1956, т. 3, 2336–2340; Кляшторный, 1964, 103–104), *изначально пришлось столкнуться с ираноязычным окружением* в облике хотано-саков и малых юэчжей. С VI в., после создания царским родом Ашина мировой империи — Первого тюркского каганата — тюрками были захвачены и вскоре заселены многие территории, ранее занятые иранскими народами (прежде всего Западный Туркестан и Южнорусские степи). Естественно, в раннем средневековье какое-то время должны были существовать *смешанные* иранотюркские этносы. О.Прицаку удалось весьма убедительно показать, что таким народом были, в частности, печенеги (Pritsak, 1976, 6–10, 23–26). Значителен сако-массагетский пласт в этногенезе огузов и туркмен, что отразилось и в облике их тамг (Гундогдыев, 1998, 555). С другой стороны, отдельные кочевые иранские племена спустя несколько веков сохраняли в условиях господства гуннов, а затем — тюрков свои древние традиции и ассимилировались весьма медленно. Таковы были аланы-берсалы (барсилы, басилы) правобережья Нижней Волги[2]. Уже Первый тюркский каганат во 2-й пол. VI в. активно контактировал с теми ираноязычными странами, где документируется к тому времени активное тамгопользование (Иран, Хорезм, предкавказская Алания), или просто включил их в свои владения (Согд, Тохаристан). В подобных условиях использование знатью части старого иранского тамгового наследия было почти неизбежным. Поэтому видеть в ирано-тюркских тамговых аналогиях лишь «случайные совпадения простых геометрических форм, которые нельзя принимать в расчет» (Соломоник, 1959, 19), особенно без сколько-нибудь системного сопоставления, походя, кажется методологически ошибочным и недопустимым.

Не меньшую опасность для объективного освещения ирано-тюркских контактов в этой области представляют «патриотические» настроения части *ираноговорящих* ученых Осетии и Ирана (и сравнительно небольшой *объем* таких публикаций не означает в данном случае меньший вред для науки). В частности, нет никакого смысла производить от сармато-аланских корней тамги народов *Восточного* Предкавказья (народы Дагестана и, разумеется, тюркоязычные ногайцы или монголоязычные калмыки). Нет оснований также выводить все или бо́льшую часть тамг *тюркских* народов от *ираноязычных* предшественников на занятых древними тюрками территориях, так как значительная часть их типов в иранском мире все же не представлена.

[1] Весьма показательны в этом плане, например, работы ряда алтайских гуманитариев последних лет, объявляющих всех ученых—сторонников *ираноязычности* носителей пазырыкской культуры скифского времени «платными агентами кремлевских колонизаторов».

[2] Впервые об аланах-берсалах на правобережье Нижней Волги достоверно сообщается в «Истории» сирийского автора Иоанна Эфесского (2-я пол. VI в.). Этот этнос сохранил, например, вплоть до IX в., находясь в тюркском окружении, свои основные погребальные традиции «позднесарматского» времени (см.: Васюткин, 1995, 74, 79).

РАЗДЕЛ 11

ТАМГИ СРЕДНЕВЕКОВЫХ АЛАНОВ

Эпоха, промежуточная между сарматской и ранним средневековьем — *гуннская* (конец IV — V в.) — с ее политической нестабильностью, масштабными миграциями и политически приниженным положением аланов под гуннской властью, почти не дает находок изображений тамг аланов по всему ареалу их рассеивания[1].

До недавнего времени в науке господствовала версия *о резком преобладании тюркоязычного населения* в раннесредневековых степях Европы. Она была убедительно подвергнута критике в диссертации и монографии О.Б.Бубенка на основе всестороннего анализа письменных, археологических и иных источников (Бубенок, 1995; 1997). Крупные группы аланов на основании археологических и письменных источников документируются в Западном и Центральном Предкавказье, в верховьях Дона и Северского Донца, в Горном Крыму. Анализ некоторых письменных сообщений, краниологии одной из групп погребенных могильника крепости Саркел на Нижнем Дону также позволил О.Б.Бубенку достаточно убедительно показать наличие здесь довольно значительной группы аланского населения[2]. Знаки этих регионов VII–X вв. сведены мною в таблицу (рис. 36). Проблема состоит в том, что эти районы (прежде всего — Нижний Дон) были отчасти *контактными зонами* с тюркскими этносами (болгарами, хазарами, печенегами), а в Крыму — с греко-византийцами (также пользовавшимися для мечения вещей знаками простых форм и единичными буквами). Поэтому надежно выделить тамги ираноязычного и тюркоязычного и даже греческого населения на сегодняшний день во многих случаях трудно. Отчасти в этом помогут аналогии с более ранними сармато-аланскими тамгами. Но лишь *отчасти*, так как, во-первых, некоторое количество

[1] Единичные находки вещей аланского и гуннского облика с тамгами известны только в Западной и Центральной Европе. Это «гуннский» котел из Хекрихта (Силезия) (Засецкая, 1994, рис. 22, 3) и три женских аланских (?) погребения на территории Франции, где найдены миниатюрные зеркала с единичной тамгой (информация М.М.Казанского, декабрь 1998 г.). На зеркальце из Реймса (Kuznecov, 2000, fig. 1/2) представлен знак, близкий типу рис. 6/55, но с тройной перегородкой.

[2] О.Б.Бубенок в июле 1998 г. любезно предоставил мне рукопись находящейся в печати в МАИЭТ большой статьи «Аланы-ясы в Саркеле/Белой Веже».

типов было заимствовано тюрками на захваченных «иранских» землях и, во-вторых, в раннем средневековье у самих аланов наверняка появились и *новые* формы.

А.Л.Якобсон пытался игнорировать даже саму *возможность* преемственности форм знаков от сармато-аланов античного времени к средневековым аланам Горного Крыма: «Значение этого источника (знаков. — *С.Я.*), хронологически очень удаленного, нам представляется сомнительным» (Якобсон, 1970, 163). Однако постоянное обитание сармато-аланского населения в крымских предгорьях с рубежа н.э. по XIV в. делает обращение к сарматскому материалу вполне закономерным.

Наша сводка показывает, с одной стороны, наличие значительной специфики в каждом из регионов и, с другой — большую долю «сарматского наследия». Следует отметить еще одну важную особенность этой подборки. В ней (прежде всего среди знаков на керамике, свойственных не одному определенному региону, а нескольким) имеются 17 буквенных знаков местных тюркских рунических алфавитов — «донского» и «кубанского» (Кызласов, 1994, табл. VII, IX) (рис. 36). Они представлены по одному *среди явных тамг* на аланских землях Предкавказья в местных «энциклопедиях»: в Джинальском гроте под Кисловодском (рис. 36/22) (Рунич, 1983, рис. 1) и на «дольмене» знати X–XII вв. № 2 на р. Кяфар (рис. 36/8), в виде 6 разных букв — на стенах крепости Хумара (Биджиев, 1993, рис. 37, № 26, 40, 48, 51, 54, 97). Все это показывает, что эти буквы использовались в условиях власти тюркских каганов *как обычные тамги*. Можно лишь согласиться с таким специалистом, как И.Л. Кызласов: «...нет никаких основательных материалов для предположения, что руны сыграли какую-либо роль в становлении одновременных или более поздних тамг (у собственно тюркских народов. — *С.Я.*)» (Кызласов, 1994, 38). Действительно, обычай превращения в тамгу алфавитных знаков той или иной письменности в мировой практике документирован лишь для этносов, которые эти алфавиты *не изобрели и редко ими пользовались* (ср. заимствование букв русской кириллицы в контактных зонах черкесами, хакасами, ненцами и др.). Это лишний раз подтверждает, что в таких случаях мы можем иметь дело *не с тюрками*, а с ираноязычными аланами. Еще чаще встречается нанесение одного знака местного рунического алфавита в качестве тамги на сосуд (встреченное во всех изучаемых регионах). Показательно также, что все остальные типы тамг, общие для различных территорий, за редкими исключениями (рис. 36, а/185), *имеют точные или близкие аналогии в сармато-аланских тамгах римского времени*. В группах специфических знаков *отдельных регионов* количество таких точных аналогий всегда превышает половину.

Теперь необходимо рассмотреть один важный вопрос, связанный с этнической атрибуцией рассмотренной коллекции тамг. В литературе преобладает убеждение (пока чисто априорное, не подтвержденное системным сопоставлением материалов), что почти все тамги на тер-

ритории Хазарского каганата VIII — 1-й пол. X в. принадлежат прежде всего основному тюркоязычному этносу каганата — **болгарам**. Постараемся проверить эту гипотезу. Дело в том, что в нашем распоряжении есть огромная коллекция из сотен типов синхронных и безусловно *достоверно болгарских* тамг VII–X вв., найденных как в столицах *Дунайской Болгарии* — Плиске и Преславе и множестве других пунктов, так и в ряде центров *Волжской Булгарии*. Как правило, авторы ограничиваются простым указанием на «значительное сходство» типов знаков (увы, *такая* аргументация мне не представляется убедительной). *Сравнение нашей «салтовской» подборки с совокупной коллекцией ранних знаков из Болгарии показывает, что количество идентичных типов* **крайне низко** (см. прежде всего: Дончева-Петкова, 1980, обр. 4, 6, 8–9, 16; табл. II, IV–IX, XI, XIII–XIV, XVI–XVII, XXII; XXVI–XXVII; Овчаров, 1982, табл. XXV, LXI). Из всех пяти регионов распространения салтовских тамг среди специфических региональных типов известное число соответствий находим лишь в районе *низовьев Дона*, где активность болгарского этнического элемента никто никогда не отрицал (рис. 36/55, 61, 63, 66–67, 72, 74–75, 78, 90, 95, 97, 99). Но даже здесь число типов, сходных с достоверно болгарскими, составляет лишь 13 из 48, т.е. **всего 27 %**! В других же регионах салтово-маяцкой культуры число совпадающих типов настолько мизерно, что о нем нет смысла говорить всерьез: в Предкавказье — № 7, 22, 27; на Верхнем Дону — № 105, 111, в Крыму — № 130. Столь же ничтожно (на фоне сотен типов тамг Болгарии) сходство и *«общесалтовских»* типов (рис. 36, а/170, 172, 178, 180–182, 195, 198–199) (и, разумеется, единичных знаков в виде букв тюркских алфавитов, которыми в Болгарии, вероятнее всего, пользовались *нетюркские* подданные: рис. 36, а/179, 182, 196–197, 200–201).

Столь же мало количество общих типов знаков и для домонгольской Волжской Булгарии. Особенно важна наиболее представительная коллекция гончарных клейм из Билярского городища — Булгара (Григорьева и др., 1976, рис. 91; Кочкина, 1983, рис. 2). Как уже нетрудно догадаться, *единичные* общие типы находят аналогии только на Нижнем Дону (рис. 36/80, 95, 97).

Если же мы учтем тот факт, что большинство общих для трех сравниваемых территорий типов представляют собой *знаки простейших геометрических форм*, широко распространенные и обычно в силу этого использовавшиеся для алфавитных знаков самых разных позднеантичных и средневековых культур Евразии (см. прежде всего: Лавров, 1978, табл. IX), то картина станет совершенно ясной. Итак, *с этническими болгарами из известных сегодня тамг на территории салтово-маяцкой культуры можно связать (с некоторыми допусками и оговорками) лишь небольшую часть знаков* **Нижнего Дона.**

Означает ли это, что тюрки-болгары не использовали широко тамги на территории Хазарии или даже их не имели? Разумеется, нет! Очевидно лишь, что эти тамги наносились преимущественно на предметы

из органики (тела животных в стадах, деревянные и кожаные изделия), которые в материалах раскопок, к сожалению, сохраняются редко и в нашей коллекции почти отсутствуют. Кроме того, мы в действительности *имеем* целую серию болгарских (возможно, иногда хазарских) предметов со знаками на землях Каганата. Это изделия *с тюркскими руническими надписями*. Кстати, такие надписи в Восточной Европе известны практически только в районе, где нами отмечены предполагаемые болгарские тамги, — в бассейне Дона (Нижнего и Верхнего) — 18 надписей, пункты находок которых широко разбросаны по данному району (в Предкавказье найдены 10 надписей только в одной точке — в Хумаринской крепости, где справедливо предполагается присутствие болгарского этнического компонента: Биджиев, 1993, 186) (см.: Кызласов, 1994, 241–279)[3]. Предпринимавшиеся попытки прочитать эти надписи «по-аланski» (см. прежде всего: Турчанинов, 1990, 78–154) не встретили сочувствия в лингвистическом научном сообществе.

«Энциклопедии» тамг. У средневековых аланов они связаны, как и более ранние сарматские, с самыми разными объектами. При этом прослеживается определенная региональная специфика. На Кавказе это иногда *пещеры и гроты* (Джуальский грот: Рунич, 1983, рис. 1), в которых, несомненно (как и у наследников аланов — этнографических осетин), находились языческие святилища, а также различные объекты, связанные с **культом умерших**: высеченные в скалах *склепы* (где тамги обычно высечены горизонтально в ряд у входа в камеру, причем однотипные тамги не дублируются — Токмак-Кая, Гнакышы и Крейды в верховьях Кубани: Минаева, 1971, рис. 14, 17, 22) и дольменообразные *мавзолеи знати* («дольмен» № 2 на р. Кяфар, где представлены 4 оригинальных типа тамг: рис. 36/7–10), каменные *надгробные кресты* с греческими надписями X–XIII вв. (скала Барабан на р. Уруп. Здесь на одной из граней креста хаотично высечено не менее 9 тамг: Ложкин/Малахов, 1998, рис. 1, 1 и 2, 2). Скопления тамг на Украине представлены на отдельных портативных предметах (*поясные наборы*: клад из Мартыновки в Нижнем Поднепровье, где пропорции тамг обычных аланских типов причудливо вытянуты: Приходнюк и др., 1991, рис. 1 (2–4), 5 (1–5, 20), 9 (2–3), 10, 12 (2); Корзухина, 1996, табл. 16[4], глиняная кубическая *модель храма* с мыса Ай-Фока в Восточном Крыму: Джанов, 1996, 187–188, рис. 1).

[3] И.Л.Кызласов в своей сводке в ряде случаев отнес к «руническим надписям» камни с одним буквенным значком или двумя, расположенными далеко друг от друга среди сюжетных изображений и т.п. Такая трактовка в свете описанного выше вероятного использования единичных знаков *в качестве тамг* аланами и, возможно, другими этносами кажется весьма дискованной.

[4] Стоит отметить и специфическое сходство иконографии набора «танцующих» идольчиков и парных животных в Мартыновском кладе и в достоверно аланских памятниках Предкавказья (станица Преградная) (Яценко, 1992г, 71–72, рис. 1/7). На оба этих факта не обращают внимания сторонники тюркской, раннеславянской и германской атрибуций клада и его отдельных элементов.

В *различных районах* расселения аланов «энциклопедии» изображены на *стенах крупных крепостей*; при этом они соседствуют с *единичными* знаками на отдельных каменных блоках, которые исследователи салтово-маяцкой культуры чаще именуют «знаками строителей» или «метками мастеров» (см. прежде всего — *Хумара:* Биджиев, 1993, рис. 37; *Маяцкая:* Плетнева, 1984; Флерова, 1997, табл. III–IV; *Мангуп:* Герцен, 1990, рис. 15–18). Встречаются единичные блоки даже с тремя мечеными гранями (Нахапетян, 1988, 102). Тамги некоторых типов встречены на стенах одного пункта по нескольку раз (но, разумеется, не так часто, чтобы их можно было считать «метками мастеров»!). Специальный анализ, проведенный В.Е.Нахапетян, показал, что крупную Маяцкую крепость строили *не артели профессионалов, а местные жители*, оставившие на отдельных камнях свои тамги (Нахапетян, 1988, 105). Предполагается, что знаки в *скоплениях* наносились здесь во время неких обрядов, сопровождавшихся коллективной клятвой (Нахапетян, 1990, 60). В Хумаре, как уже отмечалась, тамги поновлялись после очередной побелки стен (Биджиев, 1993, 165). Знаки не обязательно принадлежали клану: здесь могли быть и только дополнительные простые метки отдельных больших семей, как это, например, еще недавно наблюдалось при строительстве родовых башен в Центральном Предкавказье (Крупнов, 1971, 136).

На стенах **в Маяках** встречены *неоднократно* 12 типов тамг (чаще всего знаки расположены группами)[5]. Из них пять являются типами, распространенными в разных частях аланского мира (рис. 36, а/171, 178, 187, 198–199), еще 5 типов специфичны для Верхнего и Нижнего Дона (рис. 36/101, 105, 116–117, 122)[6], и, наконец, встречены метки — буквы тюркских «донского» и «кубанского» алфавитов (рис. 36, а/197, 201), которые, как уже отмечалось, в аланском контексте того времени тоже могли быть тамгами. Из тамг, встреченных по *одному разу*, 5 типов специфически местные (рис. 36/102, 111, 115, 123–124) и лишь один встречен в разных регионах (рис. 36, а/180). Для глубокого нанесения знаков на хрупкие блоки мела использовалась особая техника (Нахапетян, 1988, 91). Тамги расположены чаще всего на двух разных уровнях, так как их рисовали на стенах сидя или стоя (Плетнева, 1984, 57, 59).

В Хумаринской крепости на одной из башен раскопа А, стене, калитке, лестнице, а также в святилище (Биджиев, 1993, 164–165) представлены 9 типов тамг, известных только в Предкавказье (рис. 36/11–19, из них неоднократно встречены № 12, 17), 8 типов, представленных

[5] На боковых торцах камней (не видных в уже *построенной* крепости) нанесено всего 8% знаков, которые в данном случае достоверно относятся к «знакам строителей» (Нахапетян, 1990, 57).

[6] Некоторые из них могли быть изначально связаны с определенными сюжетными изображениями на стенах. Так, тип № 25 в одном случае спарен с изображением лошади, а тип № 82 в одном случае — с пятиконечной звездой.

в различных частях аланского мира (рис. 36, а/14–16, 17, 22–24, 30, из них неоднократно встречены № 14, 16–17, 23–24), и 3 буквы местных тюркских алфавитов (рис. 36, а/184, 193, 197, из которых неоднократно наносились первые две).

На стенах северных укреплений **Мангупа**, по опубликованным материалам, встречены 21 местный тип тамг (рис. 36/130–141, 147–153, 156–157, из них неоднократно изображались лишь № 140–141) и 8 типов, известных в разных частях аланского мира (рис. 36/1, 2, 7, 10, 15, 24, 36, 39, из них неоднократно — № 1, 2, 15), а также 3 знака из букв местных тюркских алфавитов (рис. 36, а/179, 197, 200)[7]. Население Мангупа в VI–X вв., по мнению его ведущего исследователя А.Г.Герцена, в значительной степени составляли *аланы* (см., например: Герцен, 1998, 748).

Кроме этого тамги известны на каменных стенах таких городищ, как Салтовское, Ольшанское и Правобережное Цимлянское на Дону и Донце (Ляпушкин, 1952, 135), а также в Бакла в Крыму (Рудаков, 1979, рис. 1/4).

В *Джинальском гроте* представлены почти исключительно 12 оригинальных местных предкавказских типов (рис. 36/3, 4–6, 9, 21–25, 27–28, из них № 27 встречен 2 раза, № 9 — 4 раза) и лишь 2 типа относятся к общераспространенным (рис. 36/15, 21), а знак № 158 известен в Крыму (в гроте он изображен трижды); знаки-буквы здесь совершенно отсутствуют. Все это позволяет считать его святилищем, имевшим сугубо местное значение и, возможно, не предназначенным для чужаков.

Оригинальная группа тамг изображена в ряд через равные промежутки на торцах глиняной, разрисованной полосами красной краски модели храма, найденного на поселении VIII–IX вв. у мыса Ай-Фока. Изделие сохранилось лишь наполовину, поэтому из 8 (?) первоначальных тамг до нас дошло только четыре. Три из них специфичны (рис. 36/142–144), четвертая является пятиконечной звездой (которая использовалась как тамга и в других регионах салтово-маяцкой культуры).

На парадной поясной гарнитуре из клада VII в. в Мартыновке на Нижнем Днепре большинство знаков является специфически местными (рис. 36/162–168) и лишь два — распространенными в разных частях аланского мира (рис. 36, а/173, 181), еще два — буквы местных тюркских алфавитов (рис. 36, а/186, 197).

Значительный интерес представляет также подборка единичных знаков *на кирпичах* серии хазарских крепостей IX в., построенных на небольшом участке по берегам Нижнего Дона, — Саркел, Правобережное Цимлянское и Семикаракорское (Щербак, 1959б, 363–365; Флерова, 1997, табл. VI–VII). Этническая принадлежность лиц, изготовлявших здесь кирпичи, неясна, однако участие квалифицированных аланских

[7] В последние годы на Мангупе обнаружена серия новых тамг, которая готовится к публикации А.Г.Герценом (устное сообщение, ноябрь 1998 г.).

мастеров, при том что аланы явно проживали в этой местности, отнюдь не исключается. Наибольшим разнообразием отличается коллекция **из Саркела** 30-х годов IX в., строившегося, возможно, при участии византийцев, но под общим руководством местных строителей (Артамонова/Плетнева, 1997, с. 549, 622). В коллекции резко преобладают 20 местных типов (рис. 36/54–70, 76, 99, 101, из которых встречены неоднократно № 55, 57, 62). Значительно меньше общераспространенных типов — 8 (рис. 36, а/170, 174, 185, 194–195, 199, 202–203) и букв местных тюркских алфавитов — 6 (рис. 36, а/184, 186, 196–197, 200–201).

Подборка знаков с **Правобережного Цимлянского городища** отличается небольшим числом типов, из которых половина — оригинальные местные (рис. 36/93–94, 98), половина — общераспространенные (рис. 36, а/172, 178, 198). На **Семикаракорском городище** картина примерно такая же: донских типов — 4 (рис. 36/93–96, из них № 93–94 известны также на Правобережном и нигде более), общераспространенных — 3 (рис. 36, а/178, 197, 203).

Массовым видом предметов с тамгами была *гончарная керамика*, где такие знаки часто вырезались на поверхности гончарного круга, являясь, таким образом, своеобразным знаком клана (или малым дополняющим знаком его патронимии) мастера-гончара. Это хорошо заметно на примере такого верхнедонского могильника, как Дмитриевский (Флеров, 1979, рис. на с. 98–99). Здесь широко распространенный знак № 194а встречен на керамике 14 раз, местный знак № 118 — 6 раз, а другой местный № 120 — 3 раза. В могильнике Мокрая Балка в Предкавказье (Афанасьев, 1976, рис. 2) знаки также в двух случаях из трех сугубо местные (рис. 36/12, 31). В Предкавказье выделяется группа оттисков гончарных дисков на днищах кувшинов и горшков в катакомбном могильнике у станицы Змейской. Здесь только в сезон 1959 г. обнаружено 19 типов знаков гончаров (4 — плохой сохранности). Пять из них представляют собой кресты-обереги различных форм. Остальные достаточно разнообразны (рис. 36/45–53) (Кузнецов, 1995).

Представляет интерес также коллекция *граффити* на амфорах из Саркела (Флерова, 1997, табл. XV). Здесь резко преобладают единичные оригинальные местные знаки (рис. 36/55, 63, 73, 75, 77–79, 81–90, 101), встречены 7 букв местных тюркских алфавитов (в том числе — рис. 36, а/179, 196–197, 200–201) и несколько тамг общераспространенных типов (рис. 36/178, 180, 187–188, 205). На игральных бараньих костях-астрагалах встречено обычно по одному знаку и лишь на одном экземпляре из могильника в Верхнем Салтове — два (рис. 36, а/199–200) (Флерова, 1997, табл. VIII, № 9, 24–26, 27–28, 31, 33, 55–57, 59, 62). В аланском могильнике Скалистое в Юго-Западном Крыму единичные знаки известны как на плечиках кувшинов, так и на деревянных блюдах, где тамгой служили буквы тюркского рунического алфавита (склепы 153, 760) (рис. 36/146, 204) (Вейманр/Айбабин, 1993, рис. 12/17, 118/20). Подобные рунические буквы-тамги представлены на лощеных сосудах из района Пятигорья на Северном Кавказе (Ковалевская, 1984,

173). Отдельные знаки, идентичные салтовским, есть на керамике позднейшего Херсона (Якобсон, 1950, рис. 81).

Что касается раннесредневековой *черепицы* из Юго-Западного Крыма (Гончарное, Бобровка: Якобсон, 1970; Эски-Кермен и Мангуп: Якобсон, 1950, 20–22), то на ней, напротив, представлены обычно греческие и реже — тюркские буквы, а также знаки широко распространенных типов (рис. 36, а/172, 177, 189, 196–197, 201) и лишь в редких случаях — оригинальные типы (рис. 36/129–130, 154–155, 159–160). Часть ремесленников могла здесь принадлежать к аланскому и тюркским этносам. Эти знаки в целом отличаются от знаков черепиц-керамид VIII–IX вв. из такого византийского города на Южном Берегу, как Партенит (где преобладают буквы греческого алфавита: Паршина, 1991, рис. 4). Интересно сопоставить их и со знаками на черепицах позднейшего Херсона, где наряду с преобладающими греческими буквами встречено и несколько десятков типов, идентичных знакам салтово-маяцкой культуры (Якобсон, 1950, рис. 85, табл. 7–9, 11, 16–18). Большинство их весьма простых геометрических форм, и их можно считать как знаками собственно этнических греков, так и знаками потомков «салтовцев».

На надгробных каменных стелах из Скалистого (Юго-Западный Крым) неоднократно встречен единичный знак (рис. 36/127–128, 177) (Вейманр/Айбабин, 1993, рис. 11/1–2, 16, 19). Размещение единичных тамг у аланов Предкавказья также в ряде случаев вызывает большой интерес. Любопытны круглые бронзовые бляшки, нашивавшиеся в лобной части головного убора, с изображением тамги в виде трикветра, ориентированного по или против часовой стрелки (рис. 36/20, 26, 32). Они найдены в могильнике Мартан-Чу в Чечне (Виноградов/Мамаев, 1984, рис. 8, 33; 12, 7–8; 13, 16) и в Старокорсунской на Кубани (Каминский, 1984, рис. 4/1). Еще одна тамга, неоднократно встреченная и специфичная для Предкавказья (рис. 36/17), известна на дольменообразном склепе аристократа X–XIII вв. в Верхней Теберде (Кузнецов, 1961, рис. 44, 4–6). Она представлена над изображением стоящего вправо конного лучника (умершего?), на которого бегут 5 оленей и оленонок; рядом с ним стоят 7 мужчин с молитвенно поднятыми вверх руками. На «оленных камнях» № 2 и 8, размещенных при въезде на Кяфарское городище, среди изображений оленей и христианских крестов отмечено по одной тамге (рис. 36/44а–б) (Аржанцева/Албегова, 1999, рис. 4 и 6). Первая из них представляет собой древний алфавитный знак; вторая является переделкой греческой буквы «А» (аналогичный знак еще недавно изображался на башне клана Толхановых в сел. Цимити в Осетии: Тменов, 1996, рис. 78/8).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В этой книге комплексно рассмотрена большая и сложная тема, требующая дополнительного изучения многих нерешенных методических проблем. Естественно, первый шаг пока позволяет больше поставить вопросов, чем получить готовых ответов, а некоторые выводы нуждаются в длительной проверке.

Проведенный нами анализ показывает, что в «таинственных знаках» вопреки распространенному мнению нет ничего «загадочного» и почти ничего мистического. Уже при сегодняшнем состоянии изучения проблемы тамги становятся ценным источником по древней истории Юго-Восточной Европы и Западного Туркестана, помогая уточнить важные этапы этногенеза отдельных этносов, генеалогию и политические контакты кочевой знати, а также связанные с этим политические события. Исключительную ценность в этом плане представляют материалы европейских степей (особенно Нижнего Дона, Прикубанья и юга Украины), которые часто имеют достаточно «узкие» (в пределах половины — одного столетия) даты, основанные на обильном античном импорте. Вполне очевидна исходная близость типов тамг древних ираноязычных этносов, идущая, видимо, от эпохи бронзы.

Имеются хорошие перспективы более детального рассмотрения тамг отдельных регионов на фоне знаков иранского мира в целом. Однако остаются технические проблемы — уточнение датировок многих комплексов, точность рисунков в публикациях и введение в научный оборот большого числа неопубликованных тамг и крупных их скоплений (не секрет, что именно самые важные и обширные коллекции тамг в ряде случаев пока остаются не только неопубликованными, но и недоступными для изучения). В нашем исследовании не проводится и чисто *эстетический* анализ тамговых знаков (в отличие от большинства специалистов по тамгам я признаю наличие этого фактора при создании новых типов, но воздержусь от специального рассмотрения его, ограничившись общеизвестным фактом сильного эмоционального воздействия на зрителя некоторых тамг сложных форм).

В ближайшем будущем для анализа растущего *корпуса тамг иранских народов* можно использовать **математические методы обработки** этой категории массового материала. Это не менее сложная задача, чем те, что я попытался решить в данной работе (она становится вы-

полнимой после сбора фактического материала, уточнения его хронологии и решения ряда ключевых проблем методологии и методики исследования). Возможно, мне удастся продолжить разработку этой проблемы совместно с Д.В.Деопиком.

Работа над темой, растянувшаяся, с перерывами, на четверть века, была бы невозможна без постоянной помощи десятков коллег. Я заканчиваю книгу, мысленно благодаря их.

11.03.1998 — 05.04.2001
Москва

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Архивные материалы

Ильюков Л.С., 1982. Отчет об исследовании археологических памятников в Мартыновском районе Ростовской области в 1981 г. — Архив ИА РАН. Р-1. № 8867; Альбом № 8867а.

Лапа Н.Л., 1988. Отчет о раскопках за 1988 год. — Архив Калмыцкого НИИ общественных наук РАН. Фонд 14/2. № 58.

Лопатин В.А., 1981. Отчет об охранных раскопках в верховьях р. Большого Узеня Краснопартизанского района Саратовской области. 1981 г. — Архив ИА РАН. Р-1. № 8419.

2. Рукописи диссертаций

Бубенок О.Б., 1995. Ясы южнорусских степей (Палеоэтнографическое исследование). Дис. канд. ист. наук. М., Институт этнологии и антропологии.

Иневаткина О.Н., 1995. Акрополь древнего Самарканда в структуре города: VI в. до н.э. — IV в. н.э. Дис. канд. ист. наук. М., МГУ.

Смагулов Е.А., 1990. Позднесредневековая керамика Южного Казахстана как источник по истории культуры. Дис. канд. ист. наук. Самарканд, Институт археологии АН Узбекистана.

3. Публикации

Абаев В.И., 1958. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I. М.–Л.

Акишев К.А., 1983. Древнее золото Казахстана. Алма-Ата.

Алексеев В.П., 1991. К вопросу о семантике сложных царских знаков Боспора. — СА. № 1.

Алексеева Е.М., 1986. Царская тамга на золотом перстне из Горгиппии. — Проблемы античной культуры. М.

Аманжолов С., 1959. Вопросы диалектологии и истории казахского языка. Ч. 1. Алма-Ата.

Анфимов Н.В., 1987. Древнее золото Кубани. Краснодар.

Арканцева И.А./Албегова З.Х., 1999. Культовые камни Кяфарского городища. — Древности Северного Кавказа. М.

Арсеньева Т.М./Казакова Л.М./Науменко С.А., 1997. Работы Нижне-Донской экспедиции в Танаисе в 1993–1994 гг. — ИАИАНД в 1994 г. Вып. 14. Азов.

Артамонова О.А./Плетнева С.А., 1997. Стратиграфическое исследование Саркела — Белой Вежи (по материалам работы в цитадели). — МАИЭТ. Вып. VI. Симферополь.

Артеменко И.И./Левченко Б.М., 1983. Сарматское погребение у с. Баштечки Черкасской области. — СА. № 2.

Афанасьев Г.Е., 1976. Дохристианские религиозные воззрения алан. — СЭ. № 1.

Барудкина Л., 2001. Сарматская тамга из Клин-Ярского могильника в Пятигорье и ее аналогии на предметах украшений I в. до н.э. — I в. н.э. — Боспорский феномен: Колонизация региона. Формирование полисов. Образование государства. Ч. 2. СПб.

Батчаев В.М., 1986. Из истории традиционной культуры балкарцев и карачаевцев. Нальчик.

Безуглов С.И., 1988. Позднесарматское погребение знатного воина в степном Подонье. — СА. № 4.

Безуглов С.И./Захаров А.В., 1989. Богатое погребение позднеримского времени близ Танаиса. — ИРОМК. Вып. 6.

Безуглов С.И., 1997. Воинское позднесарматское погребение близ Азова. — ИАИАНД в 1994 г. Вып 14. Азов.

Белдиман К., 1991. Знаки типа «тамга» доримской Дакии. — Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья. Материалы международной конференции. Киев.

Беньковский П., 1904. О терракотовых повозочках из Керчи. — ИАК. Вып. 9. СПб.

Бёттгер Б./Виноградов Ю.Г., 1994. Результаты исследований совместной русско-немецкой археологической группы в Танаисе в 1993 г. — Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Тезисы докладов VII Международной научной конференции. Ростов-на-Дону.

Биджиев Х.Х., 1983. Хумаринское городище. Черкесск.

Биджиев Х.Х., 1993. Тюрки Северного Кавказа. Черкесск.

Бируни, Абу Рейхан, 1966. Избранные произведения. Т. III. Ташкент.

Бирюков Д.В., 1995. У истоков денежного обращения Средней Азии. — Нумизматика Центральной Азии (Под ред. Э.В.Ртвеладзе). Вып. I. Ташкент.

Бирюков И.Е., 1998. Материалы сарматского времени с Сырского городища в Верхнем Подонье. — Древности Волго-Донских степей. Вып. 6. Волгоград.

Блаватский В.Д., 1964. Пантикапей. Очерки истории столицы Боспора. М.

Болгов Н.Н., 1996. Закат античного Боспора. Очерки истории Боспорского государства позднеантичного времени (IV–V вв.). Белгород.

Болелов С.Б., 1997. Керамическое производство Средней Азии в конце I тыс. до н.э. — начале I тыс. н.э. — Искусство Центральной Азии: Своеобразие исторического развития. II Международная научная конференция. Тезисы докладов. Ташкент.

Ботушаров Л., 1950. Тракийското могилно погребение с колесница. — Годишник на Пловдивския археологически музей. № 2. Пловдив.

Брун Ф.К., 1863. Донесение о поездке к устьям Буга и Днепра. — ЗООИД. Т. V. Одесса.

Бубенок О.Б., 1997. Ясы и бродники в степях Восточной Европы (VI — начало XIII в.). Киев.

Бурханов А.А., 1993. Древности Амуля (Область Амуля в древности и раннем средневековье). Ашгабат.

Бурчаков П.О., 1875. О памятниках с рунических надписями, находящихся на юге России. — ЗООИД. Т. IX. Одесса.

Буряков Ю.В., 1982. Генезис и этапы развития городской культуры Ташкентского оазиса. Ташкент.

Буюклиев Хр., 1986. Тракийският могилен некропол при Чаталка, Старозагорски окръг. София (Разкопки и проучвания, XVI).

Буюклиев Хр., 1995. К вопросу о фракийско-сарматских связях в I — начале II в. н.э. — РА. № 1.

Вайнберг Б.И., 1977. Монеты древнего Хорезма. М.

Вайнберг Б.И./Левина Л.М., 1998. Чирикрабатская культура. М.

Вайнберг Б.И./Новгородова Э.А., 1976. Заметки о знаках и тамгах Монголии. — История и культура народов Средней Азии. М.

Васюткин С.М., 1995. К вопросу об исторических судьбах сарматского населения Калмыкии. — Материалы и исследования по археологии Калмыкии. Элиста.

Веймарн Е.В./Айбабин А.И., 1993. Скалистинский могильник. Киев.

Викинги, 1996. — Викинги: Набеги с Севера (Пер. с англ. Л.Флорентьева). М.

Виноградов В.Б./Мамаев Х.М., 1984. Аланский могильник у сел. Мартан-Чу в Чечне (материалы 1970–1976 гг.). — Вопросы археологии и этнографии Северной Осетии. Орджоникидзе.

Виноградов Ю.Г., 1994. Очерки военно-политической истории сарматов в I в. н.э. — ВДИ. № 1.

Виноградов Ю.Г., 1996. Новое документальное досье императорской эпохи из Херсонеса. — ВДИ. № 1.

Вишневская Н.Ю., 2001. Ремесленные изделия Джигербента. М. (В печати).

Власкин М.В., 1990. Уздечный набор с тамгообразными знаками из могильника «Царского». — ИАИАНД в 1989 г. (Вып. 9). Азов.

Воронина В.Л., 1952. Строительная техника древнего Хорезма. — Тр.ХАЭЭ. Т. I.

Воронов Ю.Н., 1979. Древности Сочи и его окрестностей. Краснодар.

Востров В.В./Муканов М.С., 1968. Родо-племенной состав и расселение казахов. Алма-Ата.

В поисках Эльдорадо, 1996. (Пер. с англ. И. Ляховича.) М.

Высотская Т.Н., 1979. Неаполь — столица государства поздних скифов. Киев.

Высотская Т.Н., 1994. Усть-Альминское городище и некрополь. Киев.

Габуев Т.А., 1999. Ранняя история алан (по данным письменных источников). Владикавказ.

Гаглойти Э.Д., 1976. Очерки по этнографии осетин. Вып. 1. Тбилиси.

Гаджиев М.С., 1998. Находки среднеперсидских надписей в Дербенте. — Проблемы археологии Юго-Восточной Европы (тезисы докладов VII Донской археологической конференции). Ростов-на-Дону.

Гайдукевич В.Ф., 1949. Боспорское царство. М.–Л.

Гатиев Б., 1876. Суеверия и предрассудки у осетин. — ССКГ. Вып. IX.

Гертман А.Н., 1991. Сырцовый кирпич Капараса и Елхараса. — Тр.ХАЭЭ. Т. XVI.

Гертман А.Н., 1998. Знаки на кирпичах и некоторые вопросы организации древневосточного строительства (по материалам древнего Хорезма). — Прираальe в древности и средневековье. М.

Герцен А.Г., 1990. Крепостной ансамбль Мангупа. — МАИЭТ. Вып. I. Симферополь.

Герцен А.Г., 1998. Археологические исследования караимских памятников в Крыму. — МАИЭТ. Вып. VI. Симферополь.

Глебов В.П., 2000. Сарматский комплекс в Северо-Восточном Приазовье. — Археология и древняя архитектура Левобережной Украины и смежных территорий. Донецк.

Голенко К.В., 1956. О необычных монетах Рискупорида VI. — КСИА АН УССР. Вып. 6. Киев.

Голенко К.В./Шелов Д.Б., 1963. Монеты из раскопок Пантикапея 1945–1961 гг. — НС. Вып. I. Киев.

Горбунова Н.Г., 1992. К вопросу о связях древних ферганцев с сарматами Южного Приуралья. — Северная Евразия от древности до средневековья. Тезисы конференции. СПб.

Горбунова Н.Г., 1994. Скотоводы Бактрии и Согда и сарматы. — Проблемы истории и культуры сарматов. Тезисы докладов международной конференции. Волгоград.

Грач Н.Л., 1999. Некрополь Нимфея. СПб.

Григорьева Г.В./Терехина Л.С./Терехина Н.Л., 1976. Гончарная керамика Билярского городища. — Исследования Великого города. М.

Грицина А., 1981. К вопросу о знаках на керамических сосудах. — Краткие тезисы докладов IV искусствоведческой научно-практической конференции молодых ученых. Ташкент.

Гросу В.И., 1979. Сарматский курган у с. Корпач. — СА. № 2.

Гросу В.И., 1990. Хронология памятников сарматской культуры Днестро-Прутского междуречья. Кишинев.

Губаев А.Г., Логинов С.Д., 1998. Итоги изучения сасанидского поселения Акдепе. — Культурные ценности. Международный ежегодник. 1996. СПб. (Bibliotheca turkmenica).

Гугуев В.К., 1992. Парадный конский убор кургана 10 Кобяковского могильника. — Донские древности. Вып. 1. Азов.

Гудкова А.В., 1964. Ток-кала. Ташкент.

Гундогдыев О.А., 1998. Туркменские родовые тамги. — *Гундогдыев О.А.* Прошлое туркмен. Избранные труды по истории и культуре Туркменистана. М.

Гуцалов С.Ю./Таиров А.Д., 2000. Стелы и антропоморфные изваяния раннего железного века Южноуральских степей. — Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии. М.

Гушина И.И., Засецкая И.П., 1994. «Золотое кладбище» римской эпохи в Прикубанье. СПб.

Дашевская О.Д., 1962. Граффити на стенах здания в Неаполе Скифском. — СА. № 1.

Дашевская О.Д., 1991. Поздние скифы в Юго-Западном Крыму. М. (САИ. Вып. Д 1–7).

Дворниченко В.В./Федоров-Давыдов Г.А., 1993. Сарматское погребение скептуха I в. н.э. у с. Косика Астраханской области. — ВДИ. № 3.

Делич Ф., 1907. Библия и Вавилон. Изд. 4-е. СПб.

Дементьев Г.П./Карташев Н.Н./Келейников А.А., 1955. О стенных изображениях в мавзолее Тауруз-Султан. — Тр. ЮТАКЭ. Т. V. Ашхабад.

Джаное О.В., 1996. Вотивна модель храму із Східного Криму. — Матеріали IV Міжнародної археологічної конференції студентів і молодих вчених. Київ.

Джикиев А./Мурадов И., 1987. О пережитках большесемейных общин пратрекских туркмен в начале XX в. — Материалы по исторической этнографии туркмен. Ашхабад.

Дзиццойты Ю.А., 1992. Нарты и их соседи. Географические и этнические названия в нартовском эпосе. Владикавказ.

Дитлер П.А., 1972. Комплекс из кургана близ аула Кунчукохабль. — Сборник материалов по археологии Адыгеи. Т. III. Майкоп.

Дончева-Петкова Л., 1980. Знаци върху археологически паметници от средневековна България. VII–X век. София.

Драчук В.С. 1972. Системы знаков Северного Причерноморья (тамгообразные знаки северопонтийской периферии античного мира первых веков н.э.). Автореф. канд. дис. М.

Драчук В.С., 1975. Системы знаков Северного Причерноморья. Киев.

Древности..., 1985. — Древности Таджикистана. Каталог выставки. Душанбе.

Древности..., 1991. — Древности Южного Хорезма. М.

Ельников М.В., 1996. Тамгоподібні знаки на вістрях стріл скіфського часу. — Матеріали IV Міжнародної археологічної конференції студентів і молодих вчених. Київ.

Ждановский А.М., 1985. История племен Среднего Прикубанья во II в. до н.э. — III в. н.э. (по материалам курганных погребений). Автореф. канд. дис. М.

Зайцев Ю.П./Пуздровский А.Е., 1994. Плита с сарматскими знаками из Неаполя Скифского. — Северо-Западный Крым в античную эпоху. Киев.

Зайцев Ю.П., 1995. Неаполь Скифский во II в. до н.э. — III в. н.э. Автореф. канд. дис. Киев.

Зайцев Ю.П., 1999. Скилур и его царство. — ВДИ. № 2.

Засецкая И.П., 1994. Культура кочевников Южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV — V в.). СПб.

Захаров Н.А., 1929. Вновь найденная каменная плита со знаком из района Кубанских плавень. — ЗСКККОАИЭ. Т. III. Кн. I. Вып. 5–6. Ростов-на-Дону.

Захарова Е.Ю., 1998. Сосуды со знаками срубной культурно-исторической общности. Автореф. канд. дис. Воронеж.

Зейналь Е.В., 1978. Политическая история Трансоксианы по нумизматическим данным. — Культура Востока. Древность и раннее средневековье. Л.

Зограф А.Н., 1951. Античные монеты. М.–Л. (МИА. Вып. 16).

Зуев В.Ю.,1998. Прохоровские курганы в Южном Приуралье и проблема хронологии раннесарматской культуры. Автореф. канд. дис. СПб.

Зуев Ю.А., 1960. Тамги лошадей из вассальных княжеств. — Тр.ИИАЭ Каз.ССР. Т. 8.

Зуев Ю.А., 1995. Сармато-аланы Приаралья (Яньцай/Абзойя). — Культура кочевников на рубеже веков. Проблемы генезиса и трансформации. Алматы.

Іванішина С.І., 1996. До проблемы існування сарматського центру Клепідава на Поділлі. — Матеріали IV Міжнародної археологічної конференції студентів і молодих вчених. Київ.

Ильюков Л.С./Власкин М.В., 1992. Сарматы междуречья Сала и Маныча. Ростов-на-Дону.

Ильясов Дж.Я., 1999. Эфталиты-алхоны в Чаганиане. — Нумизматика Центральной Азии. Вып. IV. Ташкент.

Инал-Ипа Ш.Д., 1969. Исторические корни древней общности кавказских народов. — Сказания о нартах — эпос народов Кавказа. М.

Кабанов С.К., 1963. Археологические данные к этнической истории Южного Согда в III–VI веках. — СА. № 1.

Калинина Т.М., 1988. Сведения ранних ученых Арабского халифата. М.

Калоев Б.А., 1968. Скифо-сармато-алано-осетинские параллели. — История, археология и этнография Средней Азии. М.

Калоев Б.А., 1973. Материальная культура и прикладное искусство осетин. Альбом. М.

Каминский В.Н., 1984. Средневековые аланские катакомбы на Средней Кубани. — Вопросы археологии и этнографии Северной Осетии. Орджоникидзе.

Каминская И.В./Каминский В.Н./Тьянков А.В., 1985. Сарматское погребение у станицы Михайловской (Закубанье). — СА. № 4.

Карышковский П.О., 1973. Сарматские тамги на монетах Северного Причерноморья. — Краткие тезисы докладов к научной конференции «Античные города Северного Причерноморья и варварский мир». Л.

Катаное Н.Ф., 1893. Письма из Сибири и Восточного Туркестана. — Приложение к LXIII тому Записок Академии наук. Вып. 8. СПб.

Киселев С.В., 1951. Древняя история Южной Сибири. М.

Кляшторный С.Г., 1964. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М.

Ковалевская В.Б., 1984. Кавказ и аланы. М.

Ковпаненко Г.Т., 1986. Сарматское погребение I в. н.э.на Южном Буге. Киев.

Козыренко И.И., 1957. Тамги на археологических памятниках Одесского государственного Археологического музея. — МАСП. Вып. I. Одесса.

Кой-Крылган-кала, 1967. Кой-Крылган-кала — памятник культуры древнего Хорезма IV в. до н.э. — IV в. н.э. — Тр.ХАЭЭ. Т. V. М.

Кокиев Г.А., 1989. Нормы осетинской морали. — Проблемы этнографии осетин. Орджоникидзе.

Корзухина Г.Ф., 1996. Клады и случайные находки круга «древностей антов» в Среднем Поднепровье. Каталог памятников. — МАИЭТ. Вып. V. Симферополь.

Косяненко В.М., 1994. К вопросу о хронологии и ритуально-магической роли бронзовых зеркал из некрополя Кобякова городища. — ИАИАНД в 1993 г. Вып. 13. Азов.

Кочеев В.А., 1994. Знаки на стрелах (К вопросу о назначении тамгообразных знаков на костяных наконечниках стрел из курганов Горного Алтая скифского времени). — Проблемы изучения культурно-исторического наследия Алтая. Горно-Алтайск.

Кочиев К.К., 1998. Сырдонова арфа. — Studia Iranica et Alanica. Rome (Serie Orientale Roma. Vol. LXXXII).

Кочкина А.Ф., 1983. Гончарные клейма Билярского городища. — Средневековые памятники Татарии. Казань.

Кравченко Н.М, 1994. Черняхівське поселення Обухів та його Київське оточення. — Старожитності Русі–України. Київ.

Кравченко Н.М., 1999а. Путешествие в I тыс. н.э. Записки об археологической (студенческой) экспедиции. Киев.

Кравченко Н.М., 1999б. Обухівський камінь з петрогліфами. — Етнокультурні процеси в Південно-Східній Європі в І тисячолітті н.е. Львів.

Кругликова И.Т., 1961. Сарматские знаки на амфорах с поселения у дер. Семеновки. — КСИА. Вып. 89.

Крупнов Е.И., 1971. Средневековая Ингушетия. М.

Кубарев В.Д., 1987. Курганы Уландрыка. Новосибирск.

Кузнецов В.А., 1961. Средневековые дольменообразные склепы Верхнего Прикубанья. — КСИА. Вып. 85.

Кузнецов В.А., 1992. Очерки истории алан. 2-е изд. Владикавказ.

Кузнецов В.А., 1995. Раскопки Змейского катакомбного могильника в 1959 г. — Аланы: история и культура. Владикавказ (Alanica-III).

Кызласов И.Л., 1994. Руническая письменности Евразийских степей. М.

Кызласов И.Л., 1997. Разновидности древнетюркской рунической орфографии. — Acta orientalia Academiae scientiarum hungaricae. T. L. Fasc. 1–3. Budapest.

Кызласов Л.Р., 1986. Древнейшая Хакасия. М.

Кызласов Л.Р./Леонтьев Н.В., 1980. Народные рисунки хакасов. М.

Лавров Л.И., 1978. Историко-этнографические очерки Кавказа. Л.

Латышев В.В., 1889. Дополнения и поправки к собранию древних греческих и латинских надписей северного побережья Черного моря. — ЗРАО. Т. IV. Вып. 2. СПб.

Левина Л.М., 1994. Джетыасарская культура. Могильник Алтынасар 4. М.

Литвинский Б.А./Пичикян И.Р., 2000. Эллинистический храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т. 1. М.

Ловпаче Н.Г., 1988. Зарождение и развитие тамговой системы адыгов. — Культура и быт адыгов. Вып. VII. Майкоп.

Ложкин М.Н./Малахов С.Н., 1998. Средневековые каменные кресты Поурупья. — Историко-археологический альманах. Вып. 4. Армавир–Москва.

Луконин В.Г., 1961. Иран в эпоху первых Сасанидов.Очерки истории культуры. Л.

Ляпушкин И.И., 1952. Памятники салтово-маяцкой культуры (МИА. Вып. 62).

Макарова Т.И./Плетнева С.А., 1984. Типология и топография знаков мастеров на стенах внутреннего города Плиски. — Сборник в памет на проф. Станчо Вакликов. София.

Максимова А.Г./Мерщиев М.С./Вайнберг Б.И./Левина Л.М., 1968. Древности Чардары. Алма-Ата.

Малашев В.Ю., в печати. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени. — Сарматы и их соседи. Ростов-на-Дону.

Маммаев М., 1973. Знаки на керамике Урцекского городища. — МАД. Вып. 3. Махачкала.

Марковин В.И., 1970. Сарматская тамга на скалах Уйташа (Дагестан). — КСИА. Вып. 124. М.

Массон В.М., 1955. Денежное хозяйство Средней Азии по данным нумизматики. — ВДИ. № 2.

Медведев А.П., 1990. Сарматы и Лесостепь (по материалам Подонья). Воронеж.

Медведева О.П., 1961. Новые этнографические коллекции музея по Балкарии. — Краеведческие записки Кабардино-Балкарского музея. Вып. 1. Нальчик.

Мещанинов И.И., 1933. Загадочные знаки Причерноморья М.–Л. (ИГАИМК. Вып. 62).

Минаева Т.М., 1971. К истории алан Верхнего Прикубанья по археологическим данным. Ставрополь.

Минорский В.Ф., 1963. История Ширвана и Дербенда в X–XI вв. М.

Мирошина Т.В., 1990. Амазонки у сарматов и проблема матриархата. — Проблемы скифо-сарматской археологии. М.

Митиров А.Г., 1979. Генетические связи тамг тюрко-монгольских народов. — Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. Тезисы докладов областной конференции. Омск.

Михайлов Б.Д., 1979. Каменная Могила. Изд. 2-е. Днепропетровск.

Михайлов Б.Д., 1994. Сарматские знаки на холме Каменная Могила в Северном Приазовье. — Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья V тыс. до н.э. — V в. н.э. Тирасполь.

Молодин В.И/Черемисин Д.В., 1996. Культуры гуннского времени на плоскогорье Укок (Южный Алтай). — Международная конференция «100 лет гуннской археологии». Ч. I (Тезисы докладов). Улан-Удэ.

Мошкова М.Г., 1987. Средneазиатская керамика из позднесарматских комплексов. — Прошлое Средней Азии. Душанбе.

Мошкова М.Г., 1994. К вопросу о двух локальных вариантах или культурах на территории Азиатской Сарматии во II–IV вв. н.э. — Проблемы истории и культуры сарматов. Тезисы докладов международной конференции. Волгоград.

Муразкевич И., 1853. Ольвийские древности. — ЗООИД. Т. III. Одесса.

Мусакаева А.А., 1995. О параллелях в иконографии монет Боспора, Чача и Бухарского Согда. — Искусство Узбекистана. Древность, средневековье, современность. Тезисы докладов международной конференции. Ташкент.

Мыськов Е.П./Сергацков И.В., 1994. Позднесарматские комплексы на Нижнем Дону. — РА. № 2.

Нарты, 1957. Нарты. Эпос осетинского народа. М.

Нарты, 1989. Нарты. Осетинский героический эпос. Кн. 2. М.

Нарты, 1994. Нарты. Героический эпос балкарцев и карачаевцев.М.

Нахапетян В.Е., 1988. Знаки строителей на камнях Маяцкого городища. — СА. № 3.

Нахапетян Б.Е., 1990. Граффити Маяцкого городища. — Маяцкий археологический комплекс. М.

Неразик Е.Е., 1966. Сельские поселения аффигидского Хорезма. М.

Никольская Т.Н., 1959. Культура племен бассейна Верхней Оки в I тыс. н.э. М. (МИА. Вып. 72).

Новгородова Э.А., 1983. Аршан-Хад — древнейший памятник изобразительного искусства Восточной Монголии. — История и культура Центральной Азии. М.

ОАК за 1890 г. СПб., 1893.

Овчаров Д., 1982. Български средневековни рисунки-графити. София.

Окладников А.П., 1980. Петроглифы Центральной Азии. Л.

Окладников А.П., 1981. Петроглифы Монголии. Л.

Ольховский В.С., 2001. Тамга (к функции знака). — Историко-археологический альманах. Вып. 7. Армавир–Москва.

Ольховский В.С./Галкин Л.Л., 1997. К изучению памятников Северо-Восточного Прикаспия эпохи раннего железа. — РА. № 4.

Ольховский В.С./Яценко С.А., 2000. О знаках-тамгах из святилища Байте III на Устюрте (предварительное сообщение). — Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии. М.

Онайко Н.А., 1982. О датировке горгиппийских кирпичей с тамгообразным клеймом. — СА. № 1.

Орешников А.В., 1921. Этюды по нумизматике Черноморского побережья. — ИРАИМК. Т. 1. М.–Л.

Отрощенко В.В., Формозов А.А., 1988. К проблеме письменности у племен Северного Причерноморья в эпоху раннего металла. — Studia Praehistorica. T. 9. Sofia.

Охонько Н.А., 1983. Изображения на стенах гробницы с реки Кривой (Прикубанье). — СА. № 2.

Оятева Е.И., 1978. О семантике ритуального башмака. — АСГЭ. Вып. 19. Л.

Панарина О.А., 1998. Символика креста и ее отражение в этнографической науке. — Археология и этнография Северного Кавказа. Краснодар.

Парусимов И.Н., 1997. Труды Новочеркасской археологической экспедиции. Вып. 2. Новочеркасск.

Паршина Е.А., 1991. Торжище в Партенитах. — Византийская Таврика. Киев.

Пещерева Е.М., 1959. Гончарное производство Средней Азии. М.–Л.

Плетнева С.А., 1984. Рисунки на стенах Маяцкого городища. — Маяцкое городище. М.

Пожидаев В.П., 1925. Хозяйственный быт Кабарды. Воронеж.

Пожидаев В.П., 1948. Кабардино-черкесская тамга и кавказский орнамент. — УЗКБНИИ. Т. IV. Нальчик.

Познанский В.С., 1991. Тамги алтайцев. — СЭ. № 4.

Полторацкая В.Н., 1962. Знаки на предметах из курганов эпохи ранних кочевников в Горном Алтае. — АСГЭ. Вып. 2. Л.

Приходнюк О.М./Шовкопляс А.М. /Ольговская С.Я. /Струнина С.Я., 1991. Мартыновский клад. — МАИЭТ. Вып. II. Симферополь.

Пугаченкова Г.А., 1963. К истории античной строительной техники Бактрии–Тохаристана (По раскопкам в Халчаяне). — СА. № 4.

Пугаченкова Г.А., 1976. К познанию античной и раннесредневековой архитектуры Северного Афганистана. — Древняя Бактрия. М.

Пугаченкова Г.А., 1978. Дальверзинтепе и некоторые общие вопросы истории и культуры Северной Бактрии. — Дальверзинтепе — кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент.

Пугаченкова Г.А., 1979. Искусство Бактрии эпохи Кушан. М.

Пуздровский А.Е., 1995. О сарматах в Крыму. — МАИЭТ. Вып. IV. Симферополь.

Пуздровский А.Е., 1997. Граффити на краснолаковой посуде из раскопок Усть-Альминского некрополя в 1993–1995 гг. — Бахчисарайский историко-археологический сборник. Вып. 1. Симферополь.

Пуздровский А.Е./Зайцев Ю.П./Новиков И.И., 1991. Сарматское погребение из окрестностей Неаполя Скифского. — Проблемы археологии Северного Причерноморья. Херсон.

Путешествие…, 1939. Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. М.–Л.

Раев Б.А., 1979а. Новое погребение с римским импортом в Нижнем Подонье. — СА. № 4.

Раев Б.А., 1979б. Музей истории донского казачества. Каталог археологических коллекций. Новочеркасск.

Раевский Д.С., 1971. Этнический и социальный состав населения Неаполя Скифского (по материалам некрополя) Автореф. канд. дис. М.

Раевский Д.С., 1977. Очерки идеологии скифо-сакских племен. М.

Рапопорт Ю.А., 1998. Краткий очерк истории Хорезма в древности. — Приаралье в древности и средневековье. М.

Рапопорт Ю.А./Трудновская С.А., 1958. Городище Гяур-кала. — Тр. ХАЭЭ. Т. II.

Рашид-ад-Дин, 1858. История монголов. СПб.

Рашид-ад-Дин Фазлаллах, 1991. Огуз-наме. (Пер. Р.Шукюровой.) М.

Рослякова А.А., 1955. Мелкие археологические памятники окрестностей Ашхабада. — Тр. ЮТАКЭ. Т. V. Ашхабад.

Ростовцев М.И., 1913. Античная декоративная живопись на Юге России. Атлас. СПб.

Ростовцев М.И., 1914. Античная декоративная живопись на Юге России. Т. 1. Описание и исследование памятников. СПб.

Ростовцев М.И., 1925. Скифия и Боспор. Л.

Ртвеладзе Э.В./Лившиц В.А., 1985. Памятники древней письменности. Ташкент.

Рудаков В.Е., 1979. Элементы салтово-маяцкой культуры на посаде Баклинского городища. — Социальное развитие Византии. Свердловск.

Рунич А.П., 1983. Наскальные рисунки и тамги в Джинальском гроте у Кисловодска. — СЭ. № 4.

Рыбаков Б.А., 1940. Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X–XII вв. — СА. Т. VI. М.–Л.

Рысков Я.Г./Демкин В.А., 1997. Развитие почв и природной среды степей Южного Урала в голоцене. Опыт реконструкции с использованием методов геохимии стабильных изотопов. Пущино.

Савельев А.И., 1875. Два лапидарных памятника. — Древняя и новая Россия. № 4. СПб.

Сальников К.В., 1952. Хорезмийская тамга в Зауралье. — Тр. ХАЭЭ. Т. 1. М.

Сапрыкин С.Ю., 1985. Аспургиане. — СА. № 2.

Сапрыкин С.Ю., 1998. Плиний Младший и Северное Причерноморье. — ВДИ. № 1.

Сергацков И.В./Мордвинцева В.И., 1995. Богатое сарматское погребение у станции Бердия. — РА. № 4.

Симоненко А.В., 1987. Из истории взаимоотношений Ольвии и сарматов в I в. н.э. — Античная цивилизация и варварский мир в Подонье–Приазовье (тезисы докладов к семинару). Новочеркасск.

Симоненко А.В., 1992. Фарзой и Инисмей — аорсы или аланы? — ВДИ. № 3.

Симоненко А.В., 1993. Сарматы Таврии. Киев.

Симоненко О.В., 1999а. Сармати Північного Причорномор'я. Хронологія, періодизація та етно-політична історія. Автореф. докт. дис. Київ.

Симоненко О.В., 1999б. Сарматське поховання з тамгами на території Ольвійської держави. — Археологія. № 1.

Симоненко О.В./Лобай Б.І., 1989. До визначення этнічної належності Фарзоя та Інісмея. — Археологія. № 1.

Симоненко А.В./Лобай Б.И., 1991. Сарматы Северо-Западного Причерноморья в I в. н.э. (Погребения знати у с. Пороги). Киев.

Скалон К.М., 1961. О культурных связях Восточного Прикаспия в позднесарматское время. — АСГЭ. Вып. 2. Л.

Скрипкин А.С., 1978. Позднесарматский комплекс из Нижнего Поволжья. — Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М.

Скрипкин А.С., 1984. Погребальный комплекс с уздечным набором из Котлубани и некоторые вопросы этнической истории сарматов. — СА. № 4.

Скрипкин А.С., 1992. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии, периодизации и этнополитической истории. Научный доклад к защите докт. дис. М.

Смагулов Е.А., 1979. К изучению знаковой системы позднесредневекового Отрара. — Изв. АН Каз.ССР. Серия обществ. наук. № 6. Алма-Ата.

Смирнов К.Ф., 1964. Савроматы. М.

Смирнов К.Ф., 1984. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М.

Смирнов Я.И., 1909. Русское серебро. СПб.

Смирнова О.И., 1981. Сводный каталог монет Согда. Бронза. М.

Сокольский Н.И., 1975. Крепость аспургиан на Боспоре. — КСИА. Вып. 143.

Соловьев Е.Т., 1887. О необходимости изучения знаков собственности кавказских туземцев и других племен, населяющих Россию. — Тр. V АС. М.

Соломоник Э.И., 1956. О двух загадочных знаках на стеле из Ольвии. — КСИА АН УССР. Вып. 6. Киев.

Соломоник Э.И., 1957. О таврении скота в Северном Причерноморье. — История и археология древнего Крыма. Киев.

Соломоник Э.И., 1959. Сарматские знаки Северного Причерноморья. Киев.

Соломонік Є.І., 1962. Нові пам'ятки з сарматськими знаками. — Археологічни пам'ятки УРСР. Вип. 11. Київ.

Соломоник Э.И., 1983. Несколько памятников с сарматскими знаками. — Население и культура Крыма в первые века н.э. Киев.

Соломоник Э.И., 1991. Новые греческие лапидарные надписи средневекового Крыма. — Византийская Таврика. Киев.

Средняя Азия в раннем средневековье, 1999. (Под ред. акад. Б.А.Рыбакова). М.

Таиров А.Д., 1993. Пастбищно-кочевая системы и исторические судьбы кочевников Урало-Казахстанских степей в I тыс. до н.э. — Кочевники Урало-Казахстанских степей. Екатеринбург.

Таманская старина, 1998. Вып. 1 (Ред. С.Л.Соловьев). СПб.

Тацит Корнелий, 1970. Сочинения в двух томах. Т. 1 (Пер. А.С.Бобовича). Л.

Ташходжаев Ш.С., 1968. Разрез городской стены Гяур-калы. — Тр. ЮТАКЭ. Т. XII. Ашхабад.

Тменов В.Х., 1996. Зодчество средневековой Осетии. Владикавказ.

Толстов С.П., 1947. Из предыстории Руси (палеоэтнографические этюды). — СА. Т. VI–VII. М.

Толстов С.П., 1948. Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования. М.

Толстов С.П., 1958. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР 1949–1953 гг. — Тр. ХАЭЭ. Т. II. М.

Топрак-кала, 1984. Топрак-кала. Дворец. М.

Тревер К.В., 1959. Очерки истории культуры Кавказской Албании. М.–Л.

Трейстер М.Ю., 2000. Местные подражания деталям римского военного костюма на Боспоре. — РА. № 3.

Туаллагов А.А., 1993. О знаке на монетах совместного чекана Тамары и Давида Сослана. — Дарьял. № 3. Владикавказ.

Туаллагов А.А., 1994. О знаках боспорских царей. — Проблемы истории и культуры сарматов. Волгоград.

Тургунов Б.А., 1978. Дом богатого домовладельца. — Дальверзинтепе — кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент.

Турчанинов Г.Ф., 1971. Памятники письма и языка народов Кавказа и Восточной Европы. Л.

Турчанинов Г.Ф., 1990. Древние и средневековые памятники осетинского письма и языка. Владикавказ.

Уарзиати В.С., 1987. Народные игры и развлечения осетин. Орджоникидзе.

Уженцев В.Б., 1999. Боспор и Северо-Западный Крым в первые века н.э. — Боспорский феномен: греческая культура на периферии античного мира. СПб.

Усманова З.И., 1968. Эрк-кала. — Тр. ЮТАКЭ. Т. XII. Ашхабад.

Филанович М.И., 1961. Сырцовые кирпичи с клеймами из древнего Мерва. — Изв. АН Туркм.ССР. Серия общ. наук, 1. Ашхабад.

Флеров В.С., 1979. О клеймах салтово-маяцкой лощеной керамики. — Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа. Грозный.

Флерова В.Б., 1997. Граффити Хазарии. М.

Формозов А.А., 1953. Сосуды срубной культуры с загадочными знаками. — ВДИ. № 1.

Формозов А.А.,1963. Сосуды со знаками эпохи энеолита и бронзы и история письменности. — ВДИ. № 2.
Фрай Р., 1972. Наследие Ирана. М.
Фролова Н.А., 1978. О времени правления Динамии на Боспоре. — СА. № 2.
Фролова Н.А., 1985. Монетное дело Боспора первых веков нашей эры. Автореф. докт. дис. М.
Фролова Н.А., 1997. Монетное дело Боспора (середина I в. до н.э. — середина IV в.н.э.). Ч. I. М.
Харматта Я., 1967. Из истории Херсонеса Таврического. — Античное общество. М.
Хожанязов Г., 1984. Оборонительные сооружения городища Кургашинкала. — Археология Приаралья. Вып. II. Ташкент.
Хожанязов Г., 1986. Кзыл-кала (работы 1981–1982 гг.). — Археология Приаралья. Вып. III. Ташкент.
Храпунов И.Н., 1990. О причинах гибели некоторых позднескифских поселений. — МАИЭТ. Вып. I. Симферополь.
Цветаева Г.А., 1975. Кирпичи с тамгой из Горгиппии. — КСИА. Вып. 143.
Цуциев А.А., 1999. Аланы Средней Азии (I–VI вв. н.э.): проблемы этногенеза. Автореф. канд. дис. Владикавказ.
Черных П.Я., 1947. К истории вопроса о «русских письменах» в Житии Константина Философа. — УЗ ЯГПИ. Вып. IX. Ярославль.
Чореф М.Я., 1972. Новый рельеф сарматского круга. — СА. № 1.
Чореф М.Я., 1975. Два новых рельефа сарматского круга. — СА. № 1.
Чореф М.Я., 1985. Антропоморфная стела и плита с тамгообразным знаком из фондов Бахчисарайского музея. — СА. № 2.
Чочиев А.Р., 1996. Нарты-арии и арийская идеология. М.
Шаров О.В., 1998. Погребения сарматской знати на Боспоре. — Боспорское царство как историко-культурный феномен. СПб.
Шедевры..., 1987. Шедевры древнего искусства Кубани. Каталог выставки. М.
Шелов Д.Б., 1956. Античный мир в Северном Причерноморье. М.
Шелов Д.Б., 1966. Тамга Риметалка. — Культура античного мира. М.
Шкорпил В.В., 1910. Заметка о рельефе на памятнике в честь Евпатерия. — ИАК. Вып. 37. СПб.
Шкорпил В.В., 1911. Боспорские надписи, найденные в 1910 г. — ИАК. Вып. 40. СПб.
Шульц П.Н., 1957. Исследования Неаполя Скифского (1945–1950 гг.). — История и археология древнего Крыма. Киев.
Щербак А.М., 1959а. Огуз-наме. Мухаббат-наме. Памятники древнеуйгурской и староузбекской письменности. М.
Щербак А.М., 1959б. Знаки на керамике и кирпичах из Саркела — Белой Вежи (МИА. Вып. 75).
Эршиу ши, 1956. Эршиу ши (25 историй). Т. 3. Шанхай (на кит. яз.).
Юрьевич В.Н., 1889. Камень с загадочными знаками, хранящийся в музее Одесского общества истории и древностей. — ЗООИД. Т. XV. Одесса.
Яблонский Л.Т., 1999. Некрополи древнего Хорезма. Археология и антропология могильников. М.
Яблонский Л.Т./Болелов С.Б., 1991. Могильник Ясы-тыр в Присарыкамышье: погребальный обряд и антропология. — Новые открытия в Приаралье. Вып. 2. М.

Ягодин В.Н./Ходжаев Е.К., 1967. Некрополь древнего Миздахкана. М.
Яйленко В.П., 1987. Несколько греческих граффити и «сарматская» надпись с Березани. — Античная балканистика. М.
Якобсон А.Л., 1950. Средневековый Херсонес (XII–XIV вв.). М.–Л.
Якобсон А.Л., 1970. Раннесредневековые сельские поселения Юго-Западной Таврики. Л. (МИА. Вып. 168).
Яхтангиров Х.Х., 1993. Северокавказские тамги. Нальчик.
Яценко С.А., 1992а. Элементы культуры хунну на территории Сарматии. — VI Международный конгресс монголоведов. Доклады российской делегации. Вып. 1. М.
Яценко С.А., 1992б. Плиты-энциклопедии тамг в Монголии и Сарматии. — Северная Евразия от древности до средневековья. Тезисы конференции. СПб.
Яценко С.А., 1992в. Антропоморфные изображения Сарматии. — Аланы и Кавказ. Владикавказ. Цхинвал (Alanica-II).
Яценко С.А., 1992г. О преемственности мифологических образов ранних и средневековых аланов. — Проблемы этнографии осетин. Вып. 2. Владикавказ.
Яценко С.А., 1993. Аланская проблема и центральноазиатские элементы в культуре кочевников Сарматии рубежа I–II вв. н.э. — ПАВ. Вып. 3.
Яценко С.А., 1994а. Аланы и аорсы в Северном Причерноморье в период готского вторжения: анализ тамг аристократического некрополя Пантикапея второй половины III в. н.э. — Древнее Причерноморье. Одесса.
Яценко С.А., 1994б. Изображения аланских кочевых кибиток в погребальном ритуале боспорских городов I–III вв. н.э. — Боспорский сборник. Вып. 4. М.
Яценко С.А., 1995. О сармато-аланском сюжете росписи в пантикапейском «склепе Анфестерия». — ВДИ. № 3.
Яценко С.А., 1997. Германцы и аланы: о разрушениях в Приазовье в 236–276 гг. н.э. — Stratum + ПАВ. СПб., Кишинев.
Яценко С.А., 1998а. Сарматские погребальные ритуалы и осетинская этнография. — РА. № 3.
Яценко С.А., 1998б. К изучению «энциклопедий» тамг Нижнего Дона I–III вв. н.э. — Проблемы археологии Юго-Восточной Европы (тезисы докладов VII Донской археологической конференции). Ростов-на-Дону.
Яценко С.А., 1998в. «Бывшие массагеты» на новой родине — в Западном Прикаспии (II–IV вв. н.э.). — Историко-археологический альманах. Вып. 4. Армавир–Москва.
Яценко С.А., 1999. Костюм пазырыкцев Горного Алтая как исторический источник. — ВДИ. № 3.
Яценко С.А., 2000а. О мнимых «бактрийских» ювелирных изделиях в Сарматии I–II вв. н.э. — Нижневолжский археологический вестник. Вып. 3. Волгоград.
Яценко С.А., 2000б. Эпический сюжет в искусстве ираноязычных кочевников в древностях Степной Евразии. — ВДИ. № 4.
Яценко С.А., 2001. Об этносе — противнике Плавтия Сильвана в Северо-Западном Причерноморье около 62 г. н.э. — Международные отноше-

ния в бассейне Черного моря в древности и средние века. Материалы IX Международной научной конференции. Ростов-на-Дону.

Яценко С.А., в печати. Комплекс с аланскими знаменами из могильника Дачи у Азова (рубеж I–II вв. н.э.). — Донские древности. Вып. 7. Азов.

Яценко С.А./Малашев В.Ю., 2000. О полихромном стиле позднеримского времени на территории Сарматии. — Stratum. № 4. СПб., Кишинев.

Яценко С.А./Раев Б.А., 2001. Плиты со скоплениями сарматских знаков из Танаиса в собрании Новочеркасского музея. — Боспорский феномен: Колонизация региона. Формирование полисов. Образование государства. Ч. 2. СПб.

Alwa W./Donnan Ch., 1993. Royal Tombs of Sipan. Los Angeles.

Antiquities of the Southern Uzbekistan, 1991 (Cataloque). Tokyo, Tashkent.

Bachmann W., 1994. Die Skythische-Sarmatische Harfe aus Olbia. Vorbericht zur Rekonstruktion eines unveröffentlichen im Kriege verschollenen Musikinstruments. — Sons originels. Préhistoire de la musique (ed. M. Otte). Liege.

Boardman J., 1998. Seals and Signs. Anatolian Stamp Seals of the Persian Period Revisited. — Iran. Vol. XXXV. L.

Boardman J., 2000. Persia and the West. An Archaeological Investigation of the Genesis of Achaemenid Art. L.

Böttger B., 1996. Joint Excavations in Tanais. — Colloquia Pontica. New Studies on the Black Sea Littoral (ed. by G.R. Tsetskhladze). Vol. 1. Oxf.

Chegini N.N., Nikitin A.B., 1996. Sasanian Iran: Economy, Society, Arts and Crafts (Chapter 2). — History of Civilizations of Central Asia. Vol. III (ed. by B.A. Litvinsky). P.

Dani A.H./Litvinsky B.A., 1996. The Kushano-Sasanian Kingdom. — History of Civilizations of Central Asia. Vol. III (ed. by B.A. Litvinsky). P.

Dyson S.L., 1968. The Commonware Pottery: The Brittle Ware. — The Excavations at Dura-Evropos. Final Report. Vol. IV. Pt 1. Fasc. 3 (ed. by C.B. Welles). New Haven.

Ebert M., 1909. Prähistorische Zeitschrift. T. 1. Berlin.

Gai Shanlin, 1986. Petroglyphs in the Yinshan Mountains. Beijing.

Ghirshman R., 1962. Iran. Parthes et Sassanides. P.

Gyselen R., 1995. Les sceaux des mages de l'Iran sassanide. — Au carrefour des religions mélanges offerts à Philippe Gignoux (réun. par R. Gyselen). Bures-sur-Yvette (Res Orientalis. Vol. VII).

Harle J.C., 1985. Herakles Subduing the Horse of Diomedes and Krishna Slaying the Demon-horse Kešin: a Common Iconographic Formula. — South Asian Archaeology. 1983. Papers from the Seventh International Conference of the Association of South Asian Archaeology in Western Europe (Ed. by J. Scotsmans and M. Taddei). Vol. 2. Naples.

Harper P.O., 1981. Silver Vessels of the Sasanian Period. Vol. 1. N. Y.

Häusler A., 1997. Musikarchäologische Zeugnisse aus dem nordpontischen Raum, mit einem Anhang über das Sarmatengrab von Olbia mit Winkelharfe. — Alteuropäische Forschungen. Arbeiten aus dem Institut prähistorische Archäologie der Martin-Luther-Universität Halle–Wittenberg. Neue Folge. 1. Wiesbaden.

Herzfeld E., 1988. Iran in the Ancient East. L.

Huff D., 1984. Das Felsreliefs von Qir. — Archaeologische Mitteilungen aus Iran. Hrsg. vom deutschen Archäologischen Institut/ Abteilung Teheran. Bd. 17. B.

Iranische Felsreliefs, I, 1989. The Sasanian Rock Reliefs in Naqsh-i Rustam. B. (Iranische Denkmäler. Lieferung 13. Reihe II).

Jänichen H., 1956. Bildzeichen der königlichen Hoheit bei den iranischen Völkern (Antiquitas, Reihe I: AzaG, Bd. 3). Bonn.

Kieseritzky G./Watzinger C., 1909. Griechische Grabreliefs aus Südrussland. B.

Kostrzewski J., 1921. Pismo obrazkowe, znaki własności czy symbole religijne?. — PA. T. II–III, zesz. 3–4. Poznań.

Kuznecov V.A., 2000. A propos des Alains et des Sarmates en Europe occidentale à l'époque des Grandes Migrations. — Colloquia Pontica. Vol. 5. Leiden, Boston, Köln.

Nickel H., 1973. Tamgas and Runes, Magic Number and Magic Symbols. — Metropolitan Museum Journal. Vol. 8.

Nomads of Eurasia, 1989 (Ed. by V.N. Basilov). Los Angeles.

Oats D./Oats J., 1958. Nimrud 1957: The Hellenistic Settlement. — Iraq. Vol. 20.

Pritsak O., 1976. The Pečenegs. A Case of Social and Economic Transformation. — Off-print Series, No. 11. Cambridge (Mass.).

Raev B.A., 1986. Roman Imports in the Lower Don Basin. — BAR International Series, No. 278. Oxf.

Raev B.A./Simonenko A.V./Treister M.Yu., 1991. Etrusco-Italic and Celtic Helmets in Eastern Europe. — Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums. 38. Jg. Mainz.

Rosenfield J.M., 1967. The Dynastic Arts of the Kushans. Berkeley, Los Angeles.

Rtveladze E.V., 1998. Pre-Muslim Coins of Chach. – Silk Road Art and Archaeology. Vol. 5. Kamakura.

Šarov O.V., 1994. Eine reiches Pferdegeschirr aus Kerč. — Beiträge römischer und barbarischer Bewaffung im Ersten nach christlichen Jahrhundert. Lublin.

Ščukin M.B., 1993. A propos des contacts militaires entre les Sarmates et les Germains à l'époque romaine. — L'Armée Romaine et les Barbares du IIIe au VIIe siècle (Red. de F. Vallet et M. Kazanski). P.

Sellwood D., 1971. An Introduction to the Coinage of Parthia. L.

Shishkina G.V.,1994. Ancient Samarkand: Capital of Sogd. — Bulletin of the Asia Institute. Vol. 8.

Simonetta A.M./Widemann F., 1978. The Chronology of the Gondopharean Dynasty. — East and West. Vol. 28.

Sims-Williams N./Cribb J., 1996. A New Bactrian Inscription of Kanishka the Great. — Silk Road Art and Archaeology. Vol. 4. Kamakura.

The Crossroads.., 1992. The Crossroads of Asia. Transformation in Image and Symbol in Art. An Exhibition at the Fitzwilliam Museum, Cambridge (Ed. by E. Errington, J. Cribb). Cambridge.

Treister M.Yu., 2000. Local Imitations of the Details of Roman Military Costume in the Bosporan Kingdom. — Antike Bronze. Werkstattkreise Figuren und Geräte. Akten des 14. International Kongresses für antike Bronzen (Ed. by R. Thomas). Köln.

Treister M./Yatsenko S., 1998. About the Centres of Manufacture of Certain Series of Horse-harness Roundels in "Gold-torquoise Animal Style" of the I-st — 2-nd Centuries AD. — Silk Road Art and Archaeolgy. Vol. 5. Kamakura.

Unvala J., 1953. Sassanian Seals and Sassanian Monograms. — N.P. Khareghat Memorial Volume. Vol. 1. Bombay.

Vanden-Berge L., 1984. Reliefs rupestres de l'Iran Ancien. Bruxelles.

Vanden-Berge L./Schippmann K., 1985. Les reliefs rupestres d'Elymaide (Iran) de l'époque parthe. Gand.

Vinogradov Yu. G., 1994. Greek Epigraphy of the North Black Sea Cost, the Caucasus and Central Asia (1985–1990). — Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. Vol. 1. Leiden.

Wulff H.E., 1966. The Traditional Crafts of Persia. L.

Zeimal' E.V., 1994. The Circulation of Coins of Central Asia during the Early Medieval Period (Fifth–Eighth Centuries AD). — Bulletin of the Asia Institute. Vol. 8. Bloomfield Hills.

СОКРАЩЕНИЯ

АС	—	Археологический съезд
АСГЭ	—	Археологический сборник Гос. Эрмитажа. Л.
ВДИ	—	Вестник древней истории. М.
ЖС	—	Живая старина. СПб.
ЗООИД	—	Записки Одесского Общества истории и древностей. Одесса
ЗРАО	—	Записки Русского Археологического общества. СПб.
ЗСККОАИЭ	—	Записки Северокавказского краевого общества археологии, истории и этнографии. Ростов-на-Дону
ЗСККОИДП	—	Записки Северокавказского краевого общества истории, древностей и природы. Ростов-на-Дону
ИА РАН	—	Институт археологии Российской академии наук. М.
ИАИАНД	—	Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону. Азов
ИАК	—	Известия Императорской Археологической Комиссии. СПб.
ИГАИМК	—	Известия Гос. Академии истории материальной культуры. М.–Л.
ИИМК	—	Институт истории материальной культуры РАН. Л.СПб.
ИРАИМК	—	Известия Российской Академии истории материальной культуры. М.–Л.
ИРОМК	—	Известия Ростовского Областного музея краеведения. Ростов-на-Дону
КБН	—	Корпус боспорских надписей. М., 1965
КСИА	—	Краткие сообщения Института археологии АН СССР. М.
КСИА АН УССР	—	Краткие сообщения Института археологии АН Украинской ССР. Киев
МАД	—	Материалы по археологии Дагестана. Махачкала
МАИЭТ	—	Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь

МАСП	—	Материалы по археологии Северного Причерноморья. Одесса
МИА	—	Материалы и исследования по археологии СССР. М.
МХЭ	—	Материалы Хорезмской экспедиции. М.
НС	—	Нумизматика и сфрагистика. М.
ОАК	—	Отчеты Императорской Археологической Комиссии. СПб.
ПАВ	—	Петербургский археологический вестник. СПб.
РА	—	Российская археология. М.
СА	—	Советская археология. М.
САИ	—	Свод археологических источников. М.
ССКГ	—	Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис
СЭ	—	Советская этнография. М.
Тр.АС	—	Труды Археологического съезда
Тр.ИИАЭ Каз.ССР	—	Труды Института истории, археологии и этнографии АН Каз.ССР. Алма-Ата
Тр.ХАЭЭ	—	Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. М.
Тр.ЮТАКЭ	—	Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. Ашхабад
УЗКБНИИ	—	Ученые записки Кабардино-Балкарского НИИ при Совмине КБАССР. Нальчик
УЗ ЯГПИ	—	Ученые записки Ярославского гос. педагогического института
AzaG	—	Abhandlungen zur alten Geschicthe
BAR	—	British Archaeological Researches. Oxf.
PA	—	Przegląd Archeologiczny. Poznań
SHA	—	Scriptores Historiae Augustae

ИЛЛЮСТРАЦИИ

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Рис. 1. *Железные инструменты для клеймения скота и деревянные сосуды с тамгами:* 1 — Кирсановский III, курган 2 (I–II вв. н.э.); 2 — Центральный Кавказ, Кабарда, клан Тлебзуховых; 3 — деревянная чашечка (знаки на внешней стороне днища), Милорадовка, курган 1/3 (II–III вв. н.э.), Саратовская обл.

Рис. 2. *Примеры некорректных «близких аналогий» знакам-тамгам:* 1 — по Драчук, 1975; 2 — по Симоненко/Лобай, 1991.

Рис. 3. *Основные способы образования новых форм тамг:* a — одна маленькая дополнительная линия на одном из концов; b — две симметричные дополнительные линии; c — зеркальное отражение первоначального знака вниз; d — зеркально отраженные варианты знака одного и того же владельца; e — одна дополнительная геометрическая фигура (круг, квадрат); f — соединение двух различных или одинаковых тамг; i — утроение-учетверение тамги.

Рис. 4. *Хронологически определимые специфические знаки отдельных регионов Сарматии в I в. до н.э. — 1-й пол. I в. н.э.* Условные обозначения: 1 — «царские» знаки; 2 — районы распространения специфических тамг; 3 — специфические знаки, встреченные неоднократно; 4 — греческие города. Регионы: I — Кубань; II — Нижний Дон; III — Боспор; IV — Центральный Крым; V — Северное Приазовье. *Пункты находок:* 1 — Хатожукаевский; 1а — Бойко-Понура, 1973 г., погр. 3; 2 — Воздвиженская; 3 — Песчаный, могила 10; 4 — Нижний Джулат; 5 — Арбузовский, курган 8/2; 6–7 — Криволиманный I, курган 16/9; 8 — Криволиманный I, курган 88/1; 9, 11–14 — Жутово, курган 28/1; 10 — Новый, курган 67/4; 15 — совхоз Донской, курган 1/2; 16 — царица Dynamie; 17 — Hrisaliskos; 18 — царь Aspurgos; 19 — Владимировка; 20 — Neapolis, зольник, 1957 г.; 21 — Михайловка; 22 — Федосеевка II, курган 1/3. *Категории изделий:* сосуды — бронзовые (котлы) — 1, 3, 5–8, 15; серебряные — 9, 11–14; каменные — 20; сосуды лепные — 21–22; конская узда (железо) — 2, 10; монеты — 16, 18; каменные плиты, кирпичи — 17, 19; подвеска бронзовая — 4; бляха бронзовая — 1а.

Рис. 5. *Хронологически определимые специфические знаки отдельных регионов Сарматии в сер. I — сер. II в. н.э.* Условные обозначения: 1 — «царские» знаки; 2 — районы распространения специфических тамг; 3 — специфические знаки, встреченные неоднократно; 4 — греческие города. Регионы: I — Крым; II — Нижний Дон; III — Кубань; IV — северное побережье Азовского моря; V — Правобережная Украина; VI — Боспор; VII — Верхний Дон; VIII — Восточное Предкавказье; IX — Венгрия. *Пункты нахо-*

док: 1 — Усть-Альминский, склеп 16; 2 — Усть-Альминский, могила 329а; 3 — Кермен-Кыр; 4 — Neapolis, восточный некрополь, могила 35; 5 — Арабатская стрелка; 6 — Булганакское; 7, 19, 20 — Бельбек IV, могила 101; 8 — Chersonessos, 1929 г., 9 — Заветное, могила 48; 10 — Ак-Кая; 11 — Заветное, стела 1962 г.; 12 — Бельбек IV, могила 149; 13 — Бельбек IV, случайная находка; 14 — курган Ногайчин; Заветное, стела 6; 15 — Заветное, стела 6; 16 — Neapolis; 17 — Усть-Альминский, склеп 138; 18– Neapolis, восточный некрополь, могила 35; 21–22 — Усть-Альминский, могила 584; 23 — Алма-Кермен, Ак-Кая I; 24 — Chersonessos; 25 — восточный некрополь Неаполя, могила 40; 26 — Калос Лимен; 27, 38 — Красноармейский, курган 2; 28 — Царский, курган 64/1; 29 — Кобяково, курган 10; 30 — Ливенцовка; 31–32 — Займо-Обрыв I, курган 16; 33 — там же, курган 18/2; 34, 47 — Бердия, курган 8/2; 35, 37 — Мокрый Чалтырь; 36 — Дачи, курган 1; 37а — Волга-Чограй XXXVII, курган 1/1, 39 — Московский II, курган 6; Антонов I, курган 5; 40 — Бердия, курган 3; 41 — Новый, курган 12/3; Терновка, курган 8/1; 42, 45–46 — Кобяково, 1956 г., могила 6; 43 — Садовый; 44 — Кирсановский III, курган 2; 48 — Казанская, 49 — Тифлисская; 50,56 — Краснодар; Тифлисская, курган 38; 51–52, 57 — Кунчукохабль; 53 — Казанская, курган 6; 54 — Мостовой; 55 — Тифлисская, курган 10; 58 — Ленинградская; 59 — Михайловская, курган 2/14; 60 — Ярощевка; 61,66–71 — Каменная Могила, грот 37, 1993 г.; 62 — Павловка; 65 — Богуслав II, курган 2; 72; 74, 78, 80, 89, 95–96, 98–101, 117 — Козырка, погребение 1918 г.; 75 — Березань; 76 — Пешканы; 81 — Соколова Могила, погребение 3; 82 — Пороги, Рошава-Драгана, Баштечки; 83, 90 — Olbia; 84 — Запорожье, курган 2 1957 г.; 85–86 — монеты; 87 — Грушка; 88, 91 — Пороги, могила 1; 90 — Дунахарасти; 102–107 — Рошава-Драгана, урна 2; 108, 112, 117 — Волна-I; 109 — некрополь Нимфея; 110–111, 113–114 — Panticapaeum; 115 — Карабудахкент; 116, 129 — Уйташ; Козырка; Ольвия; 118–119 — Артезиан; 120, 123–124, 128 — Сырское городище, 1993 г., постройка 2; 121–122, 126–127 — Чертовицкий I, курган 6/11; 130 — Зилги 1991 г. (клеймо); 131 — Клин-Яр III, склеп 7 (граффити).

Категории изделий: инструменты для клеймения — 44; узда конская: серебряная — 8, 29, 37а; железная — 27–28; мечи — 36, 82, 86, 102–107; железные накладки — 53, 55, 113; золотые накладки — 38; золотые бляшки — 4; бусы каменные — 50; амулет бронзовый — 12; амулет глиняный — 120, 123–124, 128; амулет гагатовый — 121–122, 125–127; пластинки костяные — 54, 75; пояс золотой — 86; гривна золотая — 90–91; браслет золотой — 83; подвеска ожерелья золотая — 133; зеркала бронзовые — 7, 13, 19–20, 25, 30, 42, 45–46, 56, 76, 84, 115; оселки каменные — 31–32, 51–52, 57; посуда лепная — 63; посуда гончарная — 4, 6, 9, 18, 21–23, 33, 59, 82–83, 86, 88, 108, 112, 117–119, 130–131; посуда серебряная — 34, 47, 49; сосудики золотые — 14, 83; котлы бронзовые — 35, 39–40, 44, 58, 60, 62, 64–65; сосуды каменные — 81; надгробия каменные — 3, 5, 10–11, 14, 84; стены склепов — 109–110; плиты каменные — 16, 26, 83, 111, 114; петроглифы — 50, 56–61, 116, 129; арфа деревянная — 74, 78, 80, 89, 95–96, 98–101.

Рис. 6. *Хронологически определимые специфические знаки отдельных регионов Сарматии в сер. II — сер. III в. н.э.* Условные обозначения: 1 —

«царские» знаки; 2 — районы распространения специфических тамг; 3 — специфические знаки, встреченные неоднократно; 4 — греческие города. Регионы: I — Западный и Центральный Крым; II — Нижний Дон; III — Боспор; IV — Западный Устюрт; V — Южное Приуралье; VI — Нижняя Волга; VII — Средняя Кубань и прилегающая к югу территория; VIII — Правобережная Украина и Молдова; IX — Закавказье; X — Центральное Предкавказье; XI — Верхний Дон; XII — Северное Приазовье; XIII — Устье Волги; XIV — Среднее Подмгтовье. *Пункты находок*: 1–3 — Neapolis, склеп 1, 1834 г.; 4 — Нейзац, Neapolis; 5 — Бакла, 1976 г.; 6 — Тенистое; 6а — Курское, могила 4; 7–9 — Neapolis; 10 — Тарпанчи; 11 — Neapolis, восточный некрополь, могила 65; 13, 21 — Chersonessos; 12–13 — Рамазан-Сала; 14 — Бельбек IV, могила 106; 15 — Neapolis; Усть-Альминское: 16 — раскоп III, 1995 г.; 17–18 — могила 482; 19 — могила 566; 20 — могила 482; 22 — Нейзац; 23 — Tanais, могила 98; 24 — Еланская; 25 — Октябрьский; 26 — Кобяково, могила 6, 1961 г.; 27 — Tanais; 28 — Tanais, усадьба 18, подвал ЕК; подвал ГЖ, 1979 г.; 29 — Кобяково, могила 23, 1962 г.; могила 65, 1957 г.; 30 — Валовый I, курган 33; 31 — Ростов н/Д, 1970 г.; 32 — Камышевский I, курган 8; 33, 42 — Котлубань, курган 2; 34, 36 — Кировский I, курган 1/2; 35 — Tanais; 37 — Центральный VI, курган 16; 38 — Кобяково, могила 20, 1956 г.; 39 — Высочино I, курган 25/1; 40 — Высочино V, курган 4; 41, 45, 47 — слобода Криворожье, 1867 г.; 43 — Фомин I, курган 2/2; 44 — завод «Серп и молот», 1977 г. (Темерницкий некрополь); 46 — Нагавский II; 48 — царь Рименталкес (Rhoemetalces) (?); 49 — царь Тиберий Эвпатор (Tiberius Eupatoros); 50, 58 — царь Савромат (Sauromates) II (большой и малый знаки); 51 — царь Рискупорид (Rhescuporis) IV (?); 52 — царь Рискупорид (Rhescuporis) III; 51, 69 — Боспор; 55 — Panticapaeum — каменные плиты и зеркало; Olbia, лев № 2; 56, 75, 79 — Panticapaeum; 57 — Panticapaeum, 1972; 58–59, 66–67, 71–72 — Семеновка; 60, 74, 80 — Илурат; 61 — Panticapaeum, могила 210, 1903 г.; 62–63 — Gorgippia; 64 — Phanagoria; 65 — Gorgippia, склеп 1975 г.; 68 — сопрягтель царя Тиберия Эвпатора; 70 — Таманский полуостров; 73 — Panticapaeum, склеп «сабазиастов» 1912 г.; 81–82, 84 — Panticapaeum, склеп «сабазиастов» 1901 г.; 83 — Вышестеблиевская; 84а — Kytaion, склеп «сабазиастов» 1901 г.; 83 — Вышестеблиевская; 84а — Kytaion, склеп 265; 84б — Илурат, склеп 160; 84в — Керчь, могила 1837 г.; 85–90 — Байтe III; 91 — Дербенев; 92 — Большекараганский, курган 8; 93– Покровка II, курган 9/1; 94 — Блюменфельд; 94а — Политотдельское, курган 7/1, Харьковка, курган В–10; 95 — Комаровка, 1886 г.; 96 — Еремеевка, 1910 г.; 97 — Милорадовка, курган 1/3; 98 — Копанешхо; 99 — Городской, курган 3; 100 — окрестности Сочи; 101 — Краснодар; 102 — Васильевка, курган 27; 103 — Корпач; 104 — Владычень, курган 5; 105 — Маркауцы; 106 — Тецканы, Кривой Рог; 107–108 — Беюк-Дегне; 109 — Маграненти; 110 — Клин-Яр III, катакомба 47/2; Зилги, 1987 г.; 111 — Зилги, 1989 г.; 112 — Зилги, 1987 г.; 113–113а — Чечня; 114 — Клин-Яр III, средневековая катакомба 20 (заполнение); 115–116 — Зилги, 1990 г.; 117 — Урванское городище; 118 — Северо-Западное Предкавказье; 119 — Чертовицкое III, постройка 3, 1991 г.; 120 — Каменная Могила, грот 37; 121 — Шевченко, курган 6; 122 — Лбище, погребение 6; 123 — Обухов.

Категории изделий: накладки золотые — 93, 99, 102, 122; пояса бронзовые — 51, 68; узда конская: серебряная — 4, 32–34, 37, 39, 42, 43; железная — 98; посуда серебряная — 84в; посуда лепная — 10; посуда гончарная — 11, 28, 46, 58–60, 66–67, 71–72, 74, 110–112, 114–117, 119; посуда деревянная — 97; бронзовая обкладка деревянного сосуда — 23, котлы бронзовые — 24–25, 31, 40, 95–96, 113–13а; посуда золотая — 41, 45, 47; граффити на стенах бытовых построек — 4, 7, 9, 25, 57; граффити на стенах склепов — 1–3, 22, 65, 73, 79, 81–82, 84; зеркала бронзовые — 6а, 14, 21, 26–27, 29, 38, 43, 91–92, 94а, 101–102; подвески в форме astragalos (гагат) — 30; глиняная фигурка бычка — 61; грузила глиняные — 69; гиря свинцовая — 35; форма литейная каменная — 28; плиты каменные — 5, 15, 55, 62–63, 70, 75–77, 80, 84б, 85–87, 104, 107–108; надгробия каменные — 11–13, 56, 83, 89–90, 103; стелы каменные — 6, 123; петроглифы — 84а, 120.

Рис. 7. *Хронологически определимые специфические знаки отдельных регионов Сарматии в сер. III — кон. IV в. н.э.* Условные обозначения: 1 — «царские» знаки; 2 — районы распространения специфических тамг; 3 — греческие города. Регионы: I — Боспор; II — Правобережная Украина; III — Юго-Западный Крым; IV — устье Дона; V — Центральное Предкавказье. *Пункты находок*: монеты Боспора: 1 — неизвестный царь (Тейран?); 2 — царь Фофорс (Thothorses); 3 — царь Радамсад (Rhadamsades); 4–5 — царь Рискупорид VI (Rhiscuporis VI); Panticapaeum: 6 — надпись 343 г.; 7 — надгробие 307 г.; 8, 11 — комплекс Е. Запорожского, 1891 г.; 9 — надгробие 274 г.; 10, 13–15 — склеп 1841 г.; 12 — «писаная плита»; 16 — Белены̆ское, могила 199; 17 — Кубей, курган 3/1; 18 — Olbia, лев № 1; 19 — Клин-Яр III, катакомба 35; 20 — Дружное, склеп 87; 21 — Инкерман 1954 г., урна; 22–25 — Озерное III; 26–27 — Недвиговка (Tanais), могила 1972 г.; 28 — Московский I, курган 14/1.

Категории изделий: колье — 10; золотые детали узды — 1, 8, 11, 13–15; зеркала бронзовые — 16–17, 19; бронзовый ажурный диск — 20; канфар серебряный — 26–27; посуда гончарная — 28; монеты — 2–5; каменные плиты — 6, 12; надгробия — 7, 9; стены склепов — 22–25; урна — 21.

Рис. 8. *Перемещения предметов с тамгами в различных хронологических группах*. Условные обозначения: 1 — перемещения 2-й пол. I в. н.э.; 2 — перемещения 2-й пол. II — нач. III в. н.э.; 3 — перемещения 2-й пол. III в. н.э. *Пункты находок*: 1 — Соколова Могила; 2 — Olbia; 3 — Козырка; 4 — Богуслав; 5 — Усть-Альминское; 6 — Семеновка; 7 — Недвиговка (Tanais); 8 — Царский; 9 — Чертовицкий I; 10 — Давыдовка; 11 — Песчаный; 12 — Воздвиженская; 13 — Еланская; 14 — Ильевка; 15 — Чечня; 16 — бассейн Орели–Самары; 17 — Нагавский II.

Категории изделий: сосуды золотые — 2; сосуды серебряные — 10; сосуды гончарные — 5, 6, 17; сосуды каменные — 1; котлы бронзовые — 4, 11–13, 15–16; узда серебряная — 8; ложка серебряная — 7; точильный камень — 14; надгробие — 3; амулет из гагата — 9.

Рис. 9. *Специфические тамги отдельных регионов на «разрисованной плите» из Керчи*. Условные обозначения: 1 — знаки I в. до н.э. — 1-й пол. I в. н.э.; 2 — знаки сер. I — сер. II в. н.э.; 3 — знаки сер. II — сер. III в. н.э.; 4 — знаки сер. III — кон. IV в. н.э.; 5 — знаки царей.

Рис. 10. *Специфические тамги отдельных регионов на мраморном льве № 1 из Olbia*. Условные обозначения: 1 — знаки I в. до н.э. — 1-й пол.

I в. н.э.; 2 — знаки сер. I — сер. II в. н.э.; 3 — знаки сер. II — сер. III в. н.э.; 4 — знаки сер. III — сер. IV в. н.э.; 5 — знаки царей.

Рис. 11. *Специфические тамги отдельных регионов на мраморном льве № 2 из Olbia.* Условные обозначения: 1 — знаки I в. до н.э. — 1-й пол. I в. н.э.; 2 — знаки сер. I — сер. II в. н.э.; 3 — знаки сер. II — сер. III в. н.э.; 4 — знаки сер. III — сер. IV в. н.э.; 5 — знаки царей.

Рис. 12. *Специфические тамги отдельных регионов на стеле из Кривого Рога (Днепропетровская обл. Украины).* Условные обозначения: 1 — знаки I в. до н.э. — 1-й пол. I в. н.э.; 2 — знаки сер. I — сер. II в. н.э.; 3 — знаки сер. II — сер. III в. н.э.

Рис. 13. *Специфические тамги отдельных регионов на стенах пещер Ак-Кая I и II (Восточный Крым) (I-II) и грота 37 в Каменной Могиле (Приазовье) (III):* 1 — знаки сер. I — сер. II в. н.э.; 2 — знаки сер. II — сер. III в. н.э.; 3 — знаки царей.

Рис. 14. *Отдельные знаки:* а — большой и малый знаки клана на головном уборе жреца из сасанидского Ирана (по Gyselen, 1995, fig. 7); b — большой и малый знаки на монетах царя Sauromates II; c — варианты написания знака царя Inenthimeus; d — варианты написания знака одного и того же клана разными людьми на деревянной арфе из Козырки; e — схемы знаков четырех последовательно правивших царей Боспора в 131–227 гг. н.э. (Rhoemetalces, Tiberius Eupatoros, Sauromates II, Rhescuporis III); f — знак аланского князя Давида Сослана на монете в период его совместного правления с царицей Тамар, Грузия, 1189–1213; g,h — наиболее распространенные знаки на зеркалах-подвесках в могильнике Бельбек IV (Юго-Западный Крым); i — предполагаемый знак аланского царского клана Аравелианов (Moses of Khoren. History of Armen. 2. 58); j — знак, распространенный на двух соседних территориях: котлы Нижнего Дона (Московский II, курган 6) и Кубани (Калининский, курган 2/10); k — Харьковка, курган В-7, зеркало; l — Абдар-Баян (Монголия), петроглиф; m — тамга индо-сибирского царя Зейоница; n — тамги на согдийской монете VI–VIII вв.; o — знак сасанидского аристократа, приближенного Арташара I.

Рис. 15. *Знаки царей Боспора 30-х годов II — 20-х годов III в. н.э. (почерки и различные варианты написания одного знака):* предполагаемые Риметалка (9), Рискупорида III (1–8, 10–12) и Тиберия Эвпатора (13–14). 1 — плита из Танаиса (Соломоник, 1959, № 13; далее используется ее нумерация); 2 — плита из Танаиса (там же, № 136); 3 — «энциклопедия» из Пантикапея (там же, № 17); 4 — надгробие с «энциклопедией» из Пантикапея (там же, № 21); 5 — надгробие с «энциклопедией» из Пантикапея (там же, № 44); 6–7 — надгробие с «энциклопедией» из Пантикапея (там же, № 45); 8 — свинцовая плитка (Ульский аул, 1898 г. ?: там же, № 67); 9–10 — плита-«энциклопедия» из Пантикапея (там же, № 486); 11 — плита с «энциклопедией» из Танаиса 1993 г. (по: Böttger, 1996, fig. 11); 12 — перстень из саркофага 1975 г. в Горгиппии (по: Алексеева, 1986, рис. 3а); 13 — «энциклопедия» из Танаиса (по: Соломоник, 1962, рис. 9); 14 — Танаис и Тамань (Соломоник: 1959, № 1, 3).

Рис. 16. *Отдельные «энциклопедии» тамг из святилища Байте (Северо-Западный Устюрт):* I — плита 1997 г. из кладки храма (основные группы тамг); II — изображения на груди «изваяния 1».

Рис. 17. *Сарматские знаки на «энциклопедиях» святилищ Байте (плато Устюрт) и аналогии им в Сарматии, Западном Туркестане и Иране* (по: Ольховский/Яценко, 2000): *I — плита 1997 г.:* **а** *— сарматские знаки группы 2 (№ 5–7):* 1, 3, 5 — Ольвия, лев № 1; 2 — Царский (Ростовская обл.), курган 64, погребение 1 (форма псалия); 4 — Ак-Кая I; 6 — территория Боспорского царства; 7 — гемма Каницки, сына Вибо из музея Ашмолеан (Оксфорд); 8 — Байте, «изваяние 1»; 9 — Байте, «изваяние 2»; 10 — ст. Еланская (котел); 11, 17 — «керченская писаная плита»; 12 — надгробие из Бессарабии (Драчук, 1975, табл. III, 105); 13 — плита из Пантикапея (Соломоник, 1959, № 44); 14, 15 –головные уборы сасанидских магов (Gyselen, 1995, fig. 2: A, f and D, d); ***б*** *— сарматские знаки группы 3 (№ 8–11):* 16 — плита из Танаиса (Новочеркасский музей); 18, 22 — Ольвия, лев № 2; 19 — Кой-Крыган-кала (Хорезм), керамика; 20 — Каменная Могила, грот 37; «керченская писаная плита»; Ольвия, львы № 1 и 2; Кой-Крыган-кала (Хорезм) — керамика; терракоты; 21 — сасанидская гемма мартпата Лукавана Виста; 23 — Каменная Могила, грот 37; «керченская писаная плита»; Ольвия, львы № 1 и 2; Керчь, «Стасовский» склеп; плиты № 46 из Пантикапея, № 55 из Танаиса, № 61 из Ольвии (Соломоник, 1959), из Симферополя/Неаполя (Соломоник, 1962, рис. 12). ***II, а*** *— тюркские знаки группы 1 (№ 1–4);* ***II, б*** *— «изваяние 1»;* ***II, в*** *— «изваяние 2»;* ***II, г*** *— аналогии:* № 1–8 — Сарматия; № 9–11 — Иран, Хорезм и Бактрия; № 12–15 — знаки, широко распространенные в иранском мире.

III *— знаки на стенах святилища 1998 г., идентичные образцам Сарматии из комплексов с «узкими» датами:* **а** — рубеж н.э. — 1-я пол. I в. н.э.; **б** — сер. I — сер. II в. н.э.; **в** — сер. II — сер. III в. н.э.: 1 — Донской, курган 1/2, котел; 2 — Жутово, курган 28/1, серебряная фестончатая тарелка; 3 — Кобяково, курган 10, золотые пластины узды; 4 — Бердия, курган 8/2, серебряный бокал; 5 — Бердия, курган 3, котел; 6 — Ногачинский курган, золотая пиксида; 7 — Павловка, котел; 8 — Ярощевка, котел; 9 — Соколова Могила, погр. 3, мраморный сосуд и костяная статуэтка; 10 — Кунчукохабль, оселок; 11 — Краснодар, зеркало; 12 — Зилги, 1990 г., яма 4, карьер 6; 13 — Казанская, курган 48, золотая брошь; 14 — Пантикапей, стена «склепа сабазиастов» 1901 г.; 15 — Нейзац, стена склепа.

Рис. 18. *Тамги некрополя Бельбек IV и их аналоги:* 1–13 — типы тамг; 14–19 — тамги на фоне орнамента зеркал; 20–26 — аналогии тамгам Бельбека IV; 27–28 — схема изображений на предметах с серией тамг.

Рис. 19. *Наиболее политически и экономически активные сарматоаланские кланы* (представлены не менее чем в двух «энциклопедиях» различных регионов): 1 — тамги I в. до н.э. — I в. н.э.; 2 — тамги сер. I в. н.э. — сер. II в. н.э.; 3 — тамги сер. II — сер. III в. н.э.; 4 — тамги сер. III — кон. IV в. н.э.; 5 — тамги, известные не менее чем в четырех «энциклопедиях».

Рис. 20. *Специфические тамги отдельных регионов на плите из Танаиса, из Новочеркасска (1) и на плите 1993 г. из района главных городских ворот Танаиса (по Böttger, 1996, fig.11) (2):* 1 — знаки сер. I — сер. II в. н.э.; 2 — знаки сер. II — сер. III в. н.э.; 3 — сер. III — кон. IV в. н.э.; 4 — знаки царей.

Рис. 21. *Специфические тамги отдельных регионов на двух плитах из Танаиса в новочеркасском Музее истории донского казачества:* 1 — знаки I в. до н.э. — сер. I в. н.э.; 2 — знаки сер. I — сер. II в. н.э.; 3 — знаки сер. II — сер. III в. н.э.; 4 — знаки царей.

Рис. 22. *Специфические тамги отдельных регионов на плите из Танаиса в новочеркасском Музее истории донского казачества (стороны А, Б):* 1 — знаки сер. I — сер. II в. н.э.; 2 — знаки сер. II — сер. III в. н.э.; 3 — знаки царей.

Рис. 23. *Специфические тамги отдельных регионов на плитах из Танаиса в новочеркасском Музее истории донского казачества:* 1 — знаки I в. до н.э. — сер. I в. н.э.; 2 — знаки сер. I — сер. II в. н.э.

Рис. 24. *Портативные изделия сер. I — сер. II в. н.э. с тамгами:* I — с поперечным нанесением вторичного знака нового хозяина: 1 — первоначальная тамга; 2 — вторичная тамга; а–b — знаки на днище (а) и стенке (b) серебряного бокала (Бердия, курган 8/2); с — надгробие (Заветное, могила 265); II — зеркала с «энциклопедиями»: d — Бельбек IV, могила 101; e — Кобяково, могила 6 1956 г.; f — Neapolis, склеп 1, стенная роспись; III — Чертовицкий 1, курган 6/11, гагатовая подвеска к мечу; IV — Сырское городище, 1993 г., раскоп 1, постройка 2, глиняный амулет (?).

Рис. 25. *«Энциклопедии» рубежа I–II вв. н.э. на территории Ольвийского полиса на предметах из оранжирi:* I — деревянная арфа из погребения 1918 г. в Козырке: а — уникальные знаки предположительно местного происхождения; b — знаки нижнедонского происхождения; с — знаки Правобережной Украины; d — реконструкция первоначального облика арфы; II — костяная пластина с острова Березань: а — лицевая сторона; b — оборотная сторона.

Рис. 26. *«Энциклопедии» тамг сер. I — сер. II в. н.э. и ажурные пластины с «царскими» знаками:* а — плита из Беюк-Дегне (Азербайджан); b — каменный оселок из кургана у аула Кунчукохабль; с — навершие и ножны сарматского меча из урны 2 в Рошава-Драгане (Болгария); d — бляхи узды II–III вв. из кургана 1/2 могильника Кировский I на Нижнем Дону (по Л.С.Ильюкову, натуральная величина); e — плита из Калос-Лимена.

Рис. 27. *Тамги и производственные знаки бассейнов Амударьи и Сырдарьи в VI–II вв. до н.э.* Условные обозначения: 1 — специфические знаки, встреченные неоднократно; 2 — знаки, соответствующие буквам арамейского, хорезмийского и греческого алфавитов; 3 — знаки, характерные для нескольких территорий. Регионы: I — Хорезм; II — Согдиана (Самарканд); III — Нижняя Сырдарья. Пункты находок: Хумбуз-тепе — 111–113; Джанбас-кала — 40, 47, 63; Капарас (ранняя керамика) — 5, 7, 13, 33, 37, 46–48, 116; Елхарас (ранняя керамика) — 6, 8, 16, 24, 43, 47, 57, 63; Капарас и Елхарас (совокупная информация) — 2–3, 6, 9, 11–12, 15, 17–19, 20–22, 25–26, 30–32, 34, 36, 38, 41–42, 50–56, 58, 60–89, 71–83, 85–94; Кала-рыг 2 — 1, 4, 35, 39, 41, 63, 84, 115; Кой-Крылган-кала (опубликованные) — 27, 61, 81, 95–109, 114, 117–126, 126а-126б; Джигербент — 59, 62, 110; Кара-тюбе — 7, 14, 29, 44–45, 49, 60; Афрасиаб (ранние слои) — 127–139; чирикрабатская культура (совокупная информация) — 140–142.

Категории изделий: керамика и кобуры — 5–8, 13, 16, 24, 27, 33, 37, 43, 46–48, 57, 59, 61–63, 81, 110–126, 136, 140–142; кирпичи — 1–4, 6, 9, 11–12, 15, 17–19, 20–22, 25–26, 30–32, 34–36, 38–42, 47, 50–56, 58, 60–69, 71–94, 126а–126б, 127–139; петроглифы — 7, 14, 29, 44–45, 49, 60.

Рис. 28. *Тамги и производственные знаки бассейнов Амударьи и Сырдарьи в I в. до н.э. — III в. н.э.* Условные обозначения: 1 — специфические знаки, встреченные неоднократно; 2 — знаки правителей на монетах; 3 — знаки, соответствующие буквам арамейского, хорезмийского и «сакского» алфавитов; 4 — знаки, характерные для нескольких территорий. Регионы: I — Хорезм; II — Бактрия; III — Кангюй; IV — Нижняя Сырдарья; V — Согд; VI — Средняя Амударья. Пункты находок: Кургашин-кала — 1–5, 13; Кзыл-кала — 6; Топрак-кала — 7, 12, 14, 22, 28–29, 34–36, 38–40; Токкала — 8–11, 16–21, 33, 37; Шадринск — 16, 52; Гяур-кала Султануиздагская — 15, 23–25, 29; Елхарас (керамика 2-й группы) — 15, 28, 30–32; Дальверзин-тепе — 50, 53–54, 65, 69, 75–76, 81, 90–97; Тахти-Сангин — 55–61; Бактры II (Балх) — 63–66; Халчаян — 67–68; Кей-Кобад-шах — 62, 67–68, 71–74, 77–78; Старый Термез — 70; Дильберджин — 71, 87–91; Ханака-тепе — 79–86; Матхура — 105; Ак-Тобе 2 — 121–122; Алтынасар 4 — 126–128; Орлат, курган 2 — 130; Чишлен-кала — 131; Навиндева — 131–132; Кутнам-кала — 133; Ходжа-Идат-кала — 134–136; Керкели-депе — 137.

Категории вещей: керамика — 14, 15, 28, 30–32, 121–122, 126–128; кирпичи — 1–13, 15–25, 28–29, 33–43, 62–68, 71–97, 131–137; база каменной колонны — 55–61; сосуд серебряный — 16, 52; пряжки пояса костяные — 130; монеты — 44–52, 98–104, 108–120, 123–125, 129; статуя — 105; геммы — 106–107; граффити — 53–54, 75–76, 81; терракота — 69, 70.

Рис. 29. *Тамги и производственные знаки бассейнов Амударьи и Сырдарьи в IV–VIII вв. н.э.* Условные обозначения: 1 — специфические знаки, встреченные неоднократно; 2 — знаки, соответствующие буквам алфавитов арамейского, хорезмийского и пехлеви; 3 — знаки правителей на монетах; 4 — знаки, характерные для нескольких территорий. Регионы: I — Чач; II — Согд; III — Хорезм; IV — Тохаристан; V — Средняя Амударья. Пункты находок: керамика Нижней Сырдарьи (по сводке Е.А.Смагулова) — 1–10, 12–13, 15; Шаушкумтобе — 11, 16–26, 29–30, 43–51; Джанальтепе — 79; замок Чильхуджра — 81; Сеталак II — 82–84; Ясы-гыр — 92–93, 96–97; Миздахкан — 94–95; Ясы-гыр 4, курганы 1 и 4 — 96–97; Тарым-кая 2, курган 31 — 98; Арапхона — 113–114; Хазарек-депа — 115; 117–121 — монеты эфталитов.

Категории находок: керамика — 1–30, 43–51, 82–84, 92–93, 96–98, 116; монеты — 31–42, 52–80, 85–91, 110–112, 117–121; кирпичи — 79, 113–115; оссуарии керамические — 94–95, 99–104; деревянный музыкальный инструмент — 81.

Рис. 30. *Неопубликованные знаки на керамике из Кой-Крылган-калы, Хорезм (IV–II вв. до н.э.) (коллекция М.Г. Воробьевой).* Условные обозначения: 1 — знаки, встреченные неоднократно; 2 — знаки, оттиснутые штампом; 3 — знаки, нанесенные после обжига: а) — хумы; b) — горшки и (или) кувшины; с) — кубки и бокалы; d) — чаши и миски; e) — фляги; f) — крышки.

Рис. 31. *Тамги на базах колонн из святилища Тахти-Сангин (Бактрия) (табл. автора в: Литвинский/Пичикян, 2000).* Условные обозначе-

ния: 1 — знаки, встреченные неоднократно; 2 — уникальные местные знаки, не имеющие аналогий: 1) четыре основных скопления знаков; 2) типы тамг (1–16); 3) аналогии на других территориях иранского мира. Пункты находок аналогий: 17 — Хорезм; 18, 19, 27, 33 — Ольвия; 20–21 — Рошава-Драгана, урна 2 (Болгария); 22, 36, 41 — Калгутинский рудник (Алтай); 23–24, 26–27, 37–38 — Керчь; 23 — Танаис; 23, 32–33, 41 — Нижняя Сырдарья (по Е.А. Смагулову); 25 — Каменная Могила (Приазовье); 27, 33, 41 — Кой–Крылган-кала (Хорезм); 27, 35, 40 — Елхарас, Каларас (Хорезм); 27 — Павловка (Приазовье); Еланская (Нижний Дон); 28–29 — Кушанская империя; 30 — Мартыновка (Нижнее Поднепровье, клад VII в. н.э.); 31, 41 — р. Цаган-гол (Западная Монголия); 33 — Ихлык (Восточная Монголия); 33, 41 — Пасаргады; 33 — Кей-Кобад-шах и Халчаян (Бактрия); 34 — Кривой Рог (Правобережная Украина); 36 — Аффасиаб (Самарканд); Туэкта, курган 1 и Башадар, курган 2 (Алтай); 39 — Кобяково, могила 6 1956 г. (Нижний Дон).

Категории вещей: монеты — 17, 28–29; керамика — 23, 27, 32, 33, 36, 40–41; кирпичи — 27, 33, 35–36; петроглифы — 22, 25, 31, 33, 36, 41; каменные плиты — 23–24, 26–27, 33, 37–38, 41; каменные статуи — 18–19, 33; каменные стелы — 34; котлы бронзовые — 27; меч — 20–21; золотой флакон — 27; зеркала — 39; поясная гарнитура — 30; деревянная имитация узды — 36.

Рис. 32. *Знаки ахеменидского Ирана (по: Boardman, 1998; 2000)*: а — строительные знаки в Пасаргадах ; b — строительные знаки в Персеполе; c — строительные знаки в Сардах; d — печати Малой Азии; e — монеты; f — печати с религиозными и мифологическими сценами; g — строительные знаки на камнях в Сузах; h — знаки на глазурованных кирпичах в Сузах.

Рис. 33. *Знаки Ирана селевкидского, парфянского и сасанидского времени*: **а** — сложные «монограммы» иранских Сасанидов и образующие их элементы; **b** — царские знаки Аршакидов: 1, 2 — Готарз, Вологез I; 3 — Ород I; 4 — Фраат IV; 5 — Вологез III; 6 — Вологез IV, Артабан IV; **c** — знаки шаханшахов и высшей знати Сасанидов: 7, a–c — Арташир I; 8 — Шапур I; 9 — Варахран I, II; 10 — Шапур II; 11 — Хормизд II; 12 — Хосров II; 13 — царь на блюде из Красной Поляны; **d** — знаки на кирпичах пограничных северо-восточных крепостей Ирана: 1–2, 4–5, 7–8, 10–15, 29 — Гяуркала (Мерв); 3, 6, 8–9, 16–30 — Эрк-кала (Мерв); 31, 35 — Акдепе; 32–34 — Кеши; **e** — скопление знаков на камне с парфянским рельефом в Кире (Южный Иран). Условные обозначения: 1 — буквы алфавитов.

Рис. 34. *Скопления знаков Южной Сибири, Монголии и Западного Туркестана*. Пункты находок: а — р. Цаган-гол (Западная Монголия); b — Калгутинский рудник (Южный Алтай); c — Тайхар-Чулун (Центральная Монголия); d — скала Калмак-Кырган (Южный Казахстан, по А.А.Спицыну); e — хорезмийский серебряный сосуд из кургана под Шадринском (Южное Приуралье); f — Кара-Тюбе (Хорезм). a, c, f — отдельные скопления в крупном местонахождении петроглифов. Категории объектов: a–d, f — петроглифы; e — серебряный сосуд.

Рис. 35. *Знаки Южной Сибири и Монголии*: а — пазырыкская культура Южного Алтая; b — петроглифы Южного Алтая; c — Западная Монголия; d — Южная Монголия; e — Центральная Монголия; f — Восточная Монголия. Пункты находок: 1–8 — Туэкта, курган 1; 4, 12 — Туэкта, курган 2; 9–10 — Пазырык, курган 3; 11–12 — Пазырык, курган 4; 13–14 — Пазырык, курган 5; 6, 8, 11, 15–22 — Башадар, курган 2; 22–23 — Шибе; 24 — Уландрык IV; 25 — Елангаш; 26–29 — Бар-Бургазы; 30 — Каракоринская степь; 31–44 — Калгутинский рудник; 45–72 — Цаган-гол; 63, 65 — Баянхонгорский аймак; 73–78 — Цаган-Чулун; 72, 79 — Баян-Энгер; 76 — Бугат-сомон; 80–105 — гора Тэбш; 106–110 — гора «Дающая»; 111–114 — Отцон-Майнт; 115–116 — Гэр-Чулун; 117–153 — Бикчит; 154–160 — Дурбельджин; 161– Абдар-Байн; 125, 138, 152, 162–171 — Тайхар-Чулун; 149, 169, 172 — Дзун-Сайхан-сомон; 173 — ущелье Хавцагайт; 174–179 — Ихлык I, IV; 180–185 — Мандал I; 186–207 — Аршаан-шад.

Категории объектов: 25–207 — петроглифы; 1–23 — деревянная погребальная имитация конской узды; 24 — каменные стелы.

Рис. 36. *Тамги средневековых аланов VII–X вв.* Условные обозначения: 1 — знаки, встреченные неоднократно; 2 — знаки, характерные для нескольких территорий (группа «а»); 3 — буквы алфавитов. Регионы: I — Предкавказье; II — Нижний Дон; III — верховья Дона и Северского Донца; IV — Горный Крым; V — Мартыновский клад. Пункты находок: 1–6, 21–25, 27–28 — Джинальский грот; 7 — Змейская; 8, 10 — р. Кяфар; 11–18, 19 — Хумара (крепость); 12, 48 — Мокрая Балка; 17 — Верхняя Теберда; 20 — Старокорсунская, погр. 50/1; 26 — Мартан-Чу, погр. 10, 15, 16/2; 29–31, 34 — Гнаюзы; 32 — Старокорсунская, погр. 3/1; 33 — Токмак-Кая 2; 35–39 — Крейды; 40–44 — скала Барабан; 44а–б — Мощевая Балка; 44 в–г — Кяфарское городище; 45–47, 49–53 — Змейская, катакомбы 61–64, 68, 81; 54–92, 99–101 — Саркел; 93–94, 97 — Семикаракорское, Правобережное Цимлянское; 95–96, 98 — Правобережное Цимлянское; 102, 105–117, 122–126 — Маяцкое городище; 103 — Маяцкий могильник; 104 — Маяцкое селище; 118–121 — Дмитриевский могильник; 127–128, 146 — Скалистое; 128–129 — Гончарное; 130 — Бобровка; 131, 154 — Мангуп-кале; 132–141, 147–153, 155–158 — Мангуп-кале; 142–144 — мыс Ай-Фока; 145, 161 — Бакла, Эски-Кермен; 159–160 — Эски-Кермен; 162–168 — Мартыновка (клад).

Категории изделий: керамика — 45–53; 72–75, 77–92, 101, 103–121, 145–146, 161; кирпичи — 54–71, 76, 93–100; черепица — 128–130, 154–155, 159–160; глиняные модели храмов — 140–144; каменные стены крепостей — 11–19, 30, 102–103, 105, 122–126, 130–141, 147–153, 155–158; каменные дольменообразные склепы — 8–10, 17; пещерные склепы — 29, 31, 33–39; каменные надгробия — 127–128; каменные кресты — 40–44; стены гротов — 1–6, 9, 21–25, 27–28; «коленные камни» — 44 в–г; серебряные узда и поясная гарнитура — 162–168; бронзовые бляшки головного убора — 20, 26, 32; деревянная посуда — 44 а–б, 146.

LIST OF ILLUSTRATIONS

Fig. 1. The Sarmatian instrument for stamping and the wooden cup (I–III cc. AD)
Fig. 2. The indelicate "close analogies" for the "tamga"-signs of Sarmatia
Fig. 3. The main ways of creating of new forms of the "tamga"-signs (Sarmatia)
Fig. 4. The specific regional signs of Sarmatia of the I c. BC — 1st half of the I c. AD
Fig. 5. The specific regional signs of Sarmatia of the 2nd half I-1st half of the II cc. AD
Fig. 6. The specific regional signs of Sarmatia of the 2nd half II-1st half of the III cc. AD
Fig. 7. The specific regional signs of Sarmatia of the 2nd half III — the end of the IV cc. AD
Fig. 8. The migrations of the objects with the signs in various chronological groups
Fig. 9. The specific regional signs of Sarmatia on the stone plate from Kerch
Fig. 10. The specific regional signs of Sarmatia on the marble lion No. 1 from Olbia
Fig. 11. The specific regional signs of Sarmatia on the marble lion No. 2 from Olbia
Fig. 12. The specific regional signs of Sarmatia on the stela from Krivoy Rog
Fig. 13. The specific regional signs of Sarmatia in caves in Ak-Kaya and Kamennaya Mogila
Fig. 14. Various signs
Fig. 15. The variants of individual handwriting of the signs of the kings of Bosporus
Fig. 16. The accumulations of "tamga"-signs in Bayte sanctuary (Ustyurt plateau)
Fig. 17. The published types of "tamga"-signs of Bayte and their analogies
Fig. 18. The signs of Bel'bek IV necropolis (S-W Crimea, I–III c. AD) and their analogies
Fig. 19. The signs of the most politically active noble clans of Sarmato-Alans
Fig. 20. The specific regional signs of Sarmatia on the plates from Tanais
Fig. 21. The specific regional signs of Sarmatia on the plates from Tanais
Fig. 22. The specific regional signs of Sarmatia on the plate from Tanais
Fig. 23. The specific regional signs of Sarmatia on the plates from Tanais
Fig. 24. The small objects with several signs (Sarmatia, mid. I — mid. II cc. AD)
Fig. 25. The accumulations of signs from the Olbian polis (the turn of the I–II cc. AD)
Fig. 26. The accumulations of signs (Sarmatia, mid. I — mid. II cc. AD)
Fig. 27. The signs of the Basins of Amudar'ya and Syrdar'ya (VI — II cc. BC)
Fig. 28. The signs of the Basins of Amudar'ya and Syrdar'ya (I c. BC — III c. AD)
Fig. 29. The signs of the Basins of Amudar'ya and Syrdar'ya (IV–VIII cc. AD)
Fig. 30. The nunpublished signs on the pottery from Koy-Krylgan-kala (Khwarezm)
Fig. 31. The accumulations of signs on the column from Takhti-Sangin (Bactria)
Fig. 32. The signs of the Achaemenian Iran (by J. Boardman 1998; 2000)
Fig. 33. The signs of the Parthian (b) and Sassanian (a, c–e, d, 31–35) Iran and the Hellenistic Margiana (d, 1–30)
Fig. 34. The accumulations of signs from Mongolia (a, c), Altay (b), W.Turkestan (d–f)
Fig. 35. The "tamga"-signs of the Altay (a–b) and Mongolia (d–f)
Fig. 36. The "tamga"-signs of the medieval Alans.

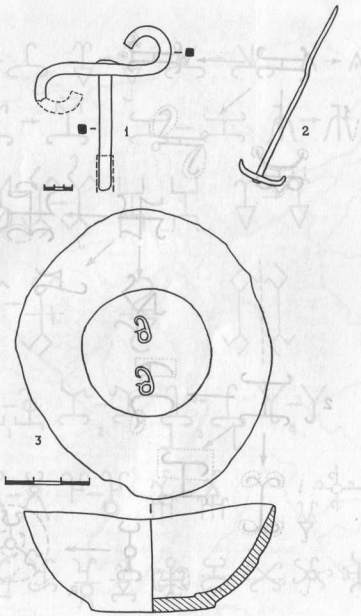

Рис. 1

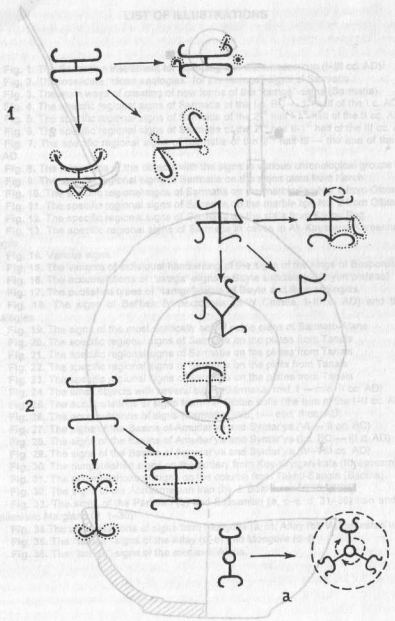

Рис. 2

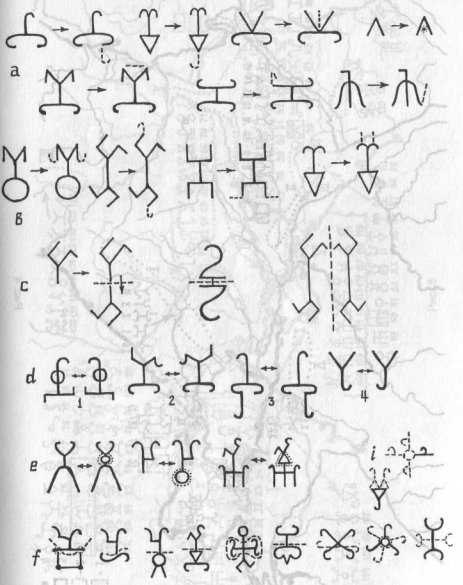

Рис. 3

Рис. 4

Рис. 5

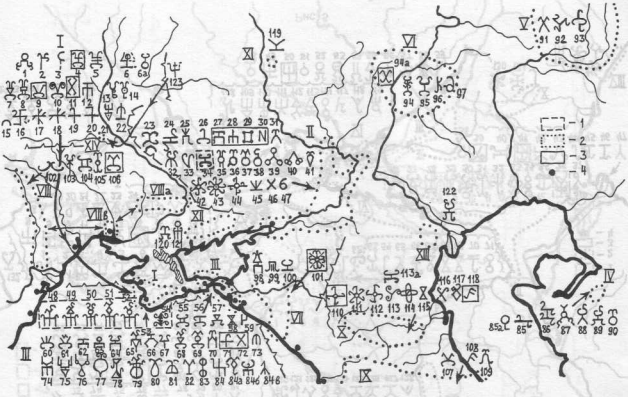

I
II
III
IV
V
VI
VII
VIIa
VIIб
VIII
IX
XI
XII
1
2
3
4

Рис. 6

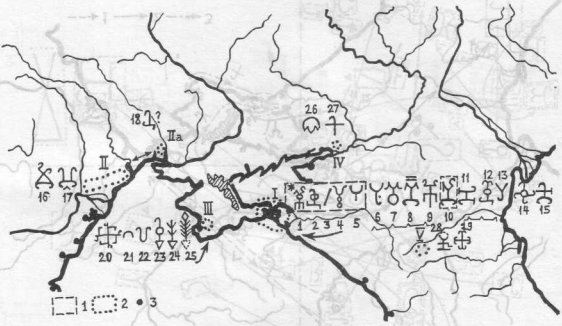

I
II
IIa
III
IV
1
2
3

Рис. 7

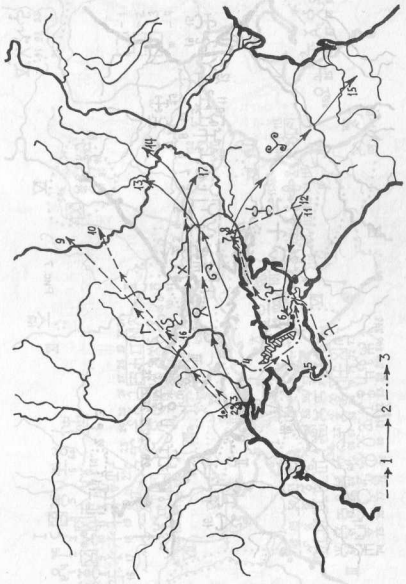

Рис. 8

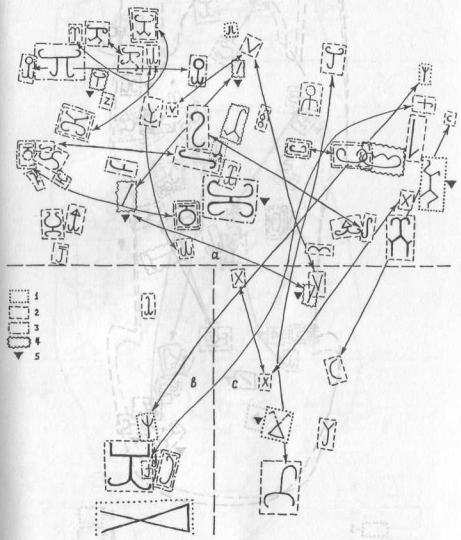

Рис. 9

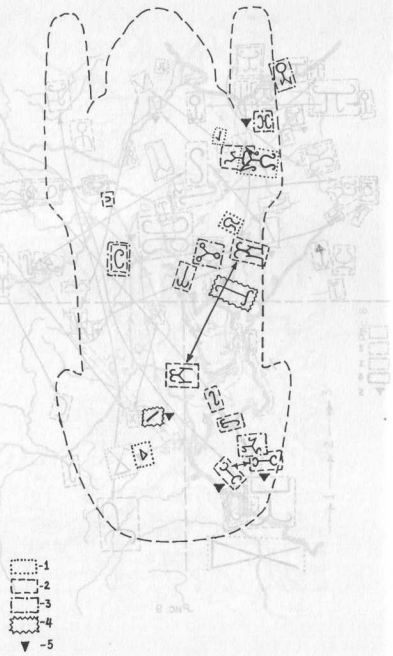

Рис. 10

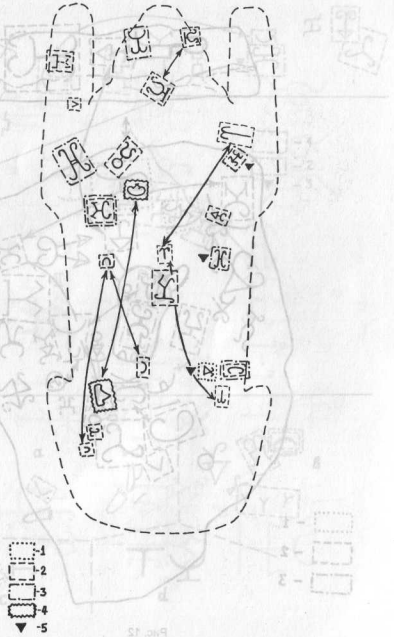

Рис. 11

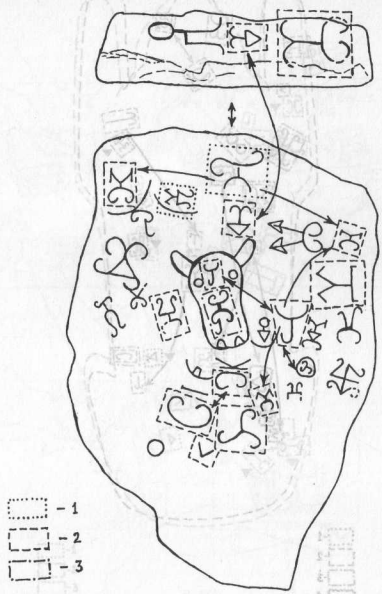

Рис. 12

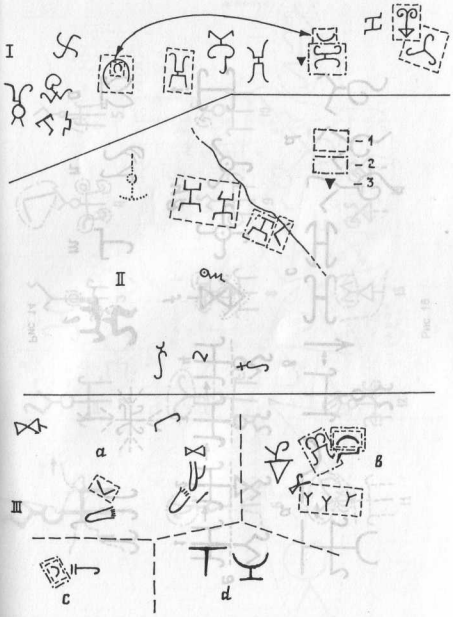

Рис. 13

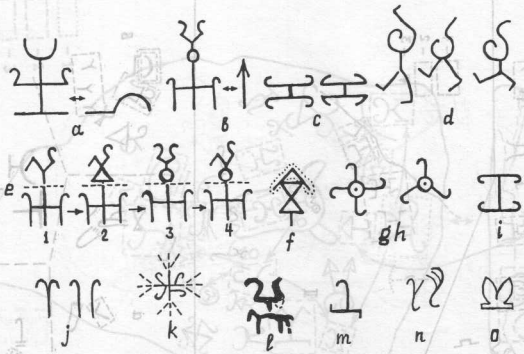

Рис. 14

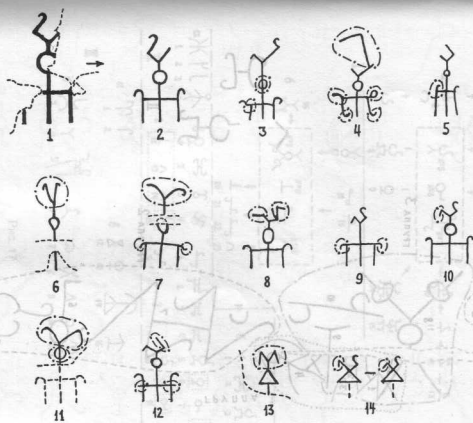

Рис. 15

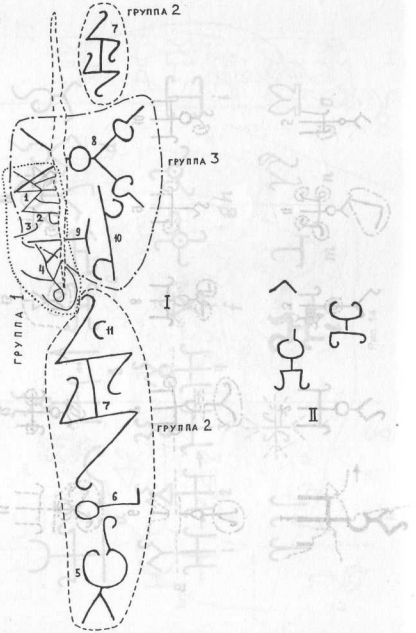

Рис. 16

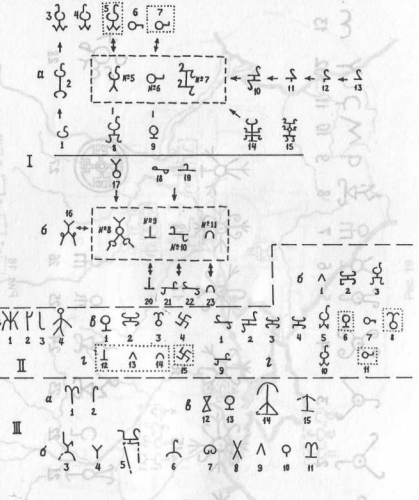

Рис. 17

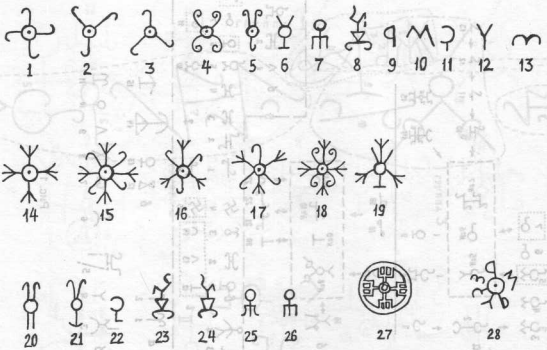

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28

Рис. 18

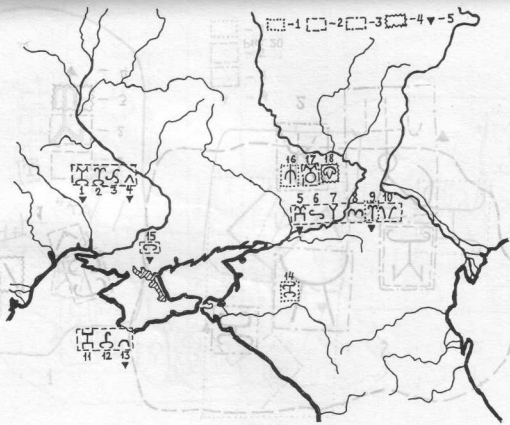

-1
-2
-3
-4
-5
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18

Рис. 19

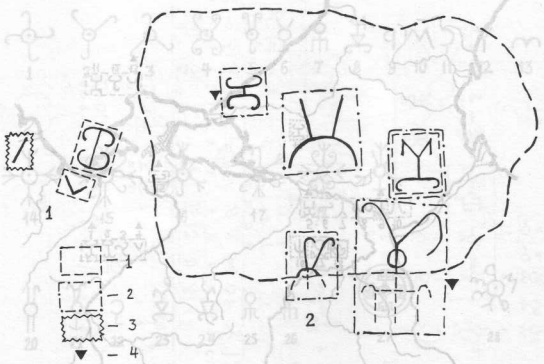

Рис. 20

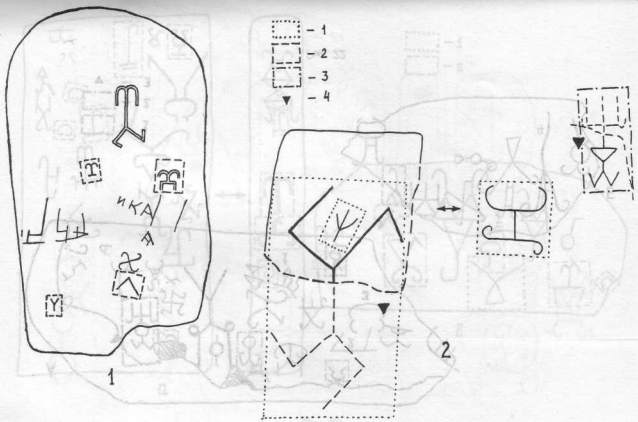

Рис. 21

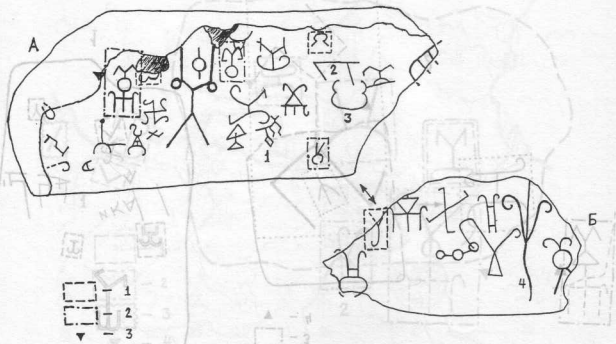

Рис. 22

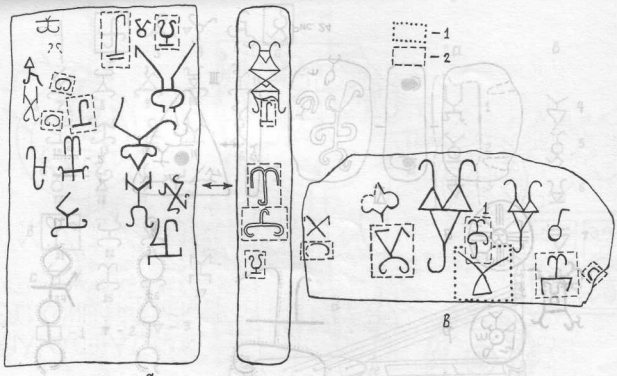

Рис. 23

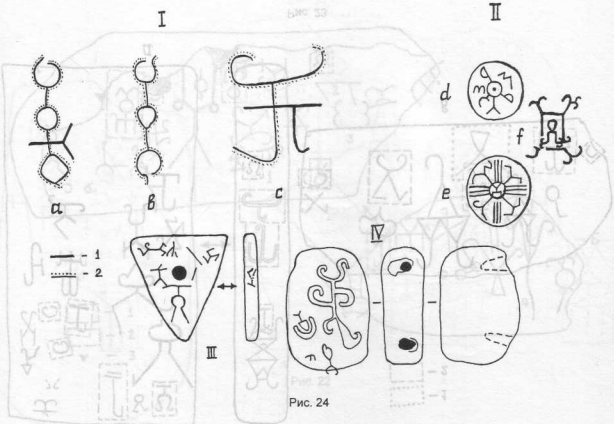

Рис. 24

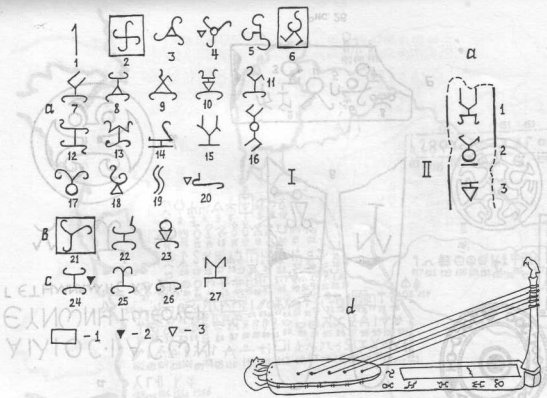

Рис. 25

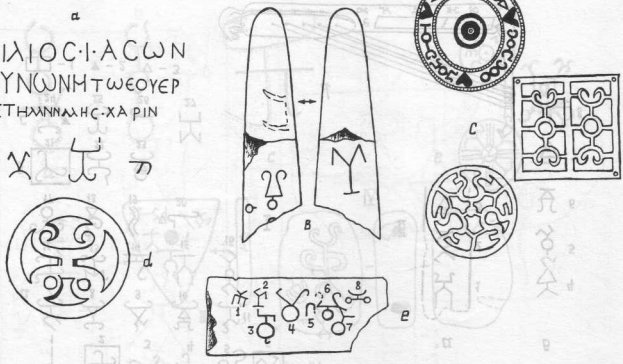

а
ΑΙΛΙΟC·Ι·ΑCΩΝ
ЄΥΝΩΝΗΤωЄΟΥЄΡ
ΓЄΤΗΛΛΝΝΑΛΗC·ΧΑΡΙΝ
б
в
г
д
е

Рис. 26

I
II
III
1
2
3

Рис. 27

Рис. 28

Рис. 29

Рис. 30

Рис. 31

Рис. 32

Рис. 33

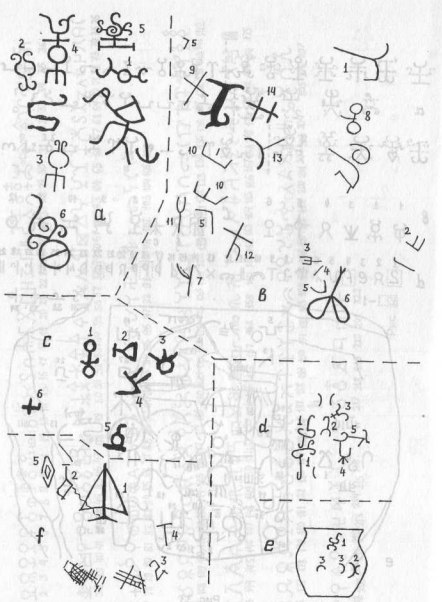

Рис. 34

Рис. 35

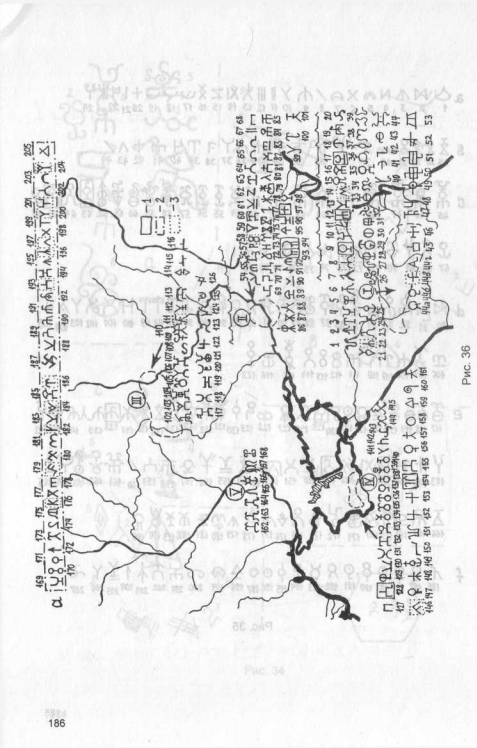

Рис. 36

SUMMARY

Tamga-signs of the Iranian Peoples in the Ancient Times and Early Middle Ages.

The monograph is devoted to the complex analysis of signs of property (*nišan/gakk*) in different regions of Iranian World. The most numerous and the best studied collection of signs from European Steppes I c. BC — IV c. AD became the basis of investigation of the succession of the forms of signs and their customary usage from nomadic Sarmatians up to the modern peoples of the Central part of the Northern foothills of Caucasus. It gave the possibility to use widely the data of ethnology. Special attention is paid to the questions of methodology; defining the notion "tamga", criteria of similarity of signs while describing them, ways of creating of new forms (fig. 3), a "big" clan sign and its variants and "small" family signs, variants of individual handwriting, the mechanism of borrowings by other ethnic groups. Besides the defence of property the images of the signs marked the participation of members of the clan in collective actions (concluding treaties, religious ceremonies in sanctuaries, fraternization, taking part in public building). The forms of signs in the Northern Caucasus have stayed unchanged for about 2000 years in the boundaries of the group of kindred ethnic groups, as after some famous clan saving be declined its tamga was expropriated by another clan. The regions where the custom of wide usage of tamgas was originated from, were found (Western Turkestan, Mongolia — no later than the beg. of the VI c. BC). Special attention is also paid to signs of Sarmato-Alans of Europe, those signs belonging to the representatives of aristocracy only. The signs are described according to the principles of chronological groups and separate regions. The accumulations of signs are usually of interregional character and reflects different economical, political and religious actions. The analysis of using the tamgas of the most powerful clans and kings of Bosporus gave the opportunity to define precisely their genealogy and their relations with the territories from where their forefathers had emigrated to Europe (Khwarezm, Kang-Kü, Bactria, Sogdiana). The signs on bricks from agricultural Iranian regions were the signs of the property of the noble clans and families, the signs of the craftsmen's ones and the signs of peasants' ones (the members of which were mobilized for the public building). The signs ("monograms") of the Sasanids were, probably, usual tamgas of a clan and presented the combination of 2–3 simple types known in Iranian world (the signs of mother and farther + additional elements coming into existence in the process of a new clan forming : pl. 33, a). The

Turks, having conquered most of the Iranian peoples' territories since the VI–VII cc., borrowed numerous types of signs. But Turkic tamgas had other functions (they had the names of different things or phenomena, they could be sat on by the ruler. They also were personal signs and tribal signs). The differentiatinig of Alanian signs from Turkic ones in European Steppes of the VI–XII cc. presents a complicated task. Most of tamgas preserved are concentrated in several regions, mostly connected with the Alans (fig. 36).

CONTENTS

Preface (The history and the main problems of the study of "tamga"-signs of the Iranian peoples) 3

Chapter 1. The problems of methodology and the methodics of "tamga"-signs' studies 11

Chapter 2. The origin and the spread of "tamga"-signs in the Iranian World 27

Chapter 3. The "tamga"-signs of Sarmatia (the chronological and regional specifics) 31

Chapter 4. The "king's signs" of the rulers of Bosporan Kingdom and the Sarmatians of the Western Ukraine and their origin 45

Chapter 5. The accumulations ("encyclopaediae") of "tamga"-signs and the twin signs pictures in Sarmatia 61

Chapter 6. The "tamga"-signs and the political history and genealogy of the aristocratic clans of Sarmato-Alans 84

Chapter 7. The signs of the Basins of Amudar'ya and Syrdar'ya 93

Chapter 8. The signs of Iran 101

Chapter 9. The "tamga"-signs of the South Siberia and Mongolia 105

Chapter 10. The correlation of "tamga"-signs of the Iranian and Turkic peoples 107

Chapter 11. The "tamga"-signs of the medieval Alans 110

Conclusion 118

Bibliography 120

Abbreviations 137

Illustrations 139

List of illustrations (in Russian) 140

List of illustrations (in English) 150

Summary 187

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение (История и основные проблемы изучения тамг иранских народов) 3

Раздел 1. Вопросы методологии и методики изучения тамг 11

Раздел 2. Возникновение и распространение тамг в иранском мире 27

Раздел 3. Тамги Сарматии (хронологическая и региональная специфика) 31

Раздел 4. Царские знаки правителей Боспора и сарматов Западной Украины и их происхождение 45

Раздел 5. Скопления («энциклопедии») и изображения с парами тамг в Сарматии 61

Раздел 6. Тамги и политическая история, генеалогия аристократических кланов сармато-аланов 84

Раздел 7. Знаки бассейнов Амударьи и Сырдарьи 93

Раздел 8. Знаки Ирана 101

Раздел 9. Тамги Южной Сибири и Монголии 105

Раздел 10. Соотношение тамг иранских и тюркских народов 107

Раздел 11. Тамги средневековых аланов 110

Заключение 118

Литература и источники 120

Сокращения 137

Иллюстрации 139

Список иллюстраций 140

List of illustrations 150

Summary 187

Contents 189

Научное издание

***Яценко** Сергей Александрович*

Знаки-тамги
ираноязычных народов древности
и раннего средневековья

Утверждено к печати
Российским государственным
гуманитарным университетом

Редактор *В.В.Волгина*
Художник *Э.Л.Эрман*
Технический редактор *О.В.Волкова*
Корректоры *Е.В.Карюкина, Е.И.Крошкина*
Компьютерная верстка *Е.А.Пронина*

ЛР № 020297 от 23.06.97
Подписано к печати 28.09.01
Формат 60×90 1/16. Печать офсетная
Усл. п. л. 12,0. Усл. кр.-отт. 12,3. Уч.-изд. л. 12,9
Тираж 1000 экз. Изд. № 7938. Зак. № 165

Издательская фирма
«Восточная литература» РАН
103051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21

ООО «Пандора-1»
107143, Москва Б-143, Открытое шоссе, 28